

ОЧЕРКИ,

А 188
575

ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

НО

ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

I.

СЪ ДВУМА ПОРТРЕТАМИ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4.

1892

С А 188 / 575

ИЗЪ ИСТОРИИ СЕЛЪ И СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ.

Послѣ освобожденія Малороссіи отъ польской зависимости, народъ рѣшилъ, что прежнія крѣпости на земельныя имѣнія „козацкою шаблею скасованы“ и что засимъ земля можетъ принадлежать только народу, прогнавшему поляковъ и завоевавшему себѣ свободу. Дѣйствительно, всѣ крѣпости, по которымъ поляки владѣли имѣніями въ Малороссіи, были „скасованы“, потому что сами владѣльцы частью были прогнаны, частью убиты, а принадлежавшія имъ земли перешли въ неограниченное владѣніе сидѣвшаго на нихъ крестьянства. Но кромѣ поляковъ были въ Малороссіи и другіе владѣльцы: монастыри и отчасти—православная шляхта. Монастырское землевладѣніе Хмельницкій началъ подтверждать чуть не въ первый годъ начатой съ поляками войны. Православная шляхта выждала нѣкоторое время, пока прошло первое возбужденіе народа, и тоже обратилась къ Хмельницкому за подтвержденіемъ и универсалами. Но маестностей, подтвержденныхъ монастырямъ и православной шляхтѣ, было сравнительно немного. Огромное большинство селъ оставалось послѣ изгнанія поляковъ все таки свободнымъ отъ владѣльцевъ и народъ мнилъ себя нѣкоторое время единственнымъ владѣльцемъ земельныхъ богатствъ... Но такое положеніе вещей долго продолжаться не могло. Козацкая старшина, освоившись съ тою властью, которая начала сосредоточиваться въ ея рукахъ, стала эту власть расширять и съ помощью ея стала захватывать и свободныя земли, и сидѣвшихъ на нихъ крестьянъ. Послѣдніе уступали не безъ со-

противленія. Старшинскіе захваты стали узаконяться гетманскими универсалами и къ концу XVII в. старшинѣ было роздано столько маетностей, что Мазепа, въ виду „пререканія посольства“, началъ было отбирать ихъ отъ лицъ безвлятельныхъ назадъ. По этому поводу гетманъ писалъ въ Москву, въ 1692 г.,— „о отданныхъ маетностяхъ разнымъ особамъ такъ у себя мы, гетманъ, съ старшиною и съ полковниками разсудили: которые особы (изъ старшины) еще въ войску и въ народѣ мнятся быть къ службѣ негодны, а за нашими универсалами къ маетностямъ приобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставити... И какъ уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маетностей оставили есмы... и тѣ маетности въ общую городовую власть привратили, *уождая тому, дабы посольство пререканія не чинило...*“ Но такія распоряженія ограничивались единичными случаями. Видно, что Мазепа вынужденъ былъ такъ дѣйствовать подъ давленіемъ угрозъ, которыя слало ему Запорожье...¹⁾ Между тѣмъ старшина, не ограничиваясь землями, на которыхъ сидѣли крестьяне, стала простирать руки и къ землямъ козачьимъ... Протестъ козаковъ вызвалъ интересный универсалъ Мазепы, написанный въ ноябрѣ 1691 г., въ которомъ гетманъ пояснялъ старшинѣ, далѣе какихъ предѣловъ не должны простираться ея вождѣнія. Донесено намъ, писалъ Мазепа, что нѣкоторыя какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, получивъ, по милости Божьей и монаршей и нашему изволенію, маетности, не обращаютъ вниманія ни на здѣшнія малороссійскія обыкновенія, ни на войсковые порядки и неугодливо поступаютъ съ жителями тѣхъ маетностей: тяглыхъ крестьянъ безъ мѣры отягчаютъ повинностями, а козаковъ приневоливаютъ въ крестьянство... И если который козакъ силится остаться въ войсковыхъ спискахъ, такого владѣлецъ маетности начинаетъ разными способами тѣснить, стараясь или приневолить его къ переходу въ „мужицтво“ или совсѣмъ вытѣснить изъ своей маетности. А кромѣ того, слышимъ мы, что нѣкоторые владѣльцы маетностей, развѣдавъ—какія изъ козачьихъ земель въ ихъ селахъ принадлежали за польской дер-

¹⁾ Подробности см. у Костомарова, Мазепа и Мазоницы, стр. 93 и слѣд.

жавы „панамъ“, стали отбирать эти земли подъ свою власть. Эти дѣйствія владѣльцевъ маетностей противны и праву войсковому, и волѣ нашей гетманской, потому что тѣ земли, которыя отвагою „рыцарства войска запорожскаго“ отняты въ войну Хмельницкаго у польскихъ пановъ и немалое время уже находятся въ козацкомъ владѣнн, не могутъ быть у козаковъ отнимаемы. Всѣмъ извѣстно, что война Хмельницкаго и пачата была какъ за вѣру святую и церкви православныя, обращенныя въ „римскую“ унию, такъ и за войсковыя вольности, которыя ярмомъ тяжкимъ были придавлены. По этому одному нельзя отнять права у нашихъ „отважниковъ“ на владѣннѣ всѣмъ тѣмъ, что ими тогда было завоевано саблей и кровью... Въ силу этого симъ нашимъ универсаломъ приказываемъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людямъ, чтобы они власть свою при владѣннѣ маетностями выражали „мѣрно“, какъ слѣдуетъ по „малороссійскому обыкновению“, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей, особливо дабы козаковъ, изстари въ тѣхъ маетностяхъ живущихъ, не притѣсняли и земель, издавна ими владѣемыхъ, не отнимали, хоть бы и доказано было, что тѣ земли при полякахъ были „панскія“¹⁾.

Гетманъ публично признавалъ безспорность права половины народа (козаковъ) на находившуюся въ его владѣннѣ землю, но тѣмъ не менѣе это признаннѣ обращалось въ мертвую букву, потому что всѣ гетманскія распоряженнѣ въ защиту народа должны были оставаться безъ результата, такъ какъ за исполненнѣмъ этихъ распоряженнѣ должна была наблюдать та самая старшина, противъ которой направлялись подобныя приведенному универсалы.

Процессъ порабощеннѣ народа старшиною продолжался безостановочно, несмотря на всѣ распоряженнѣ власти какъ мѣстной, такъ и центральной. Съ одной стороны захватъ маетностей съ жившими въ нихъ крестьянами, а съ другой— „скупля“ козацкихъ

¹⁾ Универсалъ Мазеи, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ, записанъ въ бориспольскихъ „мѣскихъ“ книгахъ XVII в., рукописью которыхъ, находящеюся въ собраннѣ барона Шодуара (м. Ишница, житомирскаго уѣзда), мы пользовались при обязательномъ посредствѣ Н. И. Петрова. См. Извѣстнѣ Цер. арх. общ. за 1888 годъ, стр. 21.

земель и обращеніе ихъ владѣльцевъ въ „подсосѣдковъ“, составляютъ едва не главное содержаніе той части исторіи Малороссіи въ періодъ гетманщины, которая остается еще не написанною... Какъ извѣстно, процессъ подчиненія народа старшинѣ закончился указомъ 3 мая 1783 года.

Какъ производился старшиною захватъ маестностей, въ какое отношеніе становилась она къ народу и какое сопротивленіе оказывалъ при этомъ народъ—объ этомъ и говорятъ приводимые здѣсь эпизодическіе очерки изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.

1. Село Грицовка ¹⁾.

Село Грицовка, расположенное по берегу незначительной рѣчки Лисогора, возникло въ первой половинѣ XVII в. и первое время, при гетманахъ, находилось въ „послушаніи“ ратуши сотеннаго мѣстечка Срѣбнаго, т. е. грицовскіе крестьяне помогали своему сотенному мѣстечку въ исполненіи разнаго рода „общенародныхъ повинностей“. Затѣмъ, при Мазепѣ, село это попало во владѣніе какого-то Аванасія Мокіевского, вѣроятно родственника Мазепы, котораго мать была изъ рода Мокіевскихъ ²⁾. Но послѣ измѣны Мазепы, всѣ родичи его были устранены отъ владѣнія маестностями и Грицовку сейчасъ же послѣ этого (въ 1709 г.) выпросилъ у новопоставленнаго гетмана Скоропадскаго прилуцкій полковой писарь Андрей Себастьяновичъ; а послѣ его смѣрти (въ 1718 г.) Грицовка, вмѣстѣ съ другими маестностями, перешла къ сыновьямъ Андрея—Ивану, Василю и Матвѣю. По малолѣтству послѣднихъ двухъ, старшій братъ Иванъ захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Грицовку, и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Вотъ въ это время и случились тѣ „пререканія“ гри-

¹⁾ Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

²⁾ Можетъ быть Аванасій Мокіевскій былъ сынъ кіевского полковника Константина Мокіевского, сыну котораго Мазепа могъ дать маестность по родству, „за службы отца“, какъ тогда говорилось.

повскихъ жителей съ владѣльцемъ ихъ села, о которыхъ мы здѣсь расскажемъ.

Учрежденіе Петромъ В., въ 1722 г., малороссійской коллегии возбудило въ народѣ большія надежды на улучшение его соотношеній съ старшиною. Въ данной царемъ президенту коллегии инструкціи, между прочимъ, говорилось: „ежели усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ козаковъ и челобитя не будетъ, и оное коллегии, съ совѣту г. гетмана, пристойнымъ образомъ отвращать, а посполству въ томъ помогать по истинѣ“. Этотъ и другіе пункты той же инструкціи возбудили во многихъ мѣстахъ Малороссіи крестьянскія волненія. Болѣе замѣтныя волненія возникли въ тѣхъ селахъ, державцы которыхъ отличались суровостью своихъ отношеній къ крестьянамъ. Иванъ Себастьяновичъ былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ державцевъ; сама мать его писала, что онъ „бывалъ своихъ подданныхъ кіями, безъ всякой пощады“. Въ Грицовкѣ было нѣсколько крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ. Они первые попробовали—нельзя ли, при помощи коллегии, вернуться въ козачество и тѣмъ избавиться отъ насилій Себастьяновича. Между ними былъ и Степанъ Быховець, который подалъ въ апрѣлѣ 1727 г. въ генеральную канцелярію такое прошеніе: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Грицовкѣ, маестности бунчуковаго товарища Ивана Себастьяновича, сталъ жить и всякія подданническія повинности отбывать даже до сихъ поръ. А нынѣ, когда я пожелалъ себѣ козацкую отбывать повинность съ грунта козацкаго, для того, что дѣдъ мой и отецъ козакovali и въ компутахъ (спискахъ) полковыхъ прилуцкихъ вписаны, то владѣлица с. Грицовки, Ивана Себастьяновича жена, о томъ извѣстившись (самъ Себастьяновичъ былъ въ это время въ гиланскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову розбили. Да сверхъ того бою, взяла она, Себастьяновичка, у меня изъ скота товару рогатаго—9, овецъ 24 и коня одного“. Въ заключеніе, Быховець просилъ „принять его въ козацкій ком-

путь^а. По этому прошенію генеральная канцелярія навела справку—какъ записанъ Быховець по ревизіи 1723 г., и когда оказалось, что онъ записанъ „между посполитыми подданными бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича“, то въ просьбѣ Быховцу отказала. Тогда Быховець обратился въ коллегію, жалуюсь, что генеральная канцелярія неправильно отказала ему въ козачествѣ, не справившись съ старыми компутами и руководствуясь одною лишь ревизіею 1723 г. Коллегія навела лучшія справки и въ іюнѣ 1727 г. выдала Быховцу копію своего указа на имя прилуцкаго полковника, что „по справкѣ съ козацкими компутами прошлыхъ 1695 и 1715 гг., въ полковой прилуцкой сотнѣ, куреня мультковскаго (с. Молекъ) написанъ отецъ Степана Быховца, Иванъ Быховець—атаманомъ, а братъ родной Петръ—козакомъ. А по именному указу 1722 г., велѣно тако-выхъ, по справкѣ съ прежними давними и нынѣшними козацкими реестрами, по ихъ челобитью, писать въ козаки по прежнему; и того ради о написаніи Степана Быховца въ козацкіе компуты и о ыключеніи изъ подданства, и чтобъ владѣлецъ впредь до него въ подданныческихъ повинностяхъ не интересовался, послать къ тебѣ, полковнику прилуцкому, указъ...“ Кроме того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него Себастіановичкою скота. Получивъ этотъ указъ, Быховець отказался отъ „послушенства“ Себастіановичамъ. По этому случаю младшій братъ Ивана Себастіановича, Матвѣй (служившій въ это время канцеляристомъ въ генеральной канцелярії), въ концѣ 1727 г., жаловался Апостолу: „изъ посполитыхъ селянъ сельца Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, напомясь какимъ то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего-жъ году, того жъ сельца Грицовки житель Степанъ Быховець, смотря на реченныхъ самовластниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генеральную канцелярію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, тутъ же въ генеральную канцелярію подавъ мировое челобитье, выразивши

именно, что останется по прежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ отсюда (изъ Глухова) въ домъ свой и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за то, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова приѣхалъ въ Глуховъ, и мимо генеральной канцеляріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки...“ Затѣмъ Себастьяновичъ проситъ гетмана произвести слѣдствіе какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцемъ людямъ Себастьяновичей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку, полковой есаулъ Панкевичъ и бунчуковъ товарищъ Прокоповичъ, изъ произведеннаго которыми слѣдствія—приводимъ здѣсь лишь то, что оказалось по дѣлу Быховца. Когда слѣдователи спросили послѣдняго—почему онъ считаетъ себя козакомъ, то онъ отвѣчалъ, что отецъ его козачествовалъ въ сосѣднемъ селѣ Молькахъ, да и братъ меньшій, Петръ, записанъ въ компутѣ полковомъ полковника Дмитрія Горленка; а онъ Степанъ Быховецъ, передъ дорогимъ годомъ¹⁾, отъ отца въ с. Харитоновкѣ женился и „прислушалъ до ратуши сръбрянской, потому что Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда перезвалъ его въ Грицовку, Аѳанасій Мокіевскій, бывшій владѣлецъ грицовскій, и поставилъ его надъ своею маестностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Быховецъ, у Мокіевского шесть лѣтъ. А живя въ Грицовкѣ, купилъ онъ себѣ тамъ грунтъ, у грицовскихъ посполитыхъ Дробковъ...“ Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій тотъ грунтъ около ста лѣтъ назадъ. Распросили затѣмъ слѣдователи и о тѣхъ побояхъ, которые нанесены были Быховцемъ людямъ Себастьяновича. Федоръ Василенко, войтъ грицовскій, объ этомъ рассказалъ такъ: какъ приказала мнѣ „панѣ“, чтобъ я изготовилъ на панщину шесть подводъ,

¹⁾ Часто упоминаемый въ актахъ первой половины XVIII в. „дорогой годъ“ былъ, кажется, 1690-й.

пошелъ я и до Быховца, чтобы и онъ ѣхалъ; но Быховецъ мнѣ отвѣтилъ: „не пойду я на панщину, бо я теперь босый, чоботъ нема!“ А когда я донесъ паненъ объ отказѣ Быховца, такъ она велѣла взять за то у Быховца двое коней; а какъ привели тѣхъ коней въ дворъ, такъ пани приказала еще для коней взять у Быховца и сѣна. За сѣномъ былъ посланъ староста верхомъ на быховцовомъ конѣ, и—какъ пріѣхалъ онъ къ Быховцу, тотъ коня сейчасъ отнял, а старосту, взявъ за волосы, ударилъ б-земь и билъ его кулаками, сколько захотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ паненъ: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ!“ Тогда пани приказала старостѣ идти къ Быховцу уже съ людьми, чтобъ позвать его самаго во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли къ Быховцу снова. По тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ людей цѣпами... И избили Быховцы людей тѣхъ сильно: старостѣ и еще одному разбили головы, другому посланному — перебили руку, да и остальнымъ досталось... Спросили слѣдователи и Быховца, чтобы тотъ самъ рассказалъ какъ было дѣло; по тотъ не захотѣлъ отвѣчать, а только сказалъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливаго вѣтру!“ На другой день снова былъ позванъ Быховецъ, которому предложили указать хотя свидѣтелей драки. „Нѣтъ у меня свидѣтелей“, отвѣчалъ Быховецъ, „а дѣло было такъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы пограбить ¹⁾, то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Михайло Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, обливая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу“. Къ этому Быховецъ добавилъ, что въ то время, когда происхо-

¹⁾ Слово „грабить“ употреблено здѣсь въ смыслѣ—насмѣшно взять въ подлежащемъ „грабежу“ дворъ что-нибудь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая „гонителей“ (нѣчто въ родѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взимать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатель, „пограбить“ недоямщиковъ, т. е. взять у нихъ какую нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

дила эта драка, у него еще не было указа коллегіи объ исключеніи изъ крестьянства. А потомъ была еще и другая драка, когда, выхлопотавши указъ о козачествѣ, онъ, Быховець, вернулся изъ Глухова, такъ снова прислалъ за нимъ самъ Ивапъ Себастьяновичъ, вернувшійся изъ гиланскаго похода, чтобъ шель во дворъ и показалъ указъ, по которому онъ отказывался „отдавать послушаніе“. Присланному за нимъ войту Быховець отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю!“ За такой отвѣтъ Себастьяновичъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду“ (стадо) „пограбить“ пару воловъ Быховца. Услыхавъ объ этомъ, Быховець, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, побѣжалъ къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного, потому что стпросила войта дочь Быховца, говоря: „не бей, тату! человекъ этотъ передъ нами ничѣмъ не вицень!“

Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Быховца, слѣдуетъ отказать въ козачествѣ, Быховца же, признавъ козакомъ, наказывать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа коллегіи. Заключение слѣдователей было утверждено Апостоломъ.

Только что кончили Себастьяновичи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ, другое дѣло, уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское посполство, не дождавшись отъ коллегіи никакихъ облегченій въ „работизнахъ“, рѣшило просить этихъ облегченій у новаго гетмана, Апостола. Въ октябрѣ 1728 г., всею „громадою“ Грицовки подано было гетману слѣдующее прошеніе: „мы, грицовскіе подданные пана Ивана Себастьяновича, доносимъ вашей ясневельможности, о причиняемыхъ намъ отъ него обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ, потому что панскіе дозорцы—домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнивѣ“ накидаетъ на каждую семью—сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А

когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дано было немного времени—накосить сѣна и пахать хлѣба на своемъ полѣ, такъ дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погниетъ, лишь бы панское было собрано!“ А староста панскій грозитъ намъ: „велить мнѣ папъ, чтобы я выгонялъ изъ хаты каждый день по работнику; и—если хоть годъ проживу я у пана, то всѣхъ васъ поровняю, богатыхъ съ бѣдными!“ Каждый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю и въ петровку—на недѣлю. А какъ настаетъ зима, то отдаетъ панъ для прокорму на дворъ—по коню или по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. Такъ Василь Сущенко за кобылку-двухгодовалку, которую задавилъ волкъ въ хлѣву, заплатилъ шесть копъ, Федоръ Рудъ за украденнаго бычка, заплатилъ четыре съ половиною копы... Пригнаны были разъ изъ другаго села въ Грицовку панскіе вола; на другой день будто не досчитались одного вола, такъ панъ взялъ за того вола съ войта Кузьменка восемь копъ, а войтъ въ то время и въ дворѣ не былъ и совѣтъ не зналъ былъ ли тотъ волъ и пригнанъ, за котораго панъ взялъ деньги. Да съ тѣмъ же Кузьменкомъ помѣнялся панъ на коней и договорился дать въ придачу два талера (1 р. 20 к.), но и копѣйки не далъ. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса. У Прохоренка срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоялъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дѣоры, а третьяго—въ шинюкъ въ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинюка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинюкъ никогда не бывали... А въ этомъ году въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у срѣбрянской жительки Калинки сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану,

который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привезли то сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ и рассказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Ждапенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей.

Спрошенный по этой жалобѣ Себастьяновичъ большею частію отрицалъ обвиненія крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялъ, что такъ дѣлается „по давнему обыкновенію“. О сѣнѣ, взятомъ у Калинки, онъ отвѣтилъ: „я не зналъ о сѣнѣ, взятомъ у Калинки; а когда сребрянская ратуша выслала своего войта, чтобы разслѣдовать дѣло, такъ войтъ обвинялъ моего „господаря“, которому я назначилъ заплатить за сѣно, 80 золотыхъ; а когда деньги заплатили Калинкѣ, такъ и лошади были возвращены крестьянамъ...“ Изъ этого отвѣта видно, что за украденное для Себастьяновича сѣно заплатили деньги крестьяне; а что украдено было сѣно у Калинки съ вѣдома Себастьяновича, видно изъ жалобы одного козака Яненка, который былъ избитъ Себастьяновичемъ за то, что будто онъ рассказалъ Калинкѣ—что украденное у нея сѣно свезено къ Себастьяновичу, въ дворъ. Никакой вины въ дѣйствіяхъ Себастьяновича гетманъ не усмотрѣлъ, почему и распорядился, чтобы прилуцкій полковникъ, вызвавъ изъ Грицовки въ Прилуку „возмутителей“, сначала бы ихъ „по приличію“, наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать Себастьяновичей. За „возмутителями“ полковникъ послалъ въ Грицовку сотеннаго хоружаго; но грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и—не поѣхали. Полковникъ послалъ въ другой разъ значковаго товарища Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ грицовцами гетманскій приказъ. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у Себастьяновичей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа; но крестьяне не только не пошли, а собравшись „громадою“, вооружились цѣпами и стали ждать что дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ въ гро-

мадѣ и прочель ей гетманское рѣшеніе на ихъ жалобу.— „Не будемъ слушать Себастьяновича“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана!“ Вернувшись на квартиру, Донець приказалъ позвать войта, чтобы тотъ распорядился—дать козакамъ его харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донець послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго вилами. Донець приказалъ взять этого крестьянина и „забить въ колодки“. Услыхавъ объ этомъ, громада подошла къ панскому двору и стала требовать освобожденія забитаго въ колодки; а когда Донець отказалъ, то громада направилась къ священнику попросить благословенія бить набать, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) попробовалъ было успокоить народъ, но онъ, ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Грицовскій козацкій атаманъ, услыхавъ, что бьютъ набать, прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобы тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донець отказалъ и атаману. Тогда толпа сама подошла къ панскому двору и требуя забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню приплюютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять его изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донець отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки. Чѣмъ кончился протестъ грицовскихъ крестьянъ, подробностей изъ архивныхъ бумагъ не видно, но, конечно, гетманскій приказъ быть исполненъ и грицовцы стали отдавать Себастьяновичамъ надлежащее послушаніе...

2. Село Озеряне ¹⁾).

Озеряне возникли, повидимому, во второй половинѣ XVII в., такъ какъ только въ 1703 г. строилась здѣсь первая церковь. Будучи незначительнымъ сельцомъ, Озеряне до начала XVIII в.

¹⁾ Лохвицкаго уѣзда, полтавск. губ.

оставались свободными. Намѣтилъ ихъ только Игнатій Галаганъ, ставъ прилуцкимъ полковникомъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ окончательно завладѣлъ Озерянами при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ рассказали сами озеряпцы въ 1724 г.

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ¹⁾ не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Озерянахъ только „оранду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до оранды“ своей (т. е. въ корчму), сталъ просить, чтобъ позволили ему—занять леваду²⁾ надъ Мамотовымъ ставомъ, на вольной сельской землѣ, и хуторокъ тамъ построить. При этомъ, Себастіановичъ обѣщаль дать зато на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Озерянахъ тогда была еще не достроена. Озеряпцы и позволили ему занять ту леваду. Занавши леваду, Себастіановичъ денегъ на церковь не давалъ да и леваду недолго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай его позвалъ“ и онъ въ это же время, по сосѣдству, въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запусѣла та левада, пока не насталъ полковникомъ панъ Игнатій Галаганъ. А какъ сталъ Галаганъ полковникомъ и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Озерянахъ (это было въ 1718 г.) съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полковымъ судьей. И какъ пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слышали, какъ панъ полковникъ просилъ пана судью—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Озерянахъ. Судья исполнилъ просьбу полковника, говоря, что хотъ озеряпцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я „вашецѣ добродію, дарую!“ И тогда же панъ полковникъ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ“, о томъ оповѣстилъ намъ, озерянскимъ обывателямъ. Эта левада и послужила для Галагана основой для завладѣнія всѣмъ селомъ. Какъ видно, стоило только вліятельному старшинѣ пріобрѣсть въ селѣ одинъ участокъ и посадить на немъ подсосѣдка, чтобы начать потомъ, съ помощью по-

¹⁾ См. выше, село Гриповку.

саженнаго своего человѣка, „скуплю“ козачьихъ и крестьянскихъ дворовъ и обращеніе бывшихъ хозяевъ ихъ въ подсосѣдковъ. Съ одной стороны льготы отъ „общенародныхъ“ повинностей, которыя вліятельный старшина обѣщала козаку или крестьянину, если тотъ продастъ ему свой дворъ и изъ свободнаго хозяина обратится въ „панскаго“ подсосѣдѣа, а съ другой стороны—незаконное пользованіе правомъ суда, когда тотъ или другой селянинъ „впадалъ въ проступство“ (большую частію—воровство и прелюбодѣяніе) и долженъ былъ судиться у своей старшины, были главными средствами, съ помощью которыхъ старшина производила „скуплю“ преимущественно козачьихъ дворовъ и заселеніе ихъ подсосѣдками—будущими „подданными“. Для избѣжанія нареканій за „скуплю“ со стороны гетмана или замѣнявшихъ его правителей, старшина старалась селить подсосѣдковъ на новыхъ мѣстахъ, а не въ старыхъ дворахъ. Купивъ въ селѣ участки, еще не бывшіе подъ поселеніемъ, новый пріобрѣтатель строилъ тутъ хаты, селилъ въ нихъ подсосѣдковъ, а потомъ—утверждалъ передъ властями, что онъ никакихъ дворовъ не скупалъ, а „посадилъ новую слободку“. Такъ старался дѣлать и Галаганъ, такъ сдѣлалъ онъ и въ Озерянахъ. Получивъ отъ Себастьяновича въ этомъ селѣ леваду, Галаганъ года въ три-четыре, поселялъ въ Озерянахъ нѣсколько подсосѣдковъ и сдѣлалъ первую попытку подчинить себѣ и все остальное крестьянское населеніе Озерянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маестности которыми Галаганъ уже владѣлъ передъ тѣмъ, по универсаламъ гетмана, онъ включилъ въ число ихъ и Озеряне. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—принадлежать ли Галагану перечисленные въ его челобитной маестности, то гетманъ объ Озерянахъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упротить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣеть“. По этому отвѣту гетмана, грамоты на Озеряне выдано не было. Между тѣмъ умеръ Андрей Себастьяновичъ, вдова его вспомнила о подаренной въ Озерянахъ мужу левадѣ и стала заявлять претензію на поселенныхъ тамъ Гала-

ланомъ подсосѣдковъ. Въ февралѣ 1724 г., она жаловалась правителямъ генеральной канцеляріи: „въ прошломъ 1719 г., полковникъ Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Озерянами, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою покойный гетманъ Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа; но онъ, полковникъ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣеть ею съ того времени самъ...“ Спрошенный по этой жалобѣ, Галаганъ отвѣчалъ: „леваду въ Озерянахъ, а не слободку, покойный судья Себастьяновичъ, мужъ жалобницы, подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ озерянскихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же прилагаю (изъ него и взятъ приведенный рассказъ озерянцевъ), а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ озерянскимъ, *не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*“. Въ этомъ объясненіи и состоялъ весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться. Галаганъ здѣсь какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все крестьянское населеніе Озерянъ.

Приведеннымъ отвѣтомъ безсильные правители генеральной канцеляріи должно быть удовлетворились, потому что просьба вдовы Себастьяновича не получила дальнѣйшаго движенія. А когда въ 1727 года. Галаганъ сталъ просить у новопоставленнаго гетмана Апостола дать ему одно изъ прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ и въ томъ числѣ 154 двора въ Озерянахъ. Отсюда и видно, что въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ было себѣ въ Озерянахъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ этого универсала и отъ Апостола, хотя послѣдній, какъ видно, признавалъ фактъ принадлежности ему Озерянъ. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о выдачѣ царской грамоты на пріобрѣтенныя безъ гетманскихъ универсаловъ владѣнія. Узнавъ объ этой просьбѣ Галагана, Апостоль поручилъ находя-

щемуся въ Петербургѣ сръбрянскому сотнику Троцинѣ узнать— на какія именно маестности Галаганъ просить грамоту?—Троцина отвѣчалъ, что ему удалось прочесть челобитную Галагана и онъ нашель нужнымъ подать туда же „спорную челобитную“, въ которой, какъ прилуцкій полчанинъ, заявилъ, что названный Галаганомъ *хуторъ* Озерянскій есть старинное село Озеряне, въ которомъ болѣе 150 хатъ, которыми онъ, полковникъ, самовластно завладѣлъ... Такимъ образомъ Галагану снова помѣшали укрѣпить за собою Озеряне. Удалось ему укрѣпить за собою это село только въ 1737 г., когда Галаганъ выпросилъ себѣ на Озеряне не грамоту, а универсалъ отъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева... Получивъ этотъ универсалъ, Галаганъ успокоился, зная, что актъ, выданный такимъ сильнымъ человекомъ, укрѣпляетъ за нимъ Озеряне безповоротно.

3. Село Дегтяри ¹⁾.

Въ ревизіи 1729 г., о крестьянскомъ поселеніи села Дегтярей сказано: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ“ и „въ томъ же селѣ—слободка п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ“. Видно, что ревизію 1729 г. писали люди умѣлые, умѣвшіе защитить интересы старшины. Ревизоры написали, что Галаганъ *поселилъ слободку въ селѣ*. Такъ нужно было написать, чтобы узаконить захватъ полковникомъ цѣлаго села. Хотя „слободъ“ и нельзя уже было садить въ XVIII в., безъ гетманскаго разрѣшенія, но разъ слобода была посажена—некуда было ее дѣвать и она оставалась за тѣмъ, на чьей землѣ садилась; но захватить село въ свое владѣніе безъ гетманскаго универсала—было дѣло хлопотливое, какъ это мы видѣли на селѣ Озерянахъ. Ревизія 1729 г. произведена была исключительно съ цѣлью разслѣдовать правильность старшинскаго владѣнія маестностями (поэтому въ

¹⁾ Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

ревизіи 1729 г. козаки и не показаны); отсюда и понятно—почему для Галагана важно было, чтобы Дехтяри показаны были его слободою. Разумѣется, что старое село нельзя было все назвать слободою,—подлогъ былъ бы очевиденъ; поэтому умѣлые ревизоры и показали нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ Дехтяряхъ за сотенною ратушею. Въ дѣйствительности, никакой Галагановской „слободки“ въ Дехтяряхъ не было, а были скупленные крестьянскіе и козацкіе дворы, съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Дехтяряхъ Галаганъ началъ уже съ 1716 г. ¹⁾, и скупалъ здѣсь какъ козацкіе, такъ и крестьянскіе дворы,—безразлично. Для образца проводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писаніемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Дехтяряхъ п. полковнику прилуцкому за гроши, за полчварта золотыхъ ($3\frac{1}{2}$ з. = 70 к. ас.), а тотъ гай она, Когалиха, имѣетъ съ того еще времени какъ были вольные ган; и дала она мировѣ за той гай: сало и десять кварть горѣлки; и вольно обладать его мил. п. полковнику тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“ (1733 г.). Другая купчая показываетъ, какъ скупались козацкіе дворы: „мы, ниже именованные, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаніемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однакожь теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козацей отбывать, продали мы его м. п. Игнатію Галагану, полковнику прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито*, а не козацко, и всякія повинности отбывать и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. полковника прилуцкаго выдаемъ. Степанъ Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жители дехтяревскіе“.—По ревизіи 1740 г., крестьянское населеніе въ Дехтяряхъ показано такъ: 1, посполитые свободные, скупленные полковникомъ прилуцкимъ Игнатіемъ Галаганомъ, въ 1736 г.,—4 двора и 2, „сло-

¹⁾ Прилуцкимъ полковникомъ Галаганъ сталъ въ 1715 г.

А. Лазаревскій.

бодка Дехтаровка полковника прилуцкаго Галагана, на купленной его землѣ осаженная“,—39 дворовъ.—Здѣсь мы видимъ, что ревизоры крестьянское населеніе Дехтарей уже поголовно записали за Галаганомъ, но все таки обозначая несуществовавшую „слободку“, на всякій случай, такъ какъ, вѣроятно, въ это время Галаганъ еще не имѣлъ крѣпости на это село...

Ал. Лазаревскій.

Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ.

Раньше мы напечатали («Кіевская Старина» 1890 г., май, стр. 364—369) два письма извѣстнаго собирателя письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи А. И. Чепы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ о своихъ сборникахъ матеріаловъ для исторіи Малороссіи, которые были имъ отданы рано умершему Як. Мпх. Марковичу, имѣвшему будто бы намѣреніе писать исторію Малороссіи, и которые погибли послѣ смерти Марковича въ Петербургѣ. Два тома изъ этихъ сборниковъ Чепѣ удалось впоследствии получить и содержаніе одного изъ нихъ онъ сообщилъ пріятелю своему В. Гр. Полегикѣ, въ бумагахъ котораго и найдено оно нами. Приводимъ здѣсь полностью это содержаніе для знакомства съ Чепинскими сборниками, которые, вѣроятно, навсегда погибли для насъ. Слышно, что послѣ смерти Чепы осталось еще собраніе какихъ то старинныхъ бумагъ, хранившихся въ его усадьбѣ, въ с. Чепурковкѣ, ириятинскаго уѣзда, которые будто бы въ недавнее время проданы на вѣсь мѣстному еврею...

А. Я.

Ресстрз моей книжки, возвратившейся изъ пропажи, послѣ покойнаго Я. М. Марковича.

Оглавленіе или сто 11 выписокъ (sic).

А) Экстрактъ изъ польской исторіи Стриковскаго и изъ російской Эммина, для доказательства о рыцарствѣ и жолнерахъ малороссійскихъ — 1 стр.

Б) Сокращенное увѣдомленіе о Малороссіи, почти сходное съ находящимся въ книгѣ, изданной и напечатанной въ Санктпетербургѣ 1773 года, Василиемъ Вербовскимъ; даже и расположеніе оди-

наково, яко то: 1) Географическое описаніе—18 стр.; 2) Рѣки; 3) Раздѣленіе; 4) Примѣчательные города; 5) О воздухѣ, болѣзняхъ и плодоносіи, 22 стр.; 6) О воинскомъ и гражданскомъ правительствѣ, 24 стр.; 7) О чинахъ военныхъ, 26 стр.; 8) Объ артилеріи, 27 стр.; 9) О гражданскомъ управленіи, 29 стр. и 10) О приключеніи народа малороссійскаго, 32 стр. ¹⁾ Экстрактъ изъ конституцій, собранныхъ Станиславомъ Кожуховскимъ, чesникомъ земли волынской, 1732 года.

В) О отборѣ добръ коронныхъ, что сіе до Малороссіи не касается, такъ же о правахъ, волностяхъ и прерогативахъ малороссійскаго народа 1504, 1562, 1563, 1569, 1588, 1590, 1601, 1607, 1611, 1633, 1635, 1638, 1641 годовъ, итого изъ 13-ти конституцій,—28 стр.

Г) О судахъ городскихъ и земскихъ и о трибуналѣ въ Малой Россіи—1569, 1601, 1607, 1616, 1607, 1601, 1607, 1635, 1633, 1590 годовъ итого изъ десяти,—43 стр.

Д) О дессидентахъ 1573, 1587, 1632, 1674, 1717 годовъ итого изъ пяти, 44 стр.

Е) О отнятїи отъ войска малороссійскаго правъ, свободъ и волностей 1635, 1638 годовъ, 45 стр.

Ж) Изъ конституцій, учиненныхъ въ пользу народа малороссійскаго, уже по присоединеніи онаго къ Россіи, 46 стр.

З) Конія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, о уравненіи литовскаго и русскаго шляхетства, и рыцарства съ шляхетствомъ польскимъ 1563 года, іюня 7,—48 стр.

И) Конія привилегіи короля Сигизмунда Августа, въ подтвержденіе вышеноказанной 1563 г. іюня 7, съ дополненіями 1568 г. іюля 1,—53 стр.

І) Выписка изъ Статута великаго княженія литовскаго роздѣла 3 артикулъ 19 о доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ, 62 стр.

К) Конституція 1654 г. сентября 15, о безопасности честей и имѣній воеводствъ кїевскаго, браславскаго и черниговскаго, и примѣчаніе на оную, 65 стр.

Л) Гетманскіе статьи о шляхтѣ:

— Хмельницкаго 7162 года 3—66 стр.

— Игнатовича 7177 > 6— стр.

¹⁾ Никакой книги Вербовскаго о Малороссіи, до сихъ поръ мы не знаемъ. Ни Сониковъ, ни Смирдинъ даже не упоминаютъ имени этого автора.

— Самойловича 7180 » 6—67 стр.

— Мазены 7195 » 4— стр.

М) Примѣчаніе на опіе статьи о дворянствѣ и войсковыхъ чинахъ, 68 стр.

Н) Конія привилегій короля Жигмунта-Августа 1569 года, о присоединеніи княженія кіевскаго до короны польской съ подтвержденіемъ преимуществъ, 70 стр.

О) Универсалъ гетмана Хмельницкаго, побуждающій малоросіянъ къ сверженію пра поляковъ 1648 года, маія 18, списокъ, кажется, исправиле другихъ, 81 стр.

П) Универсалъ гетмана Хмельницкаго 1655 года, генваря 15, съ утвержденіемъ запорожскому кошевому и войску, земель, городовъ, селъ и прочихъ угодій, пожалованныхъ имъ отъ короля Стефана Баторія грамотою 1577 года, августа 20, 92 стр.

Р) Одандцать вопросовъ, о прежнемъ политическомъ состояніи Малой Россіи, 94 стр.

С) Разсужденіе, по случаю послѣдовавшаго изъ правительствующаго сената въ малоросійскіе казенные палаты указовъ, о отборѣ въ казенное вѣдомство подсусѣдковъ отъ кушцовъ, мѣщанъ и другихъ званій людей, немѣющихъ шляхетскаго права, о правахъ шляхетства, рыцарства, духовенства и козаковъ малоросійскихъ и запорожскихъ, 98 стр.

Четыре письма жены полковаго обознаго Евдокіи Сахновской къ мужу. 1743-44 гг.

Частная переписка нашихъ предковъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для знакомства съ тѣмъ ихъ внутреннимъ міромъ, который въ другихъ, оставленныхъ ими, письменныхъ памятникахъ остается закрытымъ. Переписка близкихъ людей между собою наиболѣе должна представлять интереса, а переписка супруговъ и того больше. Къ сожалѣнію, письма женъ малороссійской старшины до половины XVIII в. большею частью писаны не ими самими, а домашними писарями, потому что сами «матроны», за письма темными исключеніями, кое какъ читать иногда еще умѣли, а писать—совсѣмъ не умѣли. Изъ достаточнаго количества пересмотрѣнныхъ нами частныхъ писемъ прошлаго вѣка, въ письмахъ женщинъ *собственноручныя подписи* ихъ начинаютъ встрѣчаться лишь со второй половины XVIII в., а собственноручно писанныя письма женщинъ видимъ лишь въ концѣ того вѣка, да и то рѣдко. Тѣмъ не менѣе письма женщинъ, хотя писанныя и не лично ими, имѣютъ не малый для насъ интересъ, рисуя то положеніе, которое они занимали какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Въ этомъ смыслѣ интересны и печатаемые здѣсь четыре письма жены черниговскаго полковаго обознаго Евдокіи Михайловны Сахновской, которая, выпроводивъ мужа по его личнымъ дѣламъ въ Петербургъ и оставшись распорядительницею дома и хозяйства, отдаетъ ему въ этихъ письмахъ отчетъ «о домашнемъ поведеніи» и о ходѣ «господарства».

Иванъ Сахновскій среди современной ему старшины, былъ homo novus, который вышелъ въ люди благодаря тому, что женившись на дочери генер. судьи Михайла Забѣлы, сталъ своимъ такого сильнаго человека, какимъ былъ при «правителяхъ» Малороссіи генер. писарь Безбородко. Яготинскій сотникъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ

доносѣ на Безбородка, говорить, что послѣдній, раздавая полковые и сотенные уряды за деньги и подарки, кромѣ того, сажалъ на эти уряды родичей своихъ, безъ всякой ихъ заслуги, причѣмъ указываетъ, что Безбородко далъ мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновей его, Григорія и Якимъ, поставилъ сотниками, перваго въ Ст. Санжары, а втораго въ м. Мену, гдѣ Сахновскіе и жили. По доносу Кушчинскаго Безбородко въ ноябрѣ 1742 г. былъ отрѣшенъ отъ писарства и такимъ образомъ потерялъ все то вліяніе, которое давало значеніе и родичамъ его. Померкло значеніе въ Черниговщинѣ и Сахновскихъ, особенно когда въ декабрѣ того же 1742 г., въ Мену назначенъ былъ, по именному указу, сотникомъ Григорій Кузминскій, который, какъ видно изъ этихъ писемъ, сильно сталъ тѣснить Сахновскихъ. Кажется, что эти притѣсненія и были одною изъ причинъ поѣздки стараго Сахновскаго въ Петербургъ. Была надежда, что оттуда поможетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, мати котораго удостоивала Сахновскихъ своими пощещеніями и не отказывалась предстательствовать за нихъ предъ старшимъ сыномъ¹⁾.

А. Л.

1) Любезнѣйшій мой сожителю, мосцѣ наше Иване Сахновскій. Писма ваши съ Питербурха и изъ дороги, числомъ шѣсть, въ цѣлости за печатю вашею, получени, въ которыхъ изволите писать о здоровіи своемъ и о поведеніи тамошнемъ, въ чемъ я Создателя своего благодарю и желаю вамъ здоровьямъ намѣреніе свое исполнить. О домашнемъ поведеніи объявляю вамъ, что какъ я, такъ и дѣтки наши въ добромъ здоровю находятся, а меншіи дѣти наши на ученіе пллнують. Въ домѣ же, въ господарствѣ, за Божескимъ изволеніемъ, состоятъ все благополучно; толко тѣмъ прешкода, что васъ въ домѣ нѣтъ; а въ хуторѣ Нагорновскомъ родилось телятъ 29, между тѣми черныхъ толко 2, а то большъ синихъ и половныхъ; лошатъ родилось 11, между которыми родилось въ галагановскаго жеребца 2 коники, а въ петроваго жеребца 2 лошачки и 2 кобилки; а тѣ разніе масти имѣють и росліе лошатка; егнать родилось 100, кромѣ тѣхъ, которіе порѣзали и пали. Бондарця въ дорогу кримскую отправля, при которомъ воровъ 14, воловъ старихъ 56, а молодыхъ доморослихъ 4, и надежо, что будутъ воли не худіе; другіе же волики, которіе остались въ дому, тѣ работаютъ въ плузѣ и очень къ работѣ пони-

¹⁾ См. конецъ четвертаго письма.

лись, денегъ Бондарцю дала 100 рублей ровно, тако жъ довольно число прованта на дорогу дано.

Минцю опредѣлили возъ конскій, подъ которымъ лошадей 2, а именно строкатая кобила и зѣкратій¹⁾ кунь, денегъ 15 рублей, горѣлки куфу, и велѣла ему домовіе дробизки покупить. Солѣ еще осталось непроданой 4 вози, а и тѣ вози, которіе непродани, очень мало заважало; продажа еи нинѣ по 10 алтинѣ. Пашинѣ коло хутора Нагурновского и около другихъ селъ, благодареніе Богу, очень хорошѣ и всякіе господарства нашего заводн за милостію всемогущаго Бога состоитъ понинѣ все благополучно и дѣлается такъ, какъ надобно. Скорбѣтъ вамъ о домовцѣ не надобно, ибо я сама къ тому неусиленныхъ своихъ трудовъ прилагаю и стараюсь, чтобъ нѣчего внущено не было. Виротчемъ желаю васъ въ добромъ здоровію и во всякомъ благополучіи вскоростѣ въ домѣ видѣть.

Вамъ, любезнѣйшему другу моему, доброжелательная жена Ев. З. Ивановая Сахновская об. полк.

1743 году, іюля²⁾ 3 д. Мена.

2) Любезнѣйшій сожителю мой, мосцѣ пѣне Иванъ Сахновскій.

Объявляю вамъ о неприятелѣ нашемъ Кузминскомъ, что великіе и незносніе обѣды дому нашему дѣлаетъ и всячески тщится и индиряетъ, щобъ на домъ нашъ всякіе злоумышленія (sic). Величковскіе подданіе наши Вакула Горенко и Трофимъ Орелъ въ козаки сотникомъ, злопріятелемъ пашинимъ, вписани безъ всякого иску где надлежитъ; тако же и подсудѣка менского Шрамка отобравъ сотникъ; и всѣ тѣ якъ въ податяхъ на консистентовъ, такъ панщины нѣ вчемъ не дѣлаютъ; при томъ и коваль еще нѣ въ сѣмъ, нѣ въ тумъ; да и тѣ панщины не дѣлаютъ и въ податяхъ не пособляютъ. Сини наши, Якимъ и Петро, въ войсковой генеральной канцеляріи сходатайствовали указъ, чтобъ тѣ всѣ подданіе наши до окончанія о нихъ слѣдствія общенародніе повинности отбывали и панщину по приказу нашему дѣлали, по которому указу послала я Евина, чтобъ ихъ къ панщинѣ вигналъ и пограбилъ ихъ билъ; токмо тамошній атаманъ

¹⁾ По Миклошичу, *зекръ, зэркъ, зэркъ*—caesios oculos habens, т. е. имѣющій синіе или голубые глаза; отсюда можно думать, что зѣкратній конь означаетъ коня съ бѣлымъ.

²⁾ Кажется, вмѣсто іюля, нужно читать іюня. По упоминанію о полученіи писемъ, писанныхъ „съ дороги“, можно думать, что это есть первое письмо, писанное къ Сахновскому, по отъѣздѣ его изъ дому въ Сиб.

величковскій Чуйко, собравъ зъ собою нѣсколко человекъ козаковъ, пришолъ въ шинкѣ нашъ, и комору отбилъ; и тѣ грабежѣ поотдавалъ плутамъ Гогамъ съ товарищи и Еспа, буде бы не втекъ, тоби убили, похваляючися, что сотникъ приказавъ де наше где пойметъ въ полусмерть прибить, а забивши въ колодки, въ городъ отправить. Огородъ изъ величковской нашей поданой Ювги Процихи козакъ Кузма Бунякъ, по приказу сотничомъ, отобравъ и засѣявъ напшею; въ чомъ и протестъ отъ мене поданъ въ сотеную сосницкую канцелярію. Хату тую, которая осталась по умершомъ подданомъ нашимъ Поддубію, оную жена его безъ всякого права козаку Потаиченку продала, а грунтомъ сама завладѣла, въ чомъ протестъ въ сотеную сосницкую и менскую канцелярію отъ меня подани. На сина нашего Якимъ собравъ билъ команду и хотѣлъ почу папастъ, толко знать его пріятелѣ перебили; атамана бывшего Василя въ турмѣ мучивъ, а величковского плетни билъ. Въ протчемъ желаю васъ въ добромъ здоровіи видѣть.

Вамъ, любезнѣйшему моему сожителю, доброжелательная жена Ев. З. Ивановая Сахновская об(озная) пол(ковая).

1743 году, мая 3 д. Мена.

PS. Писмо инстанціяльное отъ ея высокопревосходительства го-спожѣ Разумовской въ семъ конвертѣ (т. е. конвертѣ) сообщено въ цѣлости.

PS. Сего пожалуйста нѣкому не объявляй, что команду собравъ на сина нашего, ибо совершенно еще не довѣдались.

Сего іюля 7 числа матушка его высокопревосходительства Алексѣя Григоріевича (Разумовскаго) была въ домѣ нашомъ и изволила почовать. Сынъ же нашъ Якимъ отехалъ конвоемъ зъ матушкою его высокопревосходительства до Ронска.

3) Вселюбезнѣйшій мой сожителю Иванъ Сахновскій.

Объявляю вамъ, серденко, что я, по милости Божеской, зъ дѣт-ками нашими въ добромъ здравіи нахожусь, и вамъ, серденко, желаю всякихъ благополучій и при благополучіи щасливаго въ домъ при-битія. А при томъ пзвѣствую, яко я сего жъ марта первыхъ чиселъ, чрезъ сина полковника нашего Николая Владимировича, писмо къ вамъ отравила и въ оному такъ о домашномъ поведеніи, яко и о сномъ здравіи предъвпомянуть не минула, и содержу заповедно оное писмо вашихъ рукъ допти можетъ. Противу инѣшнихъ писемъ ва-шихъ, отнущенныхъ февраля 18, рада зъ души моеи требуемое по-

слать, понеже оіе писма Милиця не застали, которій отиравился въ неделю, на сами заговѣни, однакъ и чрезъ его толкое число подки и спухи на троухъ возахъ зъ дачею ему на проходъ шестидесяти рублей денегъ, отпущенъ, точію непомаду скорблю дойшло оное до вашихъ рукъ заподлинно пли пѣтъ, извѣстія по ся пори не имѣю; и егда оной Милиця къ вамъ въ Москву прибилъ и что отъ него прняли, ко мнѣ отисать чрезъ оказію прошу. Силъ нашъ Петро зъ Чернѣгова прибилъ, которій ездилъ по дѣлу атамана величковскаго Савки Чуйка просить ашробацѣи зъ дѣла, учиненного сотникомъ березинскимъ Лисенкомъ, яке опорочилъ и апелляцїю занеслъ билъ атаманъ Чуйко (хотя и не отъ себе, но зъ наущенія сотника Кузми́нского); однакъ, благодарить Бога, не намъ, но себѣ спортилъ: влено ему платится 24 рубля, по приговору первому и сему въ полковой канцеляріи учиненному, въ которомъ и сіе упомянуто: егда атаманъ Чуйко толкого числа денегъ уплатить не можетъ, а хотя и можетъ, а оскудѣетъ и не изъ чего службы ему козачої отбывать оскудно будетъ, то даби и другіе такова самоволства дѣлатъ не дерзали, тамъ же въ селѣ Величковцѣ, по малороссійскомъ обычаю, писѣчь киями, дать ему 60 кневихъ ударовъ; и что онъ впродъ того дѣлатъ не будетъ, взять отъ него подлинску, претори и убитки допросить о томъ особливимъ указомъ, а сотнику березинскому Лиссику предложено затѣмъ послѣдней неделѣ съехать и оное окончить твердое обещаніе положилъ. Что Гоженко Еспа господара побилъ, одежду и сѣдла поотбиралъ, влено его вилать въ полковую канцелярію, а забранное имъ все отобрать и намъ отдать, другія наши дела бондарцовъ Дулли, Примака и другихъ, коп бѣтъ челомъ о козачествѣ, до приезду вашего комисія отсрочила, а якинъ имѣются повшехпінтїи помалу очищать начали, и надежда въ Бозѣ, якъ ми прави, такъ дѣла наши могутъ насъ во всюмъ очищать. Впротчемъ желаю вамъ, серденко, душеспасителна окончанія дней велкаго поста препроводить и Свѣтлаго Воскресенія Христова дочекать.

Вамъ, серденко, доброжелательная жена Еядокія Сахновская.

1744 году, марта 18 д. Мена.

4) Любезній мой сожителю.

Обявляю вамъ серденко, что по милости всемогущаго Бога въ добромъ зъ дѣтками и вяучками и со всѣмъ домоу нахожусь здорову, за что создателю моему воздаю благодареніе. При семъ же въ господарствѣ нашемъ вамъ серденко, извѣствую, что все благопо-

лучно и радительно поводится; толко въ насъ увездѣ жита подлѣй-
ніе нпѣ прошлоголѣтнихъ; что же изволили вы, серденко, ппсать,
даби я отца своего наки просила прошлоголѣтной травп, то я
того жъ времени послала просить и онъ по милости своей отческой,
изволилъ дать толко три частѣ прошлоголѣтной, а отецъ ігуменъ по
милости своей Максаковскій далъ миѣ травп скиртъ на пять. Сѣно
наше уже пнное пороблено, а инное еще робится, и надѣюсь на
милость Божеску, що сѣна станетъ на зиму. Скоть нашъ въ добромъ
смотреніи нпѣ находится. Нондарца въ дорогу выпровадила денегъ
ему дала 100 рублей; возовъ зъ нимъ пошло 14, а воловъ 50, а
Менцю возъ одинъ да денегъ 15 рублей и куфу горѣлки. Солѣ въ
насъ, серденко, возовъ еще чотирп стоятъ, темъ что очень дешева,
но полкоши пудъ. Впротчемъ желаю вамъ серденко, зъ дѣтками и
внуками, благополучно въ домѣ здоровихъ оглядить.

Вамъ щирозичливая супруга Евдокія З. С.

1743 года, мая. Зъ Мени.

PS. Рада бѣ вседушне, даби атестати къ вамъ прислани били,
толко сына нашего Якимъ нетъ въ дому: въ конвояхъ при матушки
его високонревосходительства Алексѣя Григорьевича Разумовского нпѣ
обрѣтается; а скоро прииде, то какъ того старатся будетъ, чтобъ къ
вамъ прислать. Матушка его високонревосходительства Алексѣя Гри-
горьевича изволили бить въ домѣ нашемъ зъ млими своимп дще-
рями, едучи въ Ронскъ, а ежели возвратится, то я намѣрена просить
писма о неоставки насъ, къ Алексѣю Григорьевичу ¹⁾).

Подпись на письмъ: «Любезному моему сожителю его мплости
обозному полковому черпѣговскому, пожаловать въ Пѣтербурхи».

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1890 г., ноябрь, стр. 333.

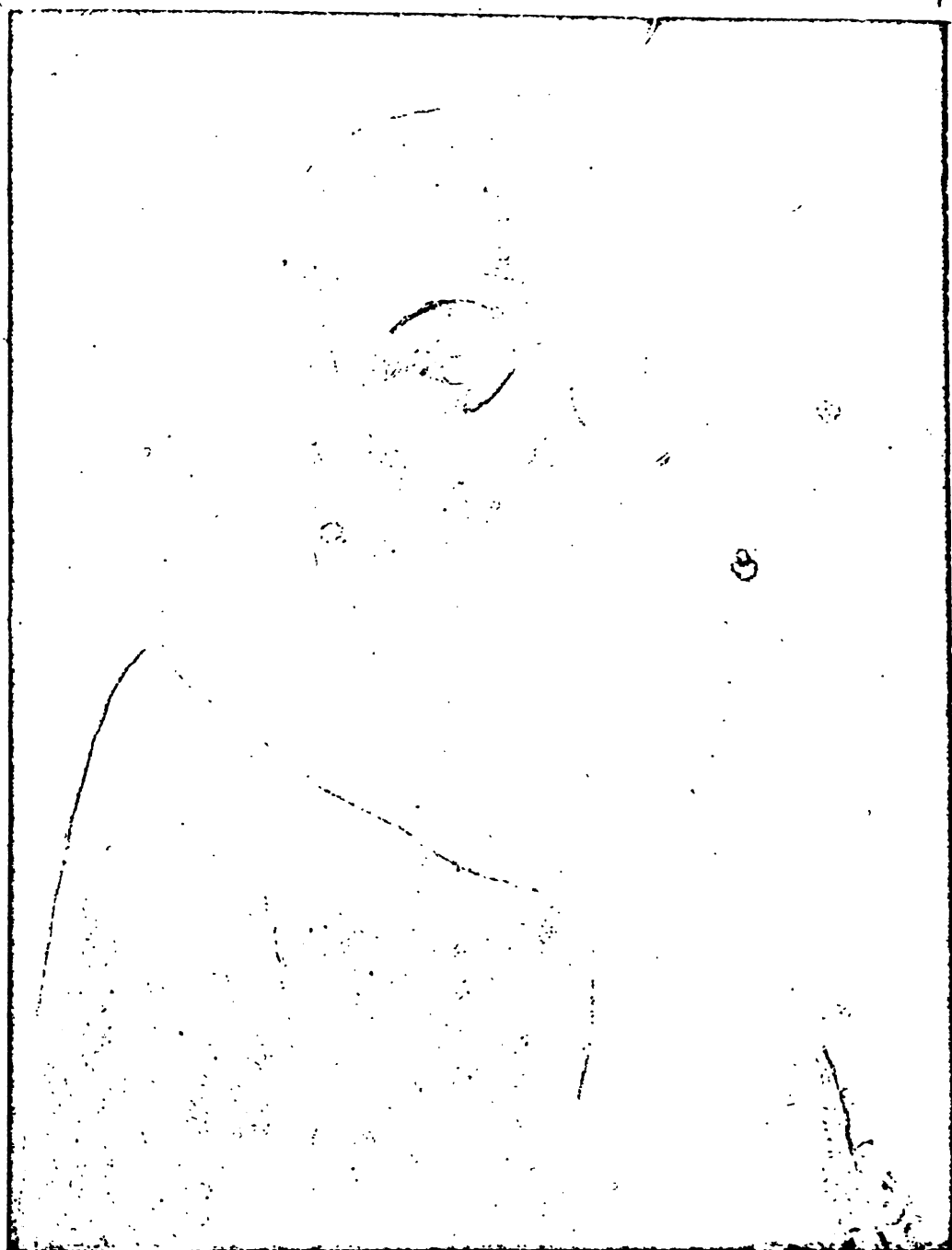
МАКСИМЪ ИЛЛЯШЕНКО

ПОЛКОВНИКЪ ЛУБЕНСКІЙ.

1677 — 1687.

(Къ портрету).

Максимъ Илляшенко въ гетманство Многогрѣшнаго былъ роменскимъ сотникомъ (1669—1672 г.), а затѣмъ, при Самойловичѣ, изъ сотниковъ онъ становится лубенскимъ полковникомъ и занимаетъ этотъ урядъ десять лѣтъ, до 1687 г. Поставленіе Илляшенка полковникомъ прямо изъ сотниковъ можетъ быть объяснено свойствомъ его съ гетманомъ Самойловичемъ, родной племянникъ, котораго гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, былъ женою на одной изъ дочерей Илляшенка. При низложеніи Самойловича на Коломацѣ, низложенъ былъ и Илляшенко, замѣненный Григоріемъ Гамалѣю. Илляшенко, по рожденію, былъ рядовой козакъ изъ с. Коровинецъ, роменскаго уѣзда, и послѣ своего полковничества, сталъ по обычаю XVII в., въ ряды войсковыхъ товарищей. И тѣмъ не менѣе Мазепа даетъ этому войсковому товарищу въ 1689 г. с. Коровинцы, говоря въ универсалѣ, что даетъ эту маетность бывшему лубенскому полковнику за его службы въ чигиринскія войны... Эта гетманская милость, такъ непохожая на манеру дѣйствій Мазепы, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что по проискамъ его же, Мазепы, бывший гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ былъ взятъ сначала въ Москву и затѣмъ сосланъ оттуда въ Сибирь, а жена его, дочь Илляшенка, поѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву,

Лубенскій полковникъ Максимъ Илляшенко.

умерла тамъ, въ августѣ 1688 г. ¹⁾... Очень вѣроятно, что старшій лубенскій полковникъ пользовался въ „войскѣ“ популярностью и Мазепа нашелъ нужнымъ утѣпить этого популярнаго человѣка въ его потерѣ, которой былъ главнымъ виновникомъ, давъ ему въ „послушаніе“ то самое село, изъ котораго Иляшенко былъ и родомъ... Иначе трудно объяснить себѣ такой необычный для Мазепы поступокъ, какъ надѣленіе маестностью человѣка, въ которомъ онъ уже не могъ нуждаться.—Получивъ отъ гетмана универсалъ на Коровинцы, Иляшенко выхлопоталъ въ 1690 г. на это село и царскую грамоту. Вскорѣ затѣмъ Иляшенко умеръ, оставивъ одного сына Осипа и нѣсколькихъ дочерей ²⁾. Сынъ Иляшенка скоро тоже умеръ, оставивъ одну дочь, у которой потомства не было. Изъ пяти дочерей Иляшенка, двѣ хотя и оставили потомство (Ефросинья, бывшая замужемъ за какимъ то Остапомъ Ласченкомъ и Варвара—жена лубенскаго обознаго Ивана Сохацкаго), но это потомство представлялось людьми настолько незначительными, что Мазепа не затруднился утвержденное за Иляшенкомъ и потомками его, царскою грамотою с. Коровинцы отобрать у этихъ потомковъ и отдать своему племяннику Обидовскому. Во владѣніи наследниковъ лубенскаго полковника остались только тѣ коровинскія земли, которыя принадлежали Максиму Иляшенку по наследству и по куплѣ. Послѣ измѣны Мазепы Коровинцы успѣлъ выпросить себѣ, въ числѣ другихъ „измѣнничьихъ“ маестностей, Павелъ Полубогукъ, которому тоже дана была при этомъ на Коровинцы царская грамота. Спустя лѣтъ двѣнадцать послѣ этого одинъ изъ внуковъ Максима Иляшенка, сынъ Остапа Ласченка—Семень Ласченко ³⁾, добившись ромепскаго сотничества, рѣшился

¹⁾ Истор. Опис. Моск. Новодевичьяго монастыря (М. 1885) стр. 82. Умершая въ Москвѣ Марья Максимовна Самоѣвичъ похоронена въ этомъ монастырѣ.

²⁾ Въ дѣлѣ о родѣ переяславскихъ Иляшенковъ, въ арх. подтавск. двор. собранія, говорится, что ихъ родоначальникъ—переяславскій сотникъ Иванъ Иляшенко († 1727 г.) былъ тоже сыномъ Максима Иляшенка, но это не вѣрно: изъ подробнаго современнаго свидѣнія о дѣтахъ Максима Иляшенка видно, что у послѣдняго былъ только одинъ сынъ Осипъ.

³⁾ Родоначальникъ теперешнихъ ромепскихъ Ласкевичей.

начать съ Полуботкомъ за Коровицы судебный споръ, опираясь на царскую грамоту 1690 г., которою это село утверждалось за Илляшенкомъ и истомками его. Начатый Ласченкомъ споръ кончился однакожь для него неудачно: по рѣшенію 1734 г. сенать Ласченку въ этомъ искѣ отказалъ, за пропускомъ давности со времени отобранія Коровинець Мазепю для Обидовскаго. Но кромѣ Семена Ласченка были еще наслѣдники Максима Илляшенка—двѣ дочери младшаго брата того же Семена Ласченка—Ивана Ласченка; на старшей изъ нихъ женился переселившійся въ Роменъ полтавскій козакъ Андрей Полетика, который потомъ былъ роменскимъ войтомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что это былъ незаурядный человѣкъ: получить войтовство въ богатомъ Ромнѣ чужому человѣку было не легко. Вотъ этотъ Полетика, несмотря на неудачу Семена Ласченка, рѣшился еще разъ поспорить на судѣ съ Полуботками за Коровицы. Началъ онъ это дѣло отъ имени своей жены и съ родственниковъ въ 1742 г., причемъ, въ доказательство правъ своихъ довѣрителей, сослался на ту же самую грамоту 1690 г., которая была главнымъ доказательствомъ и въ искѣ Семена Ласченка; но это обстоятельство не помѣшало тому же сенату рѣшить на этотъ разъ дѣло о Коровицахъ (въ 1749 г.) въ пользу наслѣдниковъ Илляшенка, причемъ по вопросу о давности въ рѣшеніи было сказано, что „давность противъ грамотъ великихъ государей причестся не можетъ“. Къ этому можно добавить, что, по словамъ Андрея Полетики, на этотъ процессъ имъ было издержано 1750 рублей... Несомнѣнно, что процессъ былъ выигранъ благодаря ловкости Полетики, который прежде рѣшенія дѣла успѣлъ уже захватить около Коровинець обширную степь и настолько „утѣснилъ“ это село, что часть жителей его принуждена была уйти на слободы...¹⁾ Затѣмъ Полетика, скупивъ нѣсколько выигранныхъ частей процесса у родственниковъ жены, сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ Коровинець. И теперь значительною еще частью Коровинець владѣютъ потомки Максима Илляшенка въ лицѣ тѣхъ же Полетикъ, въ родѣ кото-

¹⁾ См. у Марковича, Дневн. Записки, II, 148.

рыхъ и сохранился прилагаемый здѣсь портретъ этого ихъ предка¹⁾.

Этотъ портретъ, изображая малозамѣтнаго малороссійскаго полковника к. XVII в., имѣетъ значеніе главнымъ образомъ археологическое. Очень интересна на этомъ портретѣ стрижка волосъ; такой стрижки на другихъ портретахъ того же времени, мы не встрѣчали. Мы видимъ здѣсь, что всѣ волосы на головѣ острижены очень коротко (или быть можетъ выбриты), а надъ лбомъ оставленъ клокъ вершка въ два длиною. Клокъ этотъ ни по своему мѣсту, ни по величинѣ не похожъ на тотъ историческій „оселедецъ“, который дольше всего сохранялся у запорожцевъ. „Чубъ“ Максима Иляшенка напоминаетъ ту стрижку волосъ, которая существовала въ лѣвобережной Малороссіи еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ (а можетъ и теперь существуетъ въ захолустьяхъ) у мальчиковъ: имъ коротко выстригали волосы на всей головѣ, оставляя надъ лбомъ такой же клокъ, какой видимъ и на портретѣ Иляшенка, посившій непонятное для насъ названіе *левержета*... Конечно, этотъ чубъ или левержетъ представляетъ лишь видоизмѣненіе того же запорожскаго оселедца... Интересна на портретѣ Иляшенка и борода. Мы видимъ эту бороду на лицѣ чловѣка еще не стараго, имѣвшаго можетъ быть лѣтъ около пятидесяти; значитъ—борода была принадлежностью не только старцевъ, какъ говоритъ Максимовичъ (II, 483) но и людей только зрѣлаго возраста. И теперь мы видимъ въ народѣ—относительно бритья бороды—такой обычай: крестьянинъ зрѣлаго возраста, лѣтъ 40—50, съ осени перестаетъ брить бороду и затѣмъ сбриваетъ ее въ іюнь, передъ началомъ сѣнокоса.. Послѣ этого, бритье снова продолжается до осени.

А. Л.

¹⁾ Портретъ Максима Иляшенка, писанный на полотнѣ масляными красками, нынѣ приобрѣтенъ, вмѣстѣ съ остатками Полеткивскаго семейнаго архива, В. В. Тарновскимъ. Имъ же приобрѣтенъ и портретъ Андрея Полетки (р. 1692 † 1773).

ОТРЫВКИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ПОЛЕТИКЪ.

I. Происхождение Полетикъ. Свѣдѣнія о жизни Григ. Андр. Полетики.

Въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка встрѣчается немало малороссіянъ: Богаевскій, Галенковскій, Гамалѣя, Дараганъ, Яковъ Козельскій, Иванъ Лашкевичъ, Васплій Лобысевичъ, Лукашевичъ, Левъ Максимовичъ, Марковичъ, Огіевскій, Парпура, Григорій Полетика и много другихъ, имена которыхъ, поискавши, можно найти въ каталогѣ Сопикова. Все это имена лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ тогдашней литературѣ, о которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, не зная откуда и при какихъ условіяхъ приходили эти работники на литературную ниву... Въ числѣ этихъ лицъ Григорій Полетика занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей любви къ просвѣщенію и по своей дѣятельности общественной въ качествѣ одного изъ депутатовъ Екатерининской комиссіи.

Благодаря счастливой случайности, остатки бумагъ Гр. Андр. Полетики недавно пріобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскимъ. На основаніи этихъ остатковъ семейнаго архива, какъ видно нѣкогда очень богатаго, мы и можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ просвѣщенномъ малороссѣ конца XVIII в.—Родомъ Гр. А. Полетика былъ изъ Ромна, куда отецъ его Андрей перешелъ жить изъ Полтавы. „Родословіе“ Полетикъ, состав-

ленное впрочемъ самимъ Гр. А. П-кою, говоритъ, что они вышли изъ Волини. Тамъ де жилъ „шляхтичъ“ Иванъ П-ка, который, въ войну поляковъ съ турками, былъ убитъ въ 1673 г., подъ Хотинемъ; послѣ смерти Ивана, вдова его отправила двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, Павла и Григорія, въ Кіевъ „какъ для того, чтобы они не оставили вѣры своего исповѣданія, такъ и для обученія“; а въ Кіевѣ де жилъ тогда, „бывшій потомъ въ черниговскомъ полку седневскимъ сотникомъ и полковникомъ (?) зять бывшего прежде гетмана Богдана Хмельницкаго,—малороссійскаго гетмана Семена Перевязки и свойственникъ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, а ихъ Павла и Григорія близкій родственникъ—Поветика“. Разсчетъ вдовы былъ тотъ, продолжаетъ „родословіе“, что седневскій Поветика, „будучи бездѣтный и богатый человекъ, ибо онъ имѣлъ въ Малой Россіи, въ черниговскомъ полку, многія деревни, а именно Ивашковъ, Выхвостовъ, Моцонку, Пекуровку, Рудню и друг. (о чемъ, такъ какъ и о свойствахъ его съ вышесказанными гетманами, свидѣтельствуется бывшее въ Малой Россіи въ 1729 и 1730 гг. слѣдствіе)¹⁾, можетъ ихъ и обучить, и наследниками сдѣлать; но они того своего родственника Поветики въ живыхъ не застали, почему они, обучась въ Кіевѣ и познакомясь съ дѣтьми бывшего полтавскаго полковника Про-

¹⁾ Для поясненія поветикинскаго „родословія“, приводимъ здѣсь отрывки изъ генеральнаго слѣдствія, послужившіе источникомъ для свѣдѣній о седневскомъ Поветикѣ. *Ивашковка* — „старожилы того села, какъ они упомянутъ, сказкою показали, что владѣлъ онымъ зять гетмана Перевязки ижкій Полетика“. — *Пекуровка* — „владѣлъ послѣ лядскаго владѣнія, гетмана Перевязки зять его, ижкоторый Полетика, будучи сотникомъ седневскимъ“... *Моцонка* — „показали старожилы, что владѣлъ онымъ сеюмъ перво, сотникъ седлевскій, прозваніемъ Поветика, свойственникъ гетмана Многогрѣшнаго“... *Рудня* — „деревню Рудню поселилъ слободою тотъ же Полетика, зять гетмана Перевязки“... Генер. слѣдствіе называетъ седневскаго Поветику то зятчемъ гетмана Перевязки, то свойственникомъ гетмана Многогрѣшнаго; такъ повторяетъ и Гр. А. П-ка, прибавляя только при назаніи Перевязки имя Семена, каковаго имени въ генер. слѣдствіи нѣтъ, да и не могло быть, потому что здѣсь Перевязка отождествляется съ Многогрѣшнымъ, такъ какъ дочь послѣднiаго была замужемъ за седневскимъ сотникомъ Поветикою. Послѣдній былъ живъ еще въ 1672 г. См. Акти юго-запади. Россіи, IX, 828. Изъ приведенныхъ чѣсть генер. слѣдствія, между прочимъ, видно, что Многогрѣшный прозывался въ народѣ Перевязкомъ такъ, какъ Самобловичъ — Поновичемъ.

кофія Левенца, отлучились въ Полтаву и, сыскавъ сродниа для себя супружества, поженились...“ Старшій изъ братьевъ поселился въ Решетиловкѣ и жилъ тамъ до 1709 г., когда былъ убитъ „на бывшей подъ Полтавою баталіи“. Послѣ Павла остался старшимъ въ семьѣ сынъ его Андрей, который нашелъ лучшимъ, „удаляясь отъ татарскихъ набѣговъ“, подвинуться на сѣверъ, гдѣ онъ и оселился съ матерью и младшими братьями,— въ Ромнѣ. Здѣсь Андрей П-ка женился на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка и скоро сталъ роменскимъ войтомъ. Затѣмъ онъ началъ съ Полуботками процессъ за село Коровинцы,— которое сначала было пожаловано, въ 1690 г., дѣду его жены, а потомъ, въ 1708 г., Павлу Полуботку,—выигралъ этотъ процессъ и сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ многоземельнаго села ¹⁾. Оставивъ почему то роменское войтовство, Андрей П-ка „вступилъ значковымъ товарищемъ въ лубенскій полкъ“ и отправлялъ козачью службу въ этомъ званіи до 1749 г., когда произведенъ былъ въ чинъ бунчуковаго товарища; затѣмъ еще оставался на службѣ до 1757 г., когда получилъ отставку, имѣя отъ роду 65 л. Умеръ Андрей П-ка въ 1773 г., оставивъ, кромѣ дочерей, пять сыновей, изъ которыхъ Григорій былъ старшимъ.

Гр. Андр. П-ка родился въ 1725 г. и учился въ кievской академіи. Въ 1746 г. онъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ, при чемъ предварительно былъ проэкзаменованъ Тредьяковскимъ, который въ своемъ донесеніи объ этомъ экзаменѣ президенту (гр. К. Разумовскому) пишетъ: „имѣвъ случай свидѣтельствовать въ искусствѣ російскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорія Полетику, который просить объ опредѣленіи себя переводчикомъ при академіи, приѣмлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малороссіянина: помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣть, переводить съ него можетъ; однако російскій его языкъ есть по большей части въ переводѣ—діалектъ малороссійской,

¹⁾ См. Киевская Старина 1891 г., январь, стр. 188.

въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній“¹⁾. О служебной своей дѣятельности Полетика самъ говоритъ такъ: „будучи воспитанъ и обученъ языкамъ и наукамъ на коштѣ отца моего, въ службу вступилъ я въ 1746 г., въ с.-петербургскую академію наукъ, переводчикомъ, гдѣ и находился по 1748 г., въ ономъ году, по желанію моему, отъ оной академіи уволенъ и опредѣленъ въ св. правительствующій Синодъ переводчикомъ же. Въ Синодѣ Гр. П-ка оставался до 1764 г., когда былъ назначенъ „въ морской шляхетной кадетской корпусъ главнымъ надъ классами инспекторомъ на этомъ мѣстѣ П-ка пробылъ девять лѣтъ и въ 1773 г., „за болезнями“, уволенъ.—Будучи инспекторомъ морскаго корпуса, П-ка былъ выбранъ въ 1767 году, отъ шляхетства лубенскаго полка, депутатомъ въ комиссію сочиненія новаго уложенія“²⁾.

Получивъ отъ отца, еще при его жизни, часть Коровинскаго имѣнія, Гр. П-ка значительно увеличилъ свое имущество, женившись въ 1762 г., на дочери отставнаго генеральнаго судьи Ивана Андреевича Гамалѣи, при чемъ получилъ, по особой сдѣлкѣ съ тещею, два села около Погара, Юдиновъ и Чеховку съ хуторами. — Кромѣ того, П-ка прикупилъ немало земель къ своему Коровинскому имѣнію и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ конца XVIII в., такъ какъ въ 1780 г. за нимъ числилось крестьянъ: 1346 мужч. и 1339 женщ.³⁾.

О литературныхъ занятіяхъ Гр. П-ки мы знаемъ немного. Будучи на службѣ въ Синодѣ, онъ написалъ для напечатанія въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, статью—„О началѣ, возобновеніи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статью эту Ломоносовъ однакожь не разрѣшилъ къ печатанію потому,—говоритъ авторъ

¹⁾ Пискаревскій. Истор. акад. наукъ, II, 116—117.

²⁾ Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевской Старини“, стр. 277.

³⁾ О богатствѣ Гр. А. Полетика можно судить уже и изъ того, что при погребеніи описи имущества Гр. П-ки и жены его, въ 1785 г., однихъ женскихъ брилліантовъ оказалось на шесть тысячъ рублей, кромѣ разныхъ алмазныхъ и золотыхъ вещей.

Исторіи академіи наукъ,—что Полетика въ древней Россіи не столько нашель училищъ сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по мнѣнію Ломоносова. Къ этому Пекарскій добавляеть, что „произведение Полетики для своего времени очень замѣчательно по обстоятельности заключающихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ“¹⁾.

Затѣмъ, въ каталогѣ Сошкова обозначены слѣдующія изданныя Гр. П-кою книги:

1759 г. — Епиктета, стоическаго философа, епихиріонъ и апофегмы и Кевита Фивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Перевезъ съ греческаго Григорій Полѣтика Сиб.—Тоже изд. 2-е, 1767 г.

1762 г.—Ксенофонта, о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ и оправданіе Сократомъ предъ судіями. Перев. съ греч. Григорій Полетика Сиб.

1762 г.—Истинныя основанія и должности христіанскія вѣры или наставленіе о изычникамъ, обращающимся въ христіанскую вѣру. Соч. Григорія Полетики Сиб.

1763 г.—Словарь на шести языкахъ: на російскоу, греческоу, латинскоу, французскоу, нѣмецкоу и англискоу, изд. Григ. Полетикоу Сиб.

Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о дѣятельности Гр. П-ки какъ депутата отъ лубенскаго шляхетства въ комиссіи о сочиненіи уложенія, извѣстны: „Возраженіе депутата Гр. П-ки на наставленіе малороссійской коллегіи господину депутату же Дмитрію Наталину“²⁾ и его довольно обширное мнѣніе на читанный въ 1768 г., въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія „проектъ правамъ благородныхъ“³⁾. Въ этихъ двухъ запискахъ П-ка является съ одной стороны вообще защитникомъ автономности Малороссіи, а съ другой—ревнивымъ ходатаемъ объ утвержденіи за „малороссійскимъ шляхетствомъ“ тѣхъ „правъ и привилегій“, которыя де во „время бытности Мазыя Россіи подъ Польшею подтверждаемы были“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ записки, и въ особенности вторая, и создали Полетикѣ репутацію—человѣка, „славившагося своєю ученостью и патриотизмомъ къ краю своему“.

Послѣ выхода П-ки въ 1773 г. въ отставку, онъ до самой смерти занятъ былъ веденіемъ разныхъ процессовъ за

¹⁾ Исторія академіи наукъ, II, 116 и 610.

²⁾ Чтен. въ Моск. общ. истор. и древ., 1858 г., кн. 3-я.

³⁾ Сборн. русск. историч. общ., XXXVI, 346—356.

имѣнія. Особенно важенъ былъ для П-ки процессъ его съ братомъ жены, Мих. Ив. Гамалѣю, который оспаривалъ правильность той сдѣлки, по которой П-ки (мужъ и жена) приобрѣли стародубскія имѣнія... Поѣхавъ въ Петербургъ, чтобы тамъ личнымъ ходатайствомъ направлять этотъ процессъ въ свою сторону, П-ка тамъ же заболѣлъ и умеръ 27 ноября 1784 года.

II. Шесть писемъ разныхъ лицъ о библиотекѣ Гр. Андр. Полетиви.

Самую цѣнную часть сохранившихся остатковъ семейнаго архива Полетикъ составляетъ частная переписка какъ самаго Гр. А. П-ки, такъ и разныхъ членовъ его семьи, начиная отъ его отца и братьевъ и кончая письмами его дѣтей, внуковъ и разныхъ родичей и знакомыхъ. Изъ этихъ остатковъ видно, что значительная часть переписки Гр. А. П-ки растеряна...

На первый разъ приводимъ здѣсь шесть писемъ разныхъ лицъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—о библиотекѣ Гр. А. П-ки, которую послѣдній дважды собиралъ въ своей жизни; разъ собранная — „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“—она погибла отъ пожара, а въ другой разъ собранная—уже незначительная по количеству книгъ,—она погибла отъ неумѣнія внуковъ оцѣнить значеніе дѣдовскаго собранія, несмотря на совѣты просвѣщенныхъ любителей письменной старины, напр. М. И. Ханенка¹⁾.

¹⁾ Мих. Ив. Ханенко (р. 1818 † 1853), младшій изъ трехъ братьевъ, — правнукъ автора издавнаго „Кіевск. Стар.“ въ 1884 г. „Дневника“ Н. Д. Ханенка, — извѣстенъ былъ, какъ и старшіе его братья, здравствующіе Ал. и Ив. Ив.—чи, любовью къ письменнымъ памятникамъ мѣстной старины. Мих. Ив. учился въ москов. университетск. пансіонѣ и затѣмъ служилъ: сначала въ гвардіи въ Финляндскомъ полку, а потомъ новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства. — Въ Черниг. Губ. Вѣд. 1832 г., нѣмъ напечатаны интересныя документы изъ бумагъ его пра-дѣда, въ томъ числѣ и любопытнѣйшее изъясненіе Н. Д. Ханенка сыну Василю, при отправленіи его въ заграничный университетъ въ 1746 г., для окончанія образованія. См. Опис. Стар. Милор., I, 78.

1. 1771 г. Письмо Григорія Андреевича Полетики къ президенту адмиралтейской коллегии Големицкову-Кутузову съ просьбою о продолженіи отпуску и съ изопытіемъ о шибели своей библіотеки.

Милостивый государь.

По милостивому вашему сіятельства и государственной адмиралтейской коллегіи снисхожденію, отпущень я въ годовой отпускъ въ домъ мой. Пользуясь симъ случаемъ, желалъ я поправить мое здоровье и состояніе; но по приключившимся мнѣ болѣзнямъ, ни того, ни другаго здѣлать не успѣлъ, а между тѣмъ имѣлъ нещастіе въ бывшій маія 23 дня въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, пожаръ потерять всѣ мои пожитки и нужныя къ содержанію и пропитанію моему вещи, а что всего для меня болшей дороже—и всю мою библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, о которой какъ вручитель сего пріятель мой Василій Александровичъ Шараповъ, такъ и многіе другіе ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одна изъ лучшихъ въ російскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія моего російскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то безъ похвалы могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что такового не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными російскими библіотеками моя въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ, препираться могла. Сіе нещастливое приключеніе столько меня поразило, что я еще больше въ здоровьѣ моемъ почувствовалъ ослабѣніе, о чемъ и атестатъ отъ доктора въ команду мою послалъ, и лишень будучи всѣхъ средствъ, къ питанію ума и тѣла моего служащихъ, не сыскиваю другаго способа, какъ только прибѣгнуть къ милости и великодушію вашего сіятельства и просить еще на годъ увольненія, чтобъ помощію онаго забыть и не быть принужденнымъ оплакивать не угасшій еще пепель лучшаго моего имѣнія, настоящей моей печали, а притомъ поправить хотя немного мое здоровье и домо-строительство и привести себя въ состояніе къ дальнѣйшему продолженію моей службы. Помилуйте, сіятелнѣйшій графъ,

печальнаго, несчастливаго и слабаго человѣка тою милостію, которая вамъ ничего не стоитъ, и заставте, чтобъ я сіе мое уволненіе почиталъ за полученное отъ васъ награжденіе моихъ убытковъ и разоренія, и прибылъ по жизнь мою съ глубочайшею преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства. (Съ черновика).

II. 1782 г. 3 іюня. Письмо мѳилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго къ Григорію Андреевичу Полетикъ, при посылкѣ польскихъ историческихъ книгъ.

2. Высокородный господинъ! коллежскій совѣтникъ!

Милостивый государь и благодѣтель мой!

Сего дни имѣлъ я честь почтеннѣйшее писаніе ваше, и въ любезнѣйшихъ вашихъ сыновяхъ, какъ самого васъ видѣть, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашихъ, при коемъ еще посылаются: Piasecy, chronicon и Starowolscy, tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того: два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старыя польскія писатели, какъ то—Кадлубко, Sarnicius, Orechovius etc. и еще посылаются жъ: Regenwolscy systema chronologicus, и Pastory, historiae polonae plenior, Kojalowicza и Кобержицкаго какъ и Староволскаго, Eques polonus не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посылать нарочнаго въ Варшаву. Какіе вамъ надобны книги, изволте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Если не думаете дѣтей послать туди, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ, послать ихъ въ Вилню, тамъ сего году открылся новій университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весьма похвалнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія; послалъ преосв. смоленскому, и получаю обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бѣ дѣтямъ и въ монастырѣ нашемъ квартеру имѣть. Не пишу болше, не хотя удерживать

птенцовъ любезнѣйшихъ, сгѣпящихъ въ гнѣздечко свое. И такъ желаю вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ мѣмъ почитаніемъ и усердіемъ,

високородія вашего, милостивого государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій. Іюня 3 д. 1782 года. Могилевъ. (Съ подлинника).

III. 1812 г., 17 сентября. Письмо Петра Ивановича Полетики къ Василию Григорьевичу Полетикъ съ просьбою прислать для графа Н. П. Румянцева списокъ книгъ и рукописей Григорія Андреевича Полетики и съ извѣщеніемъ—о желаніи Румянцева купить эти книги и рукописи.

Милостивый государь мой и любезный братецъ Васильевичъ (sic) (Должно быть—Василій Григорьевичъ).

Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ на сихъ дняхъ, испросить у васъ подробную вѣдомость о книгахъ и рукописяхъ, покойнымъ родителемъ вашимъ и вами умноженныхъ. Графъ наиболѣе въ виду имѣеть книги и рукописи, до отечественной исторіи касающіеся, и по всѣмъ отзывамъ его сіятельства, я полагаю долженъ, что вамъ учинено будетъ предложеніе—опые уступить продажею. Въ слѣдствіе чего не признаете ли приличнымъ, любезный братецъ, при доставленіи къ графу желаемой вѣдомости, чрезъ кого либо изъ сдѣшнихъ пріятелей вашихъ, (ибо нѣтъ сомнѣнія, что при полученіи вами сего письма, я находится буду пакы въ чужихъ краяхъ), увѣдомить сего послѣднаго о намѣреніи вашемъ касательно продажи вашей библіотеки, а также и полагаемой вами цѣны, симъ способомъ сократится нарочито и время, и переписка.

Я съ поспѣшностію пользуюсь симъ случаемъ, дабы возобновить себя въ памяти вашей и любезнѣйшей сестрицы Настасьи Фоминшнѣ, которой прошу васъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Въ прочемъ съ истинною привязанностію честь имѣю быть, любезный братецъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга и братъ Петръ Полѣтика. (Съ подлинника).

*IV. 1812 г., 25 ноября. Письмо Васи́лія Григо́рьевича Поле-
тики къ графу Н. П. Румянцеву.*

Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь!

Братъ мой Пётръ Ивановичъ Полетика, въ письмѣ своемъ, отпущенномъ изъ Санктпетербурга отъ 17 сентября, а мною здѣсь полученномъ не прежде какъ 14 сего ноября, по приказанію вашего сіятельства, пишетъ ко мнѣ о доставленіи вашему сіятельству подробной описи книгамъ и рукописямъ, покойнымъ отцемъ моимъ собраннымъ и мною умноженнымъ. Полагая, что ваше сіятельство наиболѣе въ виду имѣть изволите книги и рукописи, до отечественной исторіи относящіяся, упоминаемыя княземъ Щербатовымъ и профессоромъ Шлецеромъ во введеніяхъ ихъ въ оную, я со всегдашнимъ сожалѣніемъ о безцѣнной ихъ для меня и потомства моего потери, доношу вашему сіятельству, что оныя всѣ почти въ бывшій въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ острову, гдѣ тогда отецъ мой жилъ, въ 1771 году, пожаръ, со всею его библіотекою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ сгорѣли, о которой многіе еще и теперь ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одною изъ лучшихъ въ российскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія сего российскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то смѣло могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что такового не токмо ни у кого изъ частныхъ людей не было, но и съ государственными российскими библіотеками библіотека отца моего о первенствѣ въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла. Нѣкоторая только часть, изторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напоследокъ мною и присокупленныя къ первымъ, относятся по большей части до малороссийской исторіи, начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ. Въ теченіи сей зимы я имѣю необходимую надобность быть въ нашей сѣверной столицѣ. Тамъ предстану вашему сіятельству. Удостоившись же получить полное отъ васъ разрѣшеніе о содержаніи нужныхъ вамъ сочиненій въ книгахъ и рукописяхъ, и смотря

на оное, буду имѣть честь поднести вашему сіятельству опись находящимся у меня. Но, сіятельнѣйшій графъ, позвольте сказать себѣ предварительно, что я ни одной изъ нихъ не рѣшусь продать ни за какую цѣну, и что одна только переписка можетъ доставить ихъ въ другое мѣсто. Достояніе мое не велико; я имѣю дѣтей, стараясь о наилучшемъ воспитаніи которыхъ, я, вмѣсто сокровищъ свѣта, часто бесполезныхъ, хочу оставить имъ сію пищу ума единственнымъ послѣ себя, для вящего ихъ къ пользѣ общей образованія настѣдіемъ. Честь и долгъ имѣю быть съ глубочайшимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, милостивый государь, ванего сіятельства... (Василій Полетика). 25 ноября 1812 г. (Съ черновика).

Г. Около 1850 г. Письмо Василія Васильевича Полетики къ Михайлу Осиповичу Судьенку, съ предложеніемъ купить рукописи, принадлежавшія его дѣду Гр. Андр. Полетикъ.

Зная труды ваши и занятія по части русской исторіи, особливо же древней, и съ какимъ стараніемъ вы отыскиваете всѣ древніе источники, до оной относящіеся, я рѣшился обратиться къ вамъ, мил. госуд., и приложить у сего выписку о имѣющихся у меня рукописахъ. Рукописи сіи, вмѣстѣ съ прочими книгами, достались мнѣ по наслѣдству, принадлежали родному дѣду моему Григорію Андреевичу Полетики, въ свое время славившемуся ученостію, патриотизмомъ къ краю своему и трудами по части исторіи Малороссіи. Нѣкоторые изъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ труды его писаны собственною его рукою, а права и привилегіи малор. шляхетства, совмѣстно съ двумя мнѣніями его комиссіи, имъ собственноручно подписаны и другаго экземпляра нигдѣ и ни у кого инаго не находится. Что касается до переписки его, то утвердительно ничего не могу сказать вамъ, ибо я не имѣлъ еще времени пересмотрѣть опую и разсортировать; могу только прибавить, что собственноручныхъ писемъ его находится у меня довольно большое количество, исправно сохранныхъ со дня его смерти. Если вы найдете что либо соотвѣтствующее вамъ, какъ для пользы вашей, такъ собственно для науки, то я со всею готовностію могу

уступить вамъ по вашему увѣдомленію, было бы то за деньги или же за книги новѣйшихъ авторовъ, коими я хочу пополнить имѣющуюся у меня небольшую библіотеку, на каковой конецъ, по извѣщеніи вашемъ, пришлю вамъ и каталогъ,—тогда вы можете сообразить и назначить недостающихъ авторовъ въ оной.— Ожидая вашего, милостивый государь, увѣдомленія, прошу васъ въ случаѣ отвѣта въ семь мѣсяцѣ или въ самомъ началѣ будущаго, адресовать по прилагаемому адресу письмо въ г. Погаръ, а съ 10 чиселъ мая въ г. Роменъ, куда я переѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ находятся всѣ книги мои. *Съ черновика, къ которому приложенъ слѣдующій списокъ:*

Въ большую дестъ.

- 1) Рукописное собраніе грамотъ, статей, писемъ и прочихъ сочиненій, касающихся до малороссійской исторіи. 6
- 2) Договорныя малоросс. гетмановъ статьи, грамоты и прочія сочиненія рукописныя 1
- 3) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1
- 4) Исторія о зачатіи Москвы, рукописная. 1
- 5) Собраніе разныхъ привилегій польскихъ и русскихъ, рукописное. . . . 1
- 6) Каталогъ епископовъ, патріарховъ свята великія византійскія церкви, такой же каталогъ кievскихъ митрополитовъ и прочія сочиненія, рукописныя. . 1
- 7) Малороссійскій лѣтописецъ Самуила Величка, рукописный. 1
- 8) Дѣйствія презвальной брани Бсгдана Хмельницкаго съ поляками, рук. . 1
- 9) Малороссійскій рукописецъ, рукописный. 1
- 10) Книга, содержащая въ себѣ описаніе митарствъ, соборъ бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сочиненія Максима Грека, рукописная 1
- 11) Каталогъ и лѣтописаніе изъ бытности (sic) архіереевъ російскихъ, рукописныя 1
- 12) Права и привилегіи малорос. шляхетства, тутъ же собраны и двѣ рѣчи предка моего, бывшаго депутатомъ при Екатеринѣ 1
- 13) Разсмотрѣніе лѣтъ Р. Х. согласующихъ съ лѣтами бытія міра и каталогъ патріарховъ константинопольскихъ, тако жъ митрополитовъ и архіереевъ російскихъ, рукописныя 1
- 14) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1
- 15) Иго законое неудобноосимое, сочиненіе Ѡ. Прокоповича и иго Христово благо, его же, собственною рукою Стефана Яворскаго, писанное, неполное 1

Въ меньшую четверть листа.

- 16) Начало государей и великихъ князей російскихъ и родословіе разныхъ знатныхъ фамилій російскихъ, рукописныя 1
- 17) Лѣтописецъ кн. Курбскаго, томъ 1, рукописный 1
- 18) Собраніе разныхъ сочиненій Ѡ. Прокоповича, рукописныя. 1

19) Сатиры кн. Антиоха Кантемира, рукописи	1
20) Лѣтописецъ либо кроника о землѣ польской	1
21) Старинная книга Острожской печати, безъ заглавія и конца	1
Календарей 1749 год. 52, 56, 57, 66, 67 по 1811 всего	49
Календарей историческихъ, географическихъ, экспонатчес. ихъ и казенн.	
съ наставленіями съ 1768 по 1796 всего	63

VI. 1850 г. 14 мая. Письмо Михайла Ивановича Ханенка къ Василію Васильевичу Полетикъ съ извѣстіемъ о возвращеніи рукописи „права и привиллеій“ и съ просьбою беречь рукописи, собранныя его дѣдомъ и отцомъ.

Милостивый государь Василій Васильевичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и готовъ былъ бы немедленно исполнить ваше требованіе о присылкѣ находящейся у меня вашей книги: *права и привиллеій*, еслибы не находилъ къ этому препятствій. Книга ваша такой высокой важности для исторіи, всѣхъ насъ и въ особенности васъ, что я ее не имѣю права переслать чрезъ какія бы то не было постороннія руки, кромѣ того еслибы вы кому поручили. Какъ и чѣмъ бы я могъ замѣнить ее утрату? Извините меня,—я такъ думаю и такъ свято чту вашу драгоцѣнность. Получивъ ваше письмо, я былъ готовъ самъ ѣхать и вручить ее вамъ лично, какъ печальное требованіе въ Черниговъ, на чрезвычайное собраніе, помѣшало мнѣ это исполнить.—Я ее беру съ собой, если васъ тамъ не встрѣчу и возвратившись не застаю въ Юдиновѣ, то укажите мнѣ, куда ее переслать по почтѣ, это будетъ вѣрно и я ее отправляю казенной посылкой. Напишите мнѣ, когда вы будете въ Корювинцахъ, я думалъ самъ васъ посѣтить тамъ и поритца (sic) въ вашей исторической Калифорніи.

Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, сколько я долженъ передать вамъ вѣстей и просьбъ и предложеній отъ Бодянскаго. Можетъ быть мы не увидимся, вы будете въ Кіевѣ, да и въ другихъ мѣстахъ встрѣтите людей, которые уже знаютъ о вашемъ владѣ, черезъ меня; они, вѣроятно, будутъ просить васъ о вашихъ рукописяхъ; умоляю васъ всѣмъ святымъ вашей родины, не давать имъ никому и ничего, кромѣ *рукописи Велички* для Кіевского Археографическаго общества, которому она нужна и

принесетъ пользу общую. Я, руководясь Вашимъ позволеніемъ, вошелъ въ сношеніе съ Бодинскимъ, обѣщаль ему и онъ взялся быть разбирателемъ и обпародователемъ этой драгоценной старины нашей. Этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безынтересно. Всѣхъ остальныхъ водить не тѣ чувства: самолюбіе или желаніе выработать на чужой щетъ копѣйку, а во главѣ ихъ стоитъ Погодинъ. Вѣрьте мнѣ, что я говорю это, сильно убѣдившись во всемъ и много любя нашу страну и ее исторію. Увѣренъ, что вы не измѣните вашихъ предположеній и тѣмъ достигните благой цѣли.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ и моему старому товарищу, ежели онъ съ вами.

Оъ отличнымъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Ханенко. 1850 г., 14 мая. Юхновъ. (*Съ подлинника*).

III. Догадка объ авторѣ „Исторіи Русовъ“.

Изъ приведенныхъ писемъ мы видимъ, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ (1746—771), Гр. П-ка успѣлъ составить библіотеку „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“ и что „она была одна лучшихъ въ російскомъ государствѣ библіотекъ, а особливо что касается до собранія російскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то такового не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными російскими библіотеками“ библіотека Гр. П-ки „въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла....“. И когда это книжное богатство почти все погибло въ огнѣ, П-ка, какъ видно, началъ снова собирать книги и рукописи... Собираніе это онъ продолжалъ, почти до самой смерти, какъ видно изъ письма къ нему архіеп. Георгія Конисскаго. Послѣдній, какъ видимъ, посылаетъ Гр. П-кѣ, по его заказу, классическія старопольскія историческія сочине-

нія (Кадлубка, Длугоша, Пасторія, Сарницкаго, Орѣховскаго, Пясецакаго, Рудавскаго...). Собираель эти послѣднія книги П-ка, интересуясь исторіей Малороссіи; такъ можно думать напр. потому, что въ 1781 г. онъ проситъ своего двоюроднаго брата Гр. Ив. Полетнику, одного изъ чиновниковъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, достать ему книгу— „*Marcina Boguzimowskięgo, Nawigacya do Lubeka*“, напечатанную въ Люблинѣ въ 1662 г., объясняя, что въ этой книгѣ ему нужна только статья—о *roszatkku kozaszunu* ¹⁾.—Съ какою же цѣлью собиралъ Гр. П-ка подобнаго рода книги?—На этотъ вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ въ письмѣ Вас. Гр. П-ки къ гр. Румянцеву (№ IV),—гдѣ читаемъ: „собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни и напоследокъ мною, отпосытаются по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой бмю ею, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ...“ Такимъ образомъ старшій сынъ Гр. П-ки, Василій (р. 1765 † 1845), которому отецъ завѣщалъ свою бібліотеку ²⁾, свидѣтельствуеть, что отецъ его писалъ исторію Малороссіи, которую онъ, сынъ, продолжаетъ. Рождається въ высшей степени любопытный вопросъ: гдѣ же эта оконченная или несовершенная исторія Малороссіи, которую началъ отецъ, умершій 1784 г., и продолжаетъ его сынъ еще и въ 1812 г.?—Никакихъ слѣдовъ этой исторіи въ приобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ остаткахъ Полеткинскаго семейнаго архива мы не нашли ³⁾. Извѣстно, что часть Полеткинскихъ бумагъ при-

¹⁾ исполнила это порученіе Гр. А. П-ки Гр. Ив. П-ка пишетъ къ какому то гр. Ржевускому: „au cas, qu'on ne pourra pas trouver ce livre, m-r le comte de Rzewusky est prié d'avoir la bonté de s'informer si le même livre ne se trouve pas à Varsovie dans la bibliothèque du feu comte de Zalusky et dans le cas qu'il s'y trouve, d'en faire faire un extrait du chapitre qui traite: o „roszatkku kozaszunu“.

²⁾ „Какъ старшій сынъ мой Василій Полетника до сего времени оказывается къ наукамъ болшую охоту.... то бібліотека моя, вся состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, такожъ и всѣ письма и извѣстія подлинныя и копии, касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи, отказываются мною ему одному...“.

Пунктъ 9-й изъ завѣщанія Гр. А. П-ки, написаннаго за нѣсколько дней до смерти

³⁾ Сохранилась впрочемъ составленная Гр. А. П-кою „опись ученыхъ и нравныхъ дѣламъ“, въ которой между прочимъ значится: „№ 50. Оглавленія грамо-

обрѣтена была раньше М. О. Судьенкомъ¹⁾, который, какъ любитель мѣстной письменной старины, конечно пересмотрѣлъ эти бумаги и еслибы бы нашелъ въ нихъ историческія писанія Гр. А. П-ки, то конечно о томъ извѣстилъ бы хотя Бодянского, съ которымъ дѣлился своими открытіями въ письменной малорусской старинѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ—„Исторію Русовъ“, которой авторъ также неизвѣстенъ, какъ и авторъ написаннаго къ ней предисловія. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, упоминается и Гр. А. П-ка:—„извѣстный ученостью и знатностью депутатъ шляхетства малороссійскаго г. Полетика, отправляясь по должности депутатства въ великую имперскую комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію (т. е. исторію Малороссіи). Онъ относился о семъ къ *первоначальному учителю своему*, архієпископу бѣлорусскому Георгію Конискому... И сей то архієрей сообщилъ г. Полетикѣ лѣтопись или исторію сію (т. е. „Исторію Русовъ“).... Г. Полетика, сличивъ ее со многими другими лѣтописями малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшую, всегда ее держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по комиссіи. И такъ исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется, должна быть достовѣрною....“. Какъ видимъ, автору этого предисловія извѣстны отношенія Гр. А. П-ки къ Георгію Конискому; онъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ учителемъ П-ки въ кievской академіи²⁾, каковой фактъ могъ знать только человекъ близко знавшій Гр. П-ку. Но главное, авторъ предисловія утверждаетъ, что „Исторія Русовъ“ была хорошо извѣстна Гр. П-кѣ, была имъ одобрена, послѣ предварительнаго де сличенія съ подобными этой исторіи

тамъ, статьяиъ, письмаиъ и прочимъ сочиненіямъ до малороссійской исторіи принадлежащимъ и № 110. Письма до разныхъ (лицъ?) къ малороссійской исторіи принадлежащіяиъ“.

¹⁾ М. О. Судьенко купилъ Полетикинскія рукописи у внука Гр. А. П-ки, Василя В-ча, при посредствѣ М. И. Хаецка, и заплатилъ 2000 р. (Сообщено А. И. Хаецкомъ).

²⁾ Гр. П-ка окончилъ кievскую академію въ 1746 г., а Конисскій, по свидѣтельству А. Коченскаго (Кievъ и проч. II, 119), сталъ тамъ учителемъ пѣнтяки съ 1745 г.

сочиненіями, которыя тутъ же называются лѣтописями малороссійскими... Но намъ теперь извѣстны, должно быть, все эти лѣтописи и мы можемъ утвердительно сказать, что никакихъ такихъ лѣтописей, которыя похожи были бы въ литературномъ отношеніи на „Исторію Русовъ“ не было, да и не могло быть, почему не могло быть и никакого съ ними сличенія... Авторъ предисловія что то знаетъ о происхожденіи „Исторіи Русовъ“, но рассказываетъ небылицу, что будто эта „исторія“ ведена была съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми“ и проч. Авторъ предисловія настолько, повидимому, былъ знакомъ съ малороссійскимъ лѣтописаніемъ, что, говоря о написаніи „Исторіи Русовъ“ въ могилевскомъ монастырѣ, просто кого то морочитъ... Кому же нужно было это мороченье?—Только тому, кто знаетъ имя дѣйствительнаго автора „Исторіи Русовъ“ и кому почему то пужно было закрыть слѣды къ имени ¹⁾)... Не оставили никакихъ слѣдовъ объ имени автора и тѣ обстоятельства, при которыхъ въ первый разъ была найдена рукопись „Исторіи Русовъ“ ²⁾. Приходится догадываться.... Такая догадка заключается и въ вопросѣ, который мы здѣсь ставимъ: почему авторомъ этой анонимной „Исторіи“ не могъ быть Гр. А. П-ка и почему предисловія къ ней не могъ написать сынъ его

¹⁾ Ср. у Максимовича. Соч. I, 306.

²⁾ По разсказу А. И. Ханенка, слышанному нами отъ него на дняхъ въ первый разъ рукопись „Исторіи Русовъ“ найдена была около 1828 г. въ библіотекѣ и. Гриньва (старод. у.) при описи гриньвскаго имущества, когда оно переходило отъ кн. Добрацова-Ростовскаго (получившаго Гриньва въ приданое отъ гр. И. А. Волбородко) къ кн. Голицыну; нашли рукопись списывавшіе гриньвскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лавковичъ и Ал. Гагалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираву (тогдашнему губ. предвод. телю); послѣдній, снявъ съ этого списка копію, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриньвскую библіотеку. Съ копій Ширав снимали для себя копіи и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ Як. Павл. Полетика (родной омукъ Гр. А. П-ки), а съ этой копій снялъ копію для себя потомъ и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Ботанскому, когда тотъ задумалъ напечатать „Исторію Русовъ“. Какъ извѣстно, Ширав послалъ копію „Исторіи Русовъ“ и Бантыш-Каменскому, но, какъ говоритъ послѣдній, этотъ списокъ окончивался только 1708-мъ годомъ. По свидѣтельству А. И. Ханенка, у Ширавъ былъ полный списокъ „Исторіи“ и посланъ его Вит.-Кам—у въ неполномъ видѣ должна быть объяснена какою нибудь случайностью.

Василій?—Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ „горячій украинскій патріотъ“¹⁾. Такимъ „горячимъ украинскимъ патріотомъ“ былъ и Гр. А. П-ка, по свидѣтельству людей близко къ нему стоявшихъ и хорошо его знавшихъ. Въ этомъ отношеніи имѣется очень интересное письмо къ Гр. А. П-вѣ, писанное къ нему въ августѣ 1781 г. генераломъ Андреемъ Милорадовичемъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ гр. П. А. Румянцева, по представленію котораго Мил—чъ былъ, въ томъ же 1781 г., назначенъ правителемъ вновь открытаго черниговскаго намѣстничества. Письмо Мил—ча настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь полностью: „М. Г. мой Григ. Андр.! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственники всѣ какими чинами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ—каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано?²⁾ и по секрету приложить перваго изъ нихъ съ вами примырившагося (?), вашего начертанія привѣтствіе. Я злоупотребленія нямалаго не учиню, будьте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ. Ч. 13 авгус. 781 Вышенки“.

Р. S. Посланъ сего податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитесь однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ мечъ: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лета*³⁾ да будутъ смягченіемъ патріотической горячности иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вами равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не

¹⁾ См. живую характеристику автора „Исторіи Русовъ“ въ статьѣ—„Въ защиту неизвестнаго покойника“, напечат. въ газ. *Порядокъ* 1881 г., № 128. Статья эта заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ возраженіе противъ отзыва Костомарова объ этомъ „неизвестномъ покойникѣ“. Отзывъ Костомарова былъ напечатанъ въ той же газетѣ *Порядокъ*, № 97.

²⁾ Мы не знаемъ—о какомъ собраніи знати шляхетства здѣсь говорится.

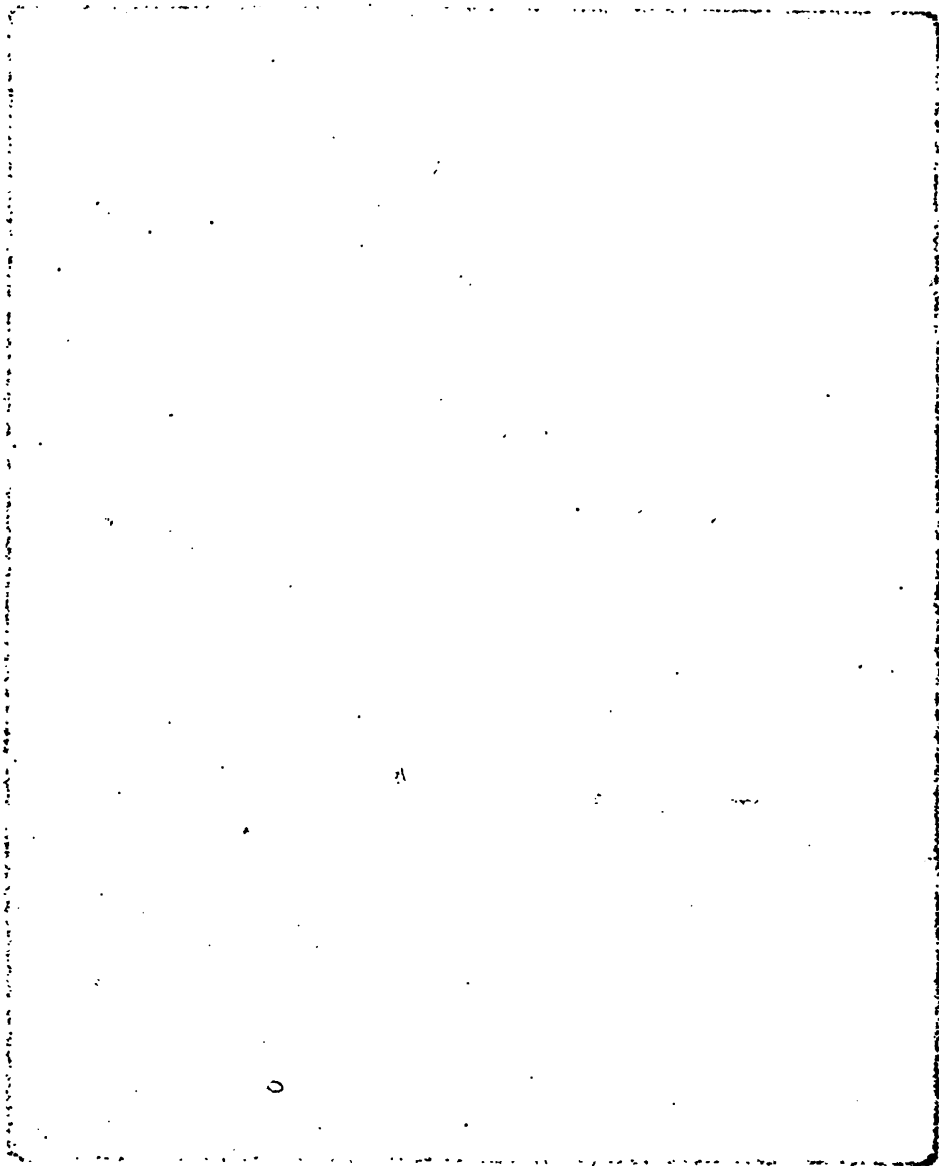
³⁾ Слова эти подчеркнуты Милорадовичемъ.

послужило. Оставимъ дѣла судьбою своею влекомые. Раздерите сіе письмо ничего незначащее*.

Это любопытное письмо, въ которомъ многое остается недосказаннымъ, представляетъ однакоже несомнѣнное свидѣтельство, что Гр. А. П-ка отличался тою „патріотическою горячностью“, слѣды которой можно видѣть и въ „Исторіи Русовъ“....

„Косвенныя улики“, по которымъ автора „Исторіи Русовъ“ можно подозрѣвать въ Гр. А. П-кѣ, повидимому, есть... Къ числу этого рода уликъ можетъ быть отнесено и то любопытное переименованіе факта, которое видимъ въ „Исторіи Русовъ“ относительно конца гетманства Многогрѣшнаго. Какъ записано *во вступлѣніи* малороссійскихъ лѣтописяхъ, большихъ и малыхъ, гетманъ Многогрѣшный въ 1672 г., въ великій постъ, былъ арестованъ своею же старшиною, въ Батуриинѣ, „за измѣну“, и отвезенъ въ Москву; отсюда былъ сосланъ затѣмъ въ Сибирь... Этотъ арестъ Многогрѣшнаго своими же, въ гетманскомъ домѣ, и особенно участіе въ этомъ арестѣ генер. писаря Карпа Мокріевича.—былъ фактомъ до такой степени громкимъ въ исторіи гетманщины XVII в., что никакой ошибки въ разсказѣ объ этомъ событіи въ малороссійскихъ исторіяхъ быть не могло. А между тѣмъ въ „Исторіи Русовъ“ мы читаемъ вотъ что: „въ 1672 г., февраля 7-го дня, гетманъ Многогрѣшный *отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батуриинѣ поребенъ*. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ, при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества“... Кому нужно было и ради какого интереса—выдумывать этотъ явно ложный панегирикъ?—Недавно умершій Карповъ, указывая на приведенное мѣсто изъ „Исторіи Русовъ“, видитъ въ немъ—„замѣчательнѣйшее незнаніе автора ея событій и склонность его постоянно разсказывать нелѣпости, но съ извѣстнымъ неприличнымъ отгѣнкомъ“...¹⁾ Но здѣсь нѣтъ незна-

¹⁾ Карповъ. Критическій обзоръ разработки главы русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. (М. 1870), стр. 117.

Морского Шляхетного Казённого Корпуса
Главный Инспекторъ въѣхъто себя и жёнъ своихъ
Евгенъ Ивановичъ и сестри Самантевичъ по повелѣнію
Тысячел. Губернск. Полковника Яку и асана
Головкинъ.

нія *событій*, потому что рѣчь идетъ о событїи ужь очень извѣстномъ... Нѣтъ здѣсь и „наклонности постоянно рѣзко высказывать нелѣпости“, какъ думалъ предубѣжденный критикъ. Въ описанїи небывалыхъ похоронъ Многогрѣшнаго въ Батуриѣ мы видимъ намѣренно выдуманный фактъ... Кѣмъ же?—Можетъ быть, позднѣйшимъ родичемъ одного изъ зятей гетмана Многогрѣшнаго¹⁾, которому та или другая тенденція могла подсказать желаніе объявить въ потомствѣ тестя того седневскаго Полетяки, отъ котораго предки Гр. А. П—ки ожидали великихъ и богатыхъ милостей.—Конечно, это предположеніе составляетъ не болѣе какъ одну нашу догадку, могущую тоже быть только „косвенною уликою“, что „Исторія Русовъ“ первоначально вышла изъ подъ пера Гр. А. Полетяки, а потомъ, можетъ, была дополняема и сыномъ его Василюемъ....

Подтвердятся ли наши „косвенныя улики“—прямыми или будутъ вовсе отвергнуты, Гр. А. П-ка все таки останется однимъ изъ замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей в. XVIII в., заслуживающимъ сохраненія его портрета. Послѣдній здѣсь и прилагается, снятый съ писаннаго масляными красками оригинала, который прежде находился въ числѣ семейныхъ портретовъ Полетякъ въ с. Коровинцахъ, а нынѣ принадлежитъ намъ.

29 марта, 1891 г.

¹⁾ Двѣ дочери Многогрѣшнаго были замужемъ: одна за Полетякою, а другая за лубенск. полковникомъ Нестеренкомъ. Акти ю.-в. Россїи, IX, 828.—Хотя Гр. А. П-ка въ своемъ „родословіи“ и называетъ тестемъ седневскаго Полетяки—Перевязку, но мы думаемъ, что авторъ „родословія“ только боялся расколоться съ найденными имъ въ генер. свѣдѣніи фактами, а въ дѣйствительности зналъ, по общему семейному преданію, таковъ крупный въ исторїи рода фактъ, какъ свойство съ Полетяками гетмана Многогрѣшнаго...

ПОЛКОВНИЧЫИ ЧИНШЕВИКИ.

Восемь лѣтъ назадъ, по приглашенію покойнаго Г. П. Галагана, мы пересмотрѣли его семейный архивъ, (въ прилуцкомъ с. Сокиринцахъ), о которомъ и сообщили въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія, («Кіевская Старина» 1883 г., ноябрь). Тогда же списали мы три печатаемые здѣсь документа, подобныхъ которымъ никогда, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчались. Изъ этихъ «универсальныхъ писаній» видно, что прилуцкіе полковники, начиная съ Дмитрія Горленка, установили за собою право—освобождать нѣкоторыхъ своихъ подчанъ отъ, «общенародныхъ» повинностей—за извѣстную плату, поступающую въ личный ихъ доходъ. Освобожденный отъ повинностей платилъ полковнику ежегодно извѣстный «чиншъ» и затѣмъ получалъ отъ него освободительный листъ, приглашавшій мѣстныя власти—не трогать такого чиншевика... Изъ этихъ листовъ видно, что платежъ чинша производился ежегодно, до тѣхъ поръ вѣроятно, пока ставало средствъ у чиншевика... Ясно не видно къ какому классу принадлежали полковничьи чиншевики, но можно догадываться, что это были прежде всего люди посполитаго званія, такъ какъ козаки не несли тѣхъ повинностей, за рѣдкими исключеніями, о которыхъ говорятъ освободительные листы; затѣмъ можно полагать, что эти чиншевики принадлежали къ достаточному мѣщанству, которому, по его занятіямъ промыслами, могло быть очень выгодно такое освобожденіе отъ повинностей.—Откупались отъ повинностей не единичные люди; какъ видно, явленіе это было довольно распространено: въ архивѣ Гр. П. Галагана мы нашли 28 такихъ освободительныхъ листовъ, данныхъ разнымъ лицамъ... Нахожденіе этихъ листовъ въ сокиринскомъ архивѣ, показываетъ, что они были возвращаемы дававшему ихъ полковнику. Вѣроятно, былъ такой порядокъ, что въ случаѣ невозобновленія чинша,

«листь» долженъ былъ быть возвращенъ, во избѣжаніе злоупотребленій..

Интересно знать—было ли прилучное увольненіе посполитыхъ отъ общественныхъ повинностей общимъ явленіемъ въ старой Малороссіи, или этотъ полковничій доходъ практиковался въ одномъ только прилучномъ полку, измыщленный первоначально такимъ искусникомъ въ накопленіи богатствъ, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ Горденко¹⁾.

1) Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилучій Игнатій Ивановичъ Кгалаганъ. Всѣмъ кому о томъ вѣдати належатиметь, а меновите пану сотникови журавскому зъ товариствомъ, и войтови съ посполитыми людьми, снмъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, пжъ Василь Буцанъ, житель журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть зъ братомъ своимъ, за рокъ 1714, котораго мы Василя и брата его увольняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовихъ, яко возжена подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тягlostей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ниже написанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ увольней, жадаючи, абы имъ и найменшой въ томъ заживаню волности, нѣ отъ кого не дѣялось кривды и долегливости жадной, мѣти хотимъ и приказуемъ. Данъ въ Прилучи, декабря 22, року, 1714. Звишъ менованный полковникъ прилучій. За сей рокъ 1715, дали чиншъ Василь копъ 6, зъ братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9, и за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть. Воленъ востаеть отъ тягlostей посполитыхъ.

2) Его царского пресвѣтлого величества в. запор. полк. прил. Ігн. Ив. Кгалаганъ. Всѣмъ кому бы колѣкъ о томъ вѣдати надлежало, а меновите пану сотникови журавскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполитствомъ, снмъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаймуемъ писаніемъ, пжъ Степанъ Андрѣенко и Мартинъ Яценко, брати въ первыхъ²⁾, жители журавскіе, будущи зъ небожчика блаженной памяти пана Івана Носа, бывшаго

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» 1889 г., октябрь, стр. 180.

²⁾ Дворянине.

полковника прилуцкого, въ зимувчикахъ¹⁾, просили теперъ насъ о
пріятію ихъ на чиншъ. Мы прето прошенію ихъ не отмовляючи,
взглядомъ того, же оніе когда и въ зимувчикахъ были, мало гро-
мадской повинности отбували, прийялсмо на чиншъ и одобравши
въ нихъ на годъ теперешній якъ ипжей въ листъ положенного числа,
начался изнову въ пр. 1717 року о томъ же часъ кончати мѣется
належитый датокъ, а именно въ Мартина Яценка коць шесть, а въ
Степана Андрѣенка золотихъ десять, увольняемъ ихъ на весь сей
оплаченній годъ отъ воженія подводъ, компанѣйскихъ станцій, такъ
же поборовихъ датковъ и всякихъ громадскихъ повинностей и вару-
емъ того пллно, абы нѣхто такъ зъ помянутой старшины журавской,
яко и изъ кого колвекъ, жадного и найменшого въ томъ оиниъ
Яценку и Андрѣенку, неважилси чинити налогу, упоминаемъ и вла-
стію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцъ, декабр. 5, р. 1716.
Звишъ менованный полковникъ прилуцкій.

3) Его царского пресв. величества войска запор. полк. прил.
Ігн. Ів. Кгалакганъ. Всѣмъ хто бы того потребовалъ вѣдати, а мено-
вите пану сотникови пчанскому, атаманови городовому зъ товари-
ствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ уни-
версалинымъ ознаймуемъ писаннемъ, пжъ Марья Романиха Оковитая,
жителька пчанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне
волности ей отъ бившого антедессора нашего пана Горленка видан-
ній, которій мы теперъ ствержаччи, беремо оную подъ свою полков-
ничую оборону и одобравши въ неп (якъ она и за пана Горленка
по пять коць—рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717 хѣвчійси,
одъ ипже въ листъ положенного числа почати изнову въ прійдучомъ
1718 року, о томъ же часъ кончати, чиншу коць пять, увольняемъ
помянутую Романиху Оковитую отъ воженія подводъ, поборовихъ дат-
ковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ
повинностей, въ которомъ то заживавию ей волности, дабы такъ одъ
помянутой старшины пчанской, яко и одъ кого колвекъ, жадной и
наименшой оной же Оковитой не чинилоси трудности, перепони и

¹⁾ Мы не умѣемъ объяснить этого названія. Не были ли это богатые мѣ-
щане, которыхъ полковники брали въ личную услугу, какъ брали козаковъ—въ
„курѣвички“, для освобожденія отъ тѣхъ же общенародныхъ повинностей?—„Зи-
мовчиками“ они могли называться потому, что работали на полковниковъ зимою,
когда шла молотба хлѣба, когда требовался лишніи рабочіи руки для ухода за
скотомъ...

доверливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилудѣ, іюня 3, р. 1717. Звищъ менованный полковникъ прилудскій. 1718 року, 19, Марья Романиха Оковитая отдала чиншевого датку копъ пять, свободна есть. И за сей 1719 рокъ, іюля 4, Марья Оковитая отдала належній чиншъ, копъ 5, волна есть отъ всякихъ посполитыхъ тягостей.

МАМАЕВЪ ДУБЪ.

Въ недавно прибрѣтенныхъ нами отдѣльныхъ рисункахъ д-ра Деляфица, находится изображеніе усохшаго дерева, съ обрубленными вѣтвями, съ слѣдующею подписью: «Мамаевъ дубъ въ урочищѣ васильковскомъ мотронинской дачи (чигиринск. у.), у котораго разбойникъ Мамай часто весьма располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное изустное преданіе; дубъ сей имѣетъ толщину $3\frac{1}{3}$ аршина, въ раздѣленіи вѣтвей (?), и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ, какъ дерево это уже безъ листья. Надобно полагать, что разбойникъ Мамай существовалъ назадъ далеко за сто лѣтъ. Во время пребыванія у сего дерева пиры его обозначались кровавою мезью на полякахъ и жидакъ, которыхъ попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на гольяхъ сего дерева, на которомъ и самъ будучи пойманъ, по распоряженію польскаго правительства, повѣшенъ».

Легендарный Мамай пользовался у народа большою популярностью, что доказывается распространеніемъ въ Малороссіи и особенно въ Новороссіи его изображеній. Образчикъ этихъ рисунковъ можно видѣть въ приложеніи къ изданной въ 1852 г., въ Одессѣ, Исторіи о козакахъ запорожскихъ¹⁾ Въ собраніи В. В. Тарновскаго такихъ рисунковъ шесть или семь и все—варианты. Особенно интересенъ изъ нихъ рисунокъ «Мамай», прибрѣтенный изъ имущества умершаго П. А. Лукашевича († 1887 г.), несомнѣнно относящійся къ XVII в. (Остальные—позднѣйшіе). «Мамай» послужилъ фабулою и для повѣсти, написанной извѣстнымъ бытописателемъ Запорожья, А. А. Скальковскимъ²⁾. Въ заключеніи этой повѣсти г. Скальков-

¹⁾ А надпись въ стлбахъ, обыкновенно встрѣчающіяся на этихъ картинахъ— см. въ Записк. о южн. Руси, I, 316 и слѣд.

²⁾ Повѣсть «Мамай» составляетъ 8-й и 4-й выпуски «Порубежника», Одесса, 1819—20, 4 выд.

скій говорить— «Мамаѣ сохранилось много преданій и памятникъ; много крестовъ каменныхъ и бабь обломанныхъ называются мамаями; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшей экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ (киевск. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украинѣ»... Тутъ же говорится и о мамасовомъ дубѣ, стволъ котораго, по словамъ г. Скальковскаго, «весь избуравленъ отыскивателями кладовъ».

.....

Позднѣйшая память о В. Хмельницкомъ въ Суботовѣ.

Въ тѣхъ же отдѣльныхъ рисункахъ доктора Деляфлиза¹⁾, между прочимъ, находится рисунокъ камня съ слѣдующею его подписью: «Камень вышиною десять футовъ, вкопанный въ улицѣ Субботовѣ, возлѣ церкви. Жители (мѣстные) называютъ его бабою; женщины и дѣти боятся проходить возлѣ сего камня ночью. Старики говорятъ, что во время гетмана Хмельницкаго, привязывали къ этому камню преступниковъ для наказанія оныхъ». Судя по надписямъ на другихъ рисункахъ, приведенная замѣтка сдѣлана въ 1851 г. — Интересно бы знать сохраняется ли и теперь этотъ камень?

¹⁾ См. еще о мамасовомъ дубѣ.

Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго.

Въ «Кіевлянинѣ» 1890 г. № 276, изъятъ г. В. Г—скій, сообщая описаніе одного стариннаго южнорусскаго евангелія, одну изъ выѣющихся, въ послѣднемъ подлинсей, по листамъ приписываетъ гетману Сагайдачному. Въ своемъ описаніи г. Г—скій говоритъ: «въ церковно-историческомъ древлехранилищѣ, учрежденномъ при Александро-Невскомъ братствѣ во Владимірѣ губерн. (на Клязьмѣ), въ числѣ другихъ рукописей, находится рукописное четверо-евангеліе съ вкладной подписью по листамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго. Евангеліе это писано на бумагѣ красивымъ уставомъ на 402 л., въ переплетѣ, обложенномъ темно-зеленымъ бархатомъ. На верхней крышкѣ переплета, по угламъ четыре евангелиста, въ срединѣ Распятіе—серебряныя, вызолоченныя, южно-русской работы начала XVII в. Застежки утеряны, но четыре «жука» на другой сторонѣ изъ красной мѣди уцѣлѣли. Письмо рукописи тщательное и красивое; украшеній въ видѣ заставокъ, рисунковъ и т. п. въ евангеліи нѣтъ, кромѣ четырехъ крупныхъ инициальныхъ буквъ, нарисованныхъ кинноварью. Хотя выходной листъ и утерянъ, но, судя по почерку и другимъ признакамъ, евангеліе это можно отнести къ концу XV и никакъ не позднѣе начала XVI вѣка. Фабричное клеймо на бумагѣ—венерь.

Не сообщая о времени и мѣстѣ своего написанія, рукопись взаимнѣ того въ цѣломъ рядѣ подлинсей по листамъ даетъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого евангелія, которая довольно замѣчательна. Первая по времени написанія полууставная надпись находится на 13—22 листахъ: свѣта 7074 (1566) марта 25 (25) дн далѣ къ прчстой бдце печерской вдом великихъ чудотворцевъ антона и еомдоса печерськихъ свен'ского монастыря Михайло Федороничъ Сычевъ евангелъ тетро (т. е. четверо-евангеліе) в дестъ волочено бархатомъ чернымъ а на нейъ серебряны позоло-

Чены и евангелисты серебряны позолочены защепки и гвозди серебряны, а нам за то его помпнати и родителя его». На лист. 1—41 небрежной скорописью 16 вѣка написана другая вкладная запись: «лѣта: 7090 (1582) году Истома Уколовъ бых у льтовском городе у Пропонску и купилъ се евангелія у льтовскихъ людей у черкасѣ, а взяли се евангелія льтовские люди у прѣстные бдцы Свенского монастыря... Истома Уколовъ о девеностомъ году прѣставилси и дала се евангелія по Истоми по Уколовѣ в домъ Прстыи Бгдцы въ монастырь, что въ Стародубѣ на посаде жена его Анна и се евангелія отъ Прстыи Бдцы изъ монастыря никому не износить, а хто изнесетъ се евангелія и тотъ судитца перед Спасомъ, а ния Истоте Ороль да дѣти его Иоаннъ да Мпхаила и все на нихъ написалъ... Очевидно, что завѣщаніе М. Ѳ. Сычева, по которому это евангеліе должно было постуиить изъ Свѣнскаго монастыря (нынѣ въ орловской губ.) въ Кіево-Печерскій монастырь, не было исполнено; впрочемъ, можетъ быть, оно попало въ Пропоискъ въ руки черкасѣ, т. е. козаковъ, уже изъ Печерскаго монастыря. Но недолго оно оставалось и въ Стародубѣ. На лист. 119—121 читаемъ слѣдующую надпись, написанную красивымъ почеркомъ: «Сие евангеліе оправилъ срѣбромъ булатномъ (?) коношевичъ козакъ войска запорозкаго за отпушеніе грѣховъ своихъ и за отца своего коноша (коношъ— историческое имя Конона) и за мать свою полагаю до храму прстои Бдцы Чигиринской». Упоминаемый въ записи козакъ Коношевъ, безъ сомнѣнія, есть извѣстный гетманъ Петръ Коношевичъ Сагайдачный, получившій образованіе въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, защитникъ православія и ктиторъ Богоявленскаго монастыря, пожертвовавшій много тысячъ на Богоявленскій храмъ и на содержаніе братской школы, ставшей впоследствии духовною академіею. По словамъ М. Максимовича, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 10 апрѣля 1622 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, гетманъ Коношевичъ сдѣлалъ богатые вклады въ пользу кіевского братства, львовскаго и друг. церквей и монастырей. Вѣроятно, тогда имъ пожертвовано въ чигиринскую церковь и это евангеліе, прибрѣтенное имъ во время многочисленныхъ походовъ въ числѣ прочей военной добычи. Судя по красивому почерку этой записи, можно думать, что ее сдѣлалъ самъ гетманъ, получившій хорошее образованіе. Изъ Чигирина евангеліе было передано въ XVIII в., какъ вычитается изъ позднѣйшей надписи, «капитаномъ отъ

кавалеріи петербургскаго полку Иваномъ сномъ Борѣтинскимъ въ (неизвѣстно какую) церковь прѣстоу Бѣды, а затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ церковь с. Карачарова муромскаго у. владим. губ. и отсюда уже въ церковно-историческое древнехранилище Александро-Невскаго братства.

Думается, что въ «Конашевичѣ, козаки войска запорожскаго» видѣть гетмана Сагайдачнаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ козаковъ Конашевичей (Конашъ=Кононъ) было, конечно, немало; еслибы упомянутый здѣсь Конашевичъ былъ гетманъ, то, конечно, онъ не упустилъ бы указать на свое общественное положеніе и въ надписи.—Но если приведенная догадка г. Г—скаго не представляетъ вѣроятія, то за то приведенная имъ надпись 1582 г. заключаетъ въ себѣ интересное свѣдѣніе о существованіи въ Стародубѣ, въ к. XVI в., монастыря. До сихъ поръ свѣдѣній о существованіи въ Стародубѣ какого бы то ни было монастыря не было и приведенная надпись вдовы Истомы Уколова заключаетъ въ себѣ совершенно новое свидѣтельство—о существованіи въ Стародубѣ, на посадѣ, въ к. XVI в., монастыря пресв. Богородицы.

Число крестьянских дворовъ, находившихся во владѣннн козацкой старшины въ половинѣ XVIII в.

(ДОКУМЕНТЪ 1743 г.).

Въ августѣ 1743 г., въ дневникѣ Марковича записано: «присланъ изъ С. Петербурга въ Глуховъ нарочный съ извѣстiемъ о мирѣ съ шведами, Игнатъ Кпр. Полтавцевъ, гофъ-фурьеръ, который послѣ по всѣмъ полкамъ малороссiйскимъ ѣздилъ съ публикацiею о мирѣ». (II, 195). За это извѣстiе малороссiйская старшина поднесла Полтавцеву «въ презентъ», тысячу рублей, которые взяты были заимообразно изъ войскового скарба, причемъ для пополненiя этого долга произведено было «расположенiе» взятыхъ денегъ на всю старшину по числу находившихся у послѣдней во владѣннн крестьянскихъ дворовъ и «колъ» водяныхъ мельницъ. По этому случаю и собраны были свѣдѣнiя—сколько у кого изъ старшины имѣлось въ это время крестьянскихъ дворовъ и мельничныхъ «колъ». Свѣдѣнiя эти представляютъ очень интересный материалъ для исторiи малорусскаго крестьянства, показывая какое количество послѣдняго успѣла подчинить себѣ козацкая старшина къ половинѣ XVIII в. Въ этой общей цифрѣ старшинскихъ крестьянъ заключаются какъ старинные крестьяне, жившiе въ полученныхъ старшиною отъ гетмановъ маестностяхъ, такъ и крестьяне, посаженные ею на «скуплѣ». Какъ извѣстно, старшина, встрѣтивъ сопротивленiе въ подчиненнн со стороны посольства, изстари жившаго въ пожалованныхъ маестностяхъ, измыслила особый путь къ установленiю своего господства надъ крестьянами: она стала селить бродившихъ по Малороссiи безземельныхъ крестьянъ на купленныхъ земляхъ («скуплѣ»), рассчитывая, что поставленному въ такую обстановку крестьянину придется волея-неволея признать надъ собою полное господство собственника занатоу имъ земли... Этнхъ крестьянъ

старшина пожелала было закрѣпить себя и юридическими актами.. Первое ходатайство старшины объ установленіи юридическаго господства надъ этими крестьянами, заявлено было, сколько намъ извѣстно, въ гетманство Апостола. По этому предмету мы имѣемъ въ высшей степени интересное свидѣтельство самого гетмана Апостола. Когда старшина обратилась къ нему съ ходатайствомъ—о выдачѣ универсаловъ на крестьянъ, поселенныхъ на скупленныхъ (преимущественно у козаковъ) земляхъ, то въ генеральной канцеляріи родился вопросъ: «якъ въ универсалахъ докладывать о подданныхъ, осѣдлыхъ на купленныхъ грунтахъ владѣльческихъ?». Вопросъ былъ настолько важенъ, что Апостолъ собственноручно написалъ на него отвѣтъ (8-го октября, 1728 г.) въ журналѣ (діаріушѣ) генеральной канцеляріи. Ствѣтъ былъ слѣдующій: *«тихъ людей, о которыхъ просятъ п. владѣльцъ, якие на ихъ купленныхъ осѣдаютъ и осѣли грунтахъ, не мають онихъ въ свою привлекать вѣчность, но по долгу правъ и волностей того народа, поки живутъ, могутъ отдавати повинность, службы своей добровольне, а не невольне, якъ своимъ владѣльцямъ, такъ и посполитимъ отчизни повинностямъ»*¹⁾. Эта замѣчательная резолюція, бросающая извѣстный свѣтъ и на личность ея автора, была уничтожена, какъ извѣстно, съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г.

Приводимый здѣсь документъ найденъ нами въ архивѣ генеральной канцеляріи, когда онъ находился въ Черниговѣ, и печатается безъ всякихъ сокращеній. Для удобства справокъ объ именахъ владѣльческой старшины, къ документу прибавленъ алфавитный указатель всѣхъ перечисленныхъ въ немъ фамилій; цифры, при фамиліяхъ указываютъ номера ихъ по порядку.

Расположеніе о взятыхъ зъ скарбу войскового взайми тысячи рублей денегъ и даннихъ въ презентъ, присланному отъ высочайшого ея императорскаго величества двору оберъ-каморъ-фурьеру Полтавцову. 1744 г., августа 5 дня.

Настоящая генеральная старшина.

Дворъ. Кола.

1. Обозній войсковій енералній г. Лизогубъ .	368	35
2. Судія енералній г. Горленко .	232	20
3. Судія енералній г. Лисенко .	415	18

¹⁾ „Діаріушъ или щоденная записка всѣхъ дѣлъ въ енеральной войсковой канцеляріи за бытія правленія имѣющаго, отъ начала 1727. году начавшійся“.

	Добр.	Кол.
4. Подскарбій енералній г. Скоропадскій	405	18
5. Писарь енералній г. Безбородко	252	2
6. Асауль енералній г. Якубовичь	159	2
7. Асауль енералній г. Валкевичь	239	2
8. Хоружій енералній г. Ханенко	202	2
9. Бунчучній енералній г. Оболонскій	65	3

Добр. Кол.

1322

Абшитованная енералная старшина.

10. Судія г. Заб'їла	154	5
11. Подскарбій г. Марковичь	250	32
12. Писарь суда енералного П'їковець	175	5

Енералной войсковой артилерии настоящая старшина.

13. Асауль Семень Карп'їва зь братомь Стефаномь	6	5
14. Хоружий Александерь Шишкевичь	4	—
15. Атамань Іосифь Максимовичь	—	—
16. Шафарь Ефимь Филоновь	—	—

Полковники, полковая и сотенная абшитованная старшина.

17. Полковникь прилудкый г. Галагань	377	12
18. Обозный полку черн'їговского Сахновскій	122	3
19. Обозный полку к'їевского Ханенко	95	—
20. Обозный полку лубенского Мартось зь синомь	71	3
21. Обозный полку гадацького Борзаковскій зь пле- менникомь	34	5
22. Обозный полку н'їжинского Величковскій	25	4
23. Судія полку гадацького Штишевскій	25	3
24. Судія полку черн'їговского Холодовичь	16	2
25. Асауль полковмй лубенский Слюзъ	58	5
26. Асауль полковий прилудкій Мовчань	45	6
27. Асауль полку стародубского Якимовичь	15	—
28. Писарь полку н'їжинского Кушничь	13	6

1906.125

Зд'їсь значитьс: „сего октовріа 8 числа (1728 г.) собственною его ясневелможности
рукою нижепсл'їдующее—азъ въ ун'їверсалахъ докладать о подданныхъ ос'їдлыхъ
на купленннхъ грунтахъ влад'їльческихъ, написано тако:“ (сл'їдуетъ приведе-
на резолюція).

	Львѣв. Кола.	
29. Писарь полку лубенского Савицкій	25	4
30. Писарь полку миргородского Воловачъ зъ синомъ.	—	9
31. Хоружий полковий гадацький Кушевскій	13	3
32. Сотникъ сребранскій Троцькѣна	131	6
33. Сотникъ ирлѣвскій Славуй Требинскій	112	4
34. Сотникъ ичанскій Стороженко зъ синами.	99	19
35. Сотникъ глинскій Жуковский.	58	14
36. Сотникъ Евстратій Гулакъ.	15	—
37. Сотникъ миргородскій Павелко	84	3
38. Сотникъ Василь Юхименко.	15	—

552/62

Бунчуковіе и войсковіе товарищи.

39. Стефанъ Лазаревичъ	13	3
40. Василь Рослявецъ.	22	3
41. Михайло Голембовскій	5	—
42. Иванъ Тарнавіотъ	—	—
43. Григорій Скоруппа зъ синами	59	7
44. Данило Карпѣвѣа зъ синами	11	2
45. Василь Лазаревичъ	31	4
46. Иванъ Себестяновичъ	88	7
47. Григорій Максимовичъ	6	4
48. Михайло Домонтовичъ	41	4
49. Николай Бороздна ключовскій	35	6
50. Стефанъ Максимовичъ	9	4
51. Иванъ Забѣла обтовскій	139	4
52. Иванъ Новѣцкій	184	9
53. Федоръ Савичъ	187	13
54. Афанасій Покорскій зъ синами	32	4
55. Демянъ Бутовичъ	57	9
56. Григорій Плѣшко	19	8
57. Василь Мовчанъ	—	2

Бунчуковскіе товарищи.

Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.

58. Яковъ Жураховскій	81	12
59. Иванъ Пѣроцкій	105	17

Дворъ. Кол.

60. Іванъ Троцкій	19	4
61. Іванъ Омеляновичъ	9	3
62. Федоръ Костенецкій	28	1
63. Данило Кандиба	74	12
64. Григорій Александровичъ	4	2
65. Григорій Шрамченко	17	1
66. Данило Забѣла ревутинскій	8	5
67. Яковъ Марковичъ	96	16
68. Яковъ Карпѣка	—	—
69. Федоръ Чуйкевичъ	14	2
70. Стефанъ Миклашевскій	90	13
71. Василь Жураковскій, Андреевъ синъ	66	5
72. Іванъ Миклашевскій	39	—
73. Іванъ Туранскій	15	2
74. Евстафій Тарасевичъ	14	4
75. Стефанъ Бутовичъ	103	9
76. Маіоръ Банѣвъ	22	1
77. Іванъ Савичъ	51	2
78. Іванъ Костенецкій	26	2

698

Въ полку лубенскомъ жительствующие.

79. Василь Савичъ	20	—
80. Петро Кулябка	116	21
81. Петро Петровичъ Кулябка	19	—
82. Іосифъ Гамалѣя	25	—
83. Федоръ Гамалѣя	40	—
84. Якимъ Троцкій	44	20
85. Семень Чуйкевичъ	41	1
86. Стефанъ Милорадовичъ	63	4
87. Іванъ Михайловъ Гамалѣя	21	—
88. Алексѣй Свѣчка	24	11
89. Михайло Андрияшевичъ	48	1
90. Александеръ Гамалѣя	17	—
91. Петро Савичъ	30	3
92. Федоръ Кулябка	—	3

	Дворѣ.	Кола.
93. Зъ дому бунчукового тсварипа Федора Заборов- скаго	58	9
94. Еремѣй Корсунъ	76	9
95. Антонъ Григоровичъ	—	—
<i>Въ помѣ старолюбовскомъ жительствовающе.</i>		
96. Зъ дому іллирическихъ графовъ Владиславичовъ.	520	15
97. Петро Искрицкій	47	2
98. Иванъ Чернолуцкій	9	2
99. Петро Борозна	15	1
100. Николай Борозна лоназійскій ¹⁾	27	1
101. Григорій Гамалѣя	23	—
102. Григорій Борозна	32	3
103. Михайло Борозна	30	1
104. Павелъ Дублянскій зъ синомъ	17	2
105. Василь Гудовичъ	278	9
106. Михайло и Василь Корсаки	513	15
107. Иванъ Слубановскій	14	—
108. Федоръ Корецкій	30	1
109. Александръ Корецкій	58	1
110. Лаврентій Борозна	19	2
111. Михайло Платовичъ	14	2
112. Иванъ Борозна медведовскій	83	8
113. Иванъ Гамалѣя юдиновскій	115	2
114. Иванъ и Василь Кутневскіе	39	—
115. Федоръ Ширай	203	11
116. Андрей Миклашевскій	208	10
117. Демянъ Рубецъ	44	—
118. Петро Чернолуцкій	24	2
119. Владимиръ Романовскій	30	—
120. Максимъ Турковскій	139	4
121. Василь Завадовскій зъ синомъ	53	1
122. Зъ дому Івана Турковского	42	19

2640/12

¹⁾ Изъ с. Лоназим, мѣшчанскаго уѣзда.

	Дворъ.	Колъ.
123. Василь Березовскій	30	—
124. Зъ дому умершого бунчукового товариша Жу- равки, что нынѣ за капитаномъ Ланкомъ	202	10
125. Григорій Силевичъ	37	4
126. Василь Романовичъ	12	—

Въ полку черныговскомъ живущіе.

127. Иванъ Скоропадскій	84	4
128. Тимофѣй Скоропадскій	26	3
129. Зъ дому Стефана Шуби	23	10
130. Зъ дому Ивана Тополяцкаго	5	4
131. Павелъ Ломиковскій	20	6
132. Василь Дорошенко возляницкой	29	4
133. Федоръ Лисенко	5	—
134. Андрей Полуботокъ зъ племянникомъ	1269	36
135. Зъ дому Андрея Дунѣна-Борковского	382	36
136. Андрей Стаховичъ	86	17
137. Владимиръ Полонѣцкій	37	2
138. Матвѣй Линеичъ	1	2
139. Иванъ Сангурскій	20	2
140. Григорій Стаховичъ	35	2
141. Иванъ и Михайло Долѣнскіи	23	3
142. Яковъ, Дмитрій, Тимофѣй и Романъ Затирке- вичи зъ маткою	34	6
143. Иванъ Лизогубъ	88	6
144. Григорій Лизогубъ	102	3
145. Симонъ Лизогубъ	130	4
146. Василь Лизогубъ	286	15
147. Костантій Лизогубъ	127	6
148. Иосифъ Рашевскій зъ братомъ	11	2
149. Иванъ Рашевскій	2	1
150. Василь Крачевскій	6	—
151. Иванъ и Павелъ Мокрѣвичи	21	2

Въ полку прилуцкомъ живущіе.

152. Андрей Ласчинскій	14	—
153. Николай Трощкій	16	6

	Дворъ.	Колъ.
154. Антонъ Милорадовичъ	15	5
155. Максимъ Антоновичъ	16	—
156. Петро Горленко	19	—
157. Данило Тернавскій зъ братомъ	27	5
158. Андрей Андреевъ Горленко зъ отцемъ.	186	20
159. Димитій, Михаило, Василь и Андрей Маркевичи.	41	2
160. Яковъ Тарнавскій	76	3
161. Яковъ Огроновичъ.	—	4
162. Михайло Стороженко.	62	—
163. Стефанъ Тарновскій	28	—

Въ полку кievскомъ жительствоующіе.

164. Иванъ Тернавиотъ	—	—
165. Федоръ Солонина	7	1
166. Семень Солонина	6	—
167. Юсифъ Солонина	16	—
168. Григорій Солонина	17	1
169. Зъ дому Петра Солонини	10	—
170. Яковъ Шаула	15	—
171. Семень Шаула	—	1
172. Яковъ и Антонъ Борсуки	12	3
173. Иванъ Ханенко	8	—

Въ полку переясловскомъ жительствоующіе.

174. Иванъ Берло	12	4
175. Андрей Дмитрашко	38	6
176. Стефанъ Томара	142	12
177. Иванъ Юсифовъ.	15	—
178. Григорій Иваненко.	171	—
179. Димитрій Прохоровичъ	6	—

Въ полку миргородскомъ жительствоующіе.

180. Зъ дому Павла Ивановича Апостола.	518	8
181. Иванъ Остроградскій	57	—

Дворян. Кола.

Въ полку гадякомъ жительствоюще.

- 182. Федоръ Потребичъ-Гречаній 72 14
- 183. Иванъ Чорнишъ 92 15
- 184. Иванъ Яновскій — —
- 185. Иванъ и Владимиръ Велецкіе 49 —
- 186. Зъ дому Романа Бороховича, что нинѣ за Еракиномъ 185 15

Въ полку полтавскомъ жительствоюще.

- 187. Зъ дому полковника полтавскаго Кочубея 1193 45
- 188. Зъ дому бунчукового товарища Григорія Черняка 222 —
- 189. Григорій Чуйкевичъ 13 —
- 190. Петръ Павловскій 47 —

Войсковіе товарищи.

Въ полку нѣжинскомъ жительствоюще.

- 191. Андрей Гонзеровскій 271 22
- 192. Костантій Островскій — 2
- 193. Василь Трофимовичъ — 6
- 194. Григорій Козловскій — 1
- 195. Романъ Яновъ 19 11
- 196. Федоръ Козловскій — 1
- 197. Петро Темранскій 2 —
- 198. Стефанъ Гацукъ —
- 199. Шликевичъ 2 —
- 200. Василь Купчинскій 2 —
- 201. Симонъ Нарбутъ — —
- 202. Сава Зенченко —
- 203. Иванъ Пуховичъ —
- 204. Иванъ Демяновичъ 4 2
- 205. Дмитрій Стожео —

Въ полку лубенскомъ жительствоюще.

- 206. Григорій Ласкевичъ 8
- 207. Максимъ Жуковскій 2
- 208. Данило Савойско —

829/114.

Дворъ. Коза.

209. Дмитро Костирка	—	—
210. Конрадъ Карнака	—	—
211. Матвій Лишай	—	—
212. Гаврило Григорієвъ	—	—
213. Василь Звиногородскій	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствоюще.

214. Кърило Лукашевичъ	15	1
215. Іванъ Косовичъ	—	2
216. Павелъ Фвляковскій	—	2
217. Федоръ Чернецкій	5	—

Въ полку черныловскомъ жительствоюще.

218. Яковъ Оболонскій	50	1
219. Николай Соколовскій	50	3
220. Петро Войцеховичъ	41	3
221. Михайло Полонецкій	35	—
222. Василь Полонецкій	24	—
223. Мойсѣй Лѣневичъ	—	—

Въ полку прилуцкомъ жительствоюще.

224. Семень Бвлявскій	—	1
225. Райпольскій	—	—
226. Федоръ Македонскій	—	—
227. Василь Шпурко	—	—
228. Стефанъ Прокоповичъ	—	—

Въ полку кievскомъ жительствоюще.

229. Никита Мандрика	13	—
230. Алексѣй Прутченко	6	—
231. Павелъ Тишкевичъ	—	—

Въ полку перяславскомъ жительствоюще.

232. Андрей Грабовіецкій	13	—
233. Семень Копцевичъ съ маткой	21	11
234. Сава Терлецкій	—	—
235. Петро Стефановъ	1	2

Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.

182. Федоръ Потребичъ-Гречанинъ	72	14
183. Иванъ Чорнишъ	92	15
184. Иванъ Яновскій	—	—
185. Иванъ и Владимиръ Велецкіе	49	—
186. Въ дому Романа Бороховича, что нинѣ за Брац- киномъ	185	15

Въ полку полтавскомъ жительствующіе.

187. Въ дому полковника полтавскаго Кочубея	1193	45
188. Въ дому бунчукового товарища Григорія Черняка	222	—
189. Григорій Чуйкевичъ	13	—
190. Петръ Павловскій	47	—

*Войсковіе товарищи.**Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.*

191. Андрей Гонзеровскій	271	22
192. Костантій Островскій	—	2
193. Василь Трофимовичъ	—	6
194. Григолій Козловскій	—	1
195. Романъ Яновъ	19	11
196. Федоръ Козловскій	—	1
197. Петро Темранскій	2	—
198. Стефанъ Гацукъ	—	—
199. Шликевичъ	2	—
200. Василь Купчинскій	2	—
201. Симонъ Нарбутъ	—	—
202. Сава Зенченко	—	—
203. Иванъ Пуховичъ	—	—
204. Иванъ Демяновичъ	4	2
205. Дмитрій Стожео	—	—

Въ полку лубенскомъ жительствующіе.

206. Григорій Ласкевичъ	—	8
207. Максимъ Жуковскій	—	2
208. Данило Савойско	—	—

209. Дмитро Костирка	—	—
210. Кондрадь Карнака	—	—
211. Матвій Липай	—	—
212. Гаврило Григорієвъ	—	—
213. Василь Звиногородскій	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствоюще.

214. Кирило Лукашевичъ	15	1
215. Іванъ Косовичъ	—	2
216. Павелъ Фвляковскій	—	2
217. Федоръ Чернецкій	5	—

Въ полку черныовскомъ жительствоюще.

218. Яковъ Оболонскій	50	1
219. Николай Соколовскій	50	3
220. Петро Войцеховичъ	41	3
221. Михайло Полонецкій	35	—
222. Василь Полонецкій	24	—
223. Мойсѣй Лѣневичъ	—	—

Въ полку прилукомъ жительствоюще.

224. Семень Бѣлявскій	—	1
225. Райпольскій	—	—
226. Федоръ Македонскій	—	—
227. Василь Шнурко	—	—
228. Стефанъ Прокоповичъ	—	—

Въ полку кievскомъ жительствоюще.

229. Никита Мандрика	13	—
230. Алексѣй Прутченко	6	—
231. Павелъ Тишкевичъ	—	—

Въ полку перяславскомъ жительствоюще.

232. Андрей Грабовіецкій	13	—
233. Семень Концевичъ съ маткой	21	11
234. Сава Терлецкій	—	—
235. Петро Стефановъ	1	2

Дворъ. Кола.

Въ полку миргородскомъ жительствоюще.

236. Яковъ Зарудній 14 5
237. Данило и Михайло Лазаревичи

Въ полку гадячкомъ жительствоюще.

238. Иванъ Грабянка 43 4
239. Иванъ Кирста

Въ полку полтавскомъ жительствоюще.

240. Данило Лаврентьевъ
241. Димитрій Левенець 12
242. Лука Старицкій 5

*Знатніе одовы.**Въ полку нѣжинскомъ жительствоюще.*

243. Стефанова Забѣлина 19 6
244. Дарія Діаковская зъ синами 14 2
245. Сотникова Манковская 5 2
246. Сотникова Уманцева 21 1
247. Матвѣва Жураковская 9 3
248. Дорофіевичева 20 10
249. Тарасина Забѣла 14

Къ полку лубенскомъ жительствоюще.

250. Яковлева Новѣцкая 64 10
251. Судіина Тетіана Максимовичова 52 —
252. Стефанова Гамалѣина съ синами 30 —
253. Судіина Андреева Жуковская 9 4
254. Ирина Петровна Жуковская 14 3
255. Сотникова Ласкевичова зъ синами 41 8

Въ полку стародубовскомъ жительствоюще.

256. Судіина Борозднина зъ синами 61 8
257. Іванова Миглашевская зъ синомъ 94 7
258. Семеновъ Соболевская съ синомъ Василемъ 29 2
259. Немровичова Данченкова 36 2

	Дворъ.	Колл.
260. Михайлова Рубцева	34	—
261. Обозная Есимонтовская зъ синомъ	47	8
262. Григоріева Гамалѣйна	100	4
263. Бунчучная енералная Галецкая	95	7
264. Зъ дому Алексѣя Есимонтовского	120	10

Въ полку черниговскомъ жительствоующіе.

265. Тимофѣйна Булавкина	53	—
266. Василюва Каневская	68	1
267. Петрова Войцеховичова зъ синами	51	—
268. Петрова Бутовичова зъ синами	18	2
269. Стефанова Войцеховичова	14	—
270. Павлова Полуботкова, полковница	53	2
271. Зъ дому Савичовъ кудровскихъ	46	—
272. Судіина Мокріевичова	20	—
273. Судіина Марія Яциничовна	34	—
274. Зъ дому Петра Сахновскаго	56	—

Въ полку прилуцкомъ жительствоующіе.

275. Судіина Иванова Марковичова	54	13
276. Федорова Маркевичова, что нынѣ за Сакевичомъ.	40	16
277. Сотничка варвинская Себастіановичева	26	14
278. Раковичова зъ синомъ	166	16

Въ полку кievскомъ жительствоующіе.

279. Кирилха Солонинова	1	1
-------------------------	---	---

Въ полку переяславскомъ жительствоующіе.

280. Петрова Дмитрашкина	30	—
281. Василюва Танска	—	—
282. Иванова Сулимина	31	2
283. Зъ дому Стефана Сулими	7	1
284. Евдокія Генриха (?)	7	—

Въ полку митроподскомъ жительствоующіе.

285. Полкоеникова Павлова Апостолова	52	22
286. Татіана Ломиковская зъ синомъ Петромъ.	77	6
287. Обозная Родзянчина	96	17

Добръ. Кола.

Въ полку гадякомъ жительствоюще.

289. Полковница Милорадовичова зъ синомъ Николаемъ	56	15
290. Стефанида Велецкая	97	11
291. Андреева Трощинская	11	4
292. Арсеніева Бугаевская	—	—
293. Анна Рощаговская	27	7
294. Сотничка ополчанская Корицкая	28	—

Въ полку полтавскомъ жительствоюще.

295. Полковница Чернякова	41	3
296. Сотникова Левенцова зъ синомъ Федоромъ	48	—
297. Писарева полковая Григоріева Богаевская	63	—
298. Сотникова Тройницкая	45	—
299. Сотникова Кованчина	33	—

Полковники охочокомони.

300. Василь Часникъ	51	4
301. Игнатъ Часникъ	19	2
302. Григорій Павловъ	16	—

Войсковіе канцеляристы.

303. Старшій войсковій канцеляристъ Матвѣй Холодовичъ.	24	—
304. Матвѣй Сулима	55	—
305. Василь Куляба	137	2
306. Федоръ Мануйловичъ	62	3
307. Яковъ Чорнишъ	92	15
308. Василь Силичъ	13	—

Сотнички вакансовіе.

309. Иванъ Жуковскій	3	—
310. Павелъ Жуковскій	4	14
311. Александръ Пилатовичъ	10	1
312. Иванъ Чернякъ	18	—
313. Андрей Войцеховичъ	23	4
314. Петро Карповичъ	8	—

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ ¹⁾.

Александровичи—64. Андрѣяшевичи—89. Антоновичи—155. Апостолы—180, 285. Ванины—76. Безбородки—5. Березовскіе—124. Берлы—174. Борзаковскіе—21. Бороздны—49, 99, 100, 102, 103, 110, 112, 256. Бороховичи—186. Борсуки—172. Бугаевскіе—292, 297. Булавкины—264. Бутовичи—55, 75, 268. Бѣлавскіе—224. Валєсвичи—7. Велецкіе—185, 290. Величковскіе—22. Владиславичи • гр.—96. Войцеховичи—220, 267, 269, 313. Воловачи—30. Галаганы—17. Галецкіе—263. Гамалѣи—82, 83, 87, 90, 101, 113, 252, 262. Гацуки—198. Генрихи(?)—284. Галембовскіе—41. Гонзеровскіе—191. Горленки—2, 156, 158. Грабовецкіе—232.—Грабянки—238. Григорьевы—212. Григоровичи—95. Гудовичи—105. Гулаки—36. Демьяновичи—204. Дмитрашки—175, 280. Долинскіе—141. Домонтовичи—48. Дорошенки—132. Дорофьевичи—248. Дублянскіе—104. Дунины - Борковскіе—135. Дьяковскіе—244. Есимонтовскіе—261, 264. Жуковскіе—35, 207, 253, 254, 309, 310. Журавки—125. Жураковскіе—58, 71, 247. Заборовскіе—93. Забѣлы 10, 51, 66, 243, 249. Завадовскіе—121. Зарудные—236. Затыркевичи—142. Звиногорскіе—213. Зенченки—202. Иваненки—178. Искрицкіе—97. Иосифовы—177. Кандибы—63. Каневскіе—265. Карнака—210. Карпѣки—13, 44, 68. Карповичи—314. Кирсты—239. Кованьки—299. Козловскіе—194, 196. Копцевичи—233. Корецкіе—108, 109. Корицкіе—294. Корсаки—106. Корсуны—94. Косовичи—215. Костирки—209. Костенецкіе—62, 78. Кочубеи—187. Крачевскіе—150. Кулябки—80, 81, 92, 305. Купчинекіе—200. Кутневскіе—114. Кушевскіе—31. Кущичи—28. Даврентьевы—240. Лазаревичи—39, 45, 237.

¹⁾ Цифры указываютъ №№ по порядку.

Ласкевичи—206, 255. Ласчинські—152. Левенці—241, 296. Лизогуби—1, 143, 147. Линевичи—138, 223. Липай—211. Лисенки—3, 133. Ломиковські—131, 286. Лукашевичи—214. Македонські—226. Максимовичи—15, 47, 50, 351. Мандрыки—229. Манковські—247. Мануйловичи—306. Маркевичи—11, 67, 159, 275, 276. Мартосы—20. Миклашевські—70, 72, 116, 257. Милорадовичи—86, 154, 289. Мовчаны—26, 57. Мокрієвичи—151, 272. Нарбуты—201. Немировичи-Данченки—259. Новицкіє—52, 250. Оболонські—9, 218. Огроновичи—161. Омельяновичи—61. Остроградські—181. Островські—192. Павелки—37. Павловські—190. Павловы—302. Пилатовичи—111, 311. Пиковцы—12. Пироцкіє—59. Пльшко—56. Покорські—54. Полонєцкіє—137, 221, 222. Полуботки—134, 270. Потребичи-Гречаные—182. Прокоповичи—228. Прохоровичи—179. Прутченки—230. Пуховичи—203. Райпольські—225. Раковичи—278. Рашевські—148, 149. Романовичи—126. Романовські—119. Родзянки—287. Рославцы—40. Роцаковські—293. Рубцы—117, 260. Савойско—208. Савицкіє—29. Савичи—53, 77, 79, 91, 271. Санурські—139. Сахновські—18, 274. Свѣчки—88. Себестьяновичи—46, 277. Силевичи—123. Силічи—308. Скоропадські—4, 127, 128. Скоруппы—43. Славуй-Требинські—33. Случановські—107. Слюзы—25. Соболевські—258. Соколовські—219. Солонины—165, 169, 273. Старицкіє—242. Стаховичи—136, 140. Стефановы—235. Стожко—205. Стороженки—34, 162. Сулимы—282, 283, 304. Танські—281. Тарасевичи—74. Тарнавіоты—42, 164. Тарнавські—157, 160, 163. Темранські—198. Терлецкіє—234. Тпшкевичи—231. Томары—176. Топольницькіє—130. Тройницкіє—297. Трофимовичи—193. Троицины—32. Троицкіє—60, 84, 153. Троишинські—291. Туранські—73. Турковські—120, 122. Уманцы—246. Филоновы—16. Філковські—216. Жапєнки—8, 19, 173. Холодовичи—24, 303.

Чарнолуцкіе—98, 118. Чарнецкіе—217. Чарцыпи—183, 307.
 Черняки—188, 295, 312. Чесноки—300, 301. Чуйкевичи—69,
 84, 189. Шаузы—170, 171. Шираи—115. Шинкевичи—14.
 Шликевичи—199. Шнурки—227. Шрамченки—65. Штишер-
 скіе—23. Шубы—129. Юхименки—38. Якимовичи—27. Якубо-
 вичи—6. Яновскіе—184. Яновы—195. Циничи—273.

Распределительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями.

Двумя актами 1800 г. гр. К. Г. Разумовскій распредѣлялъ всѣ свои имѣнія между шестью своими сыновьями, Андреемъ, Алексѣемъ, Петромъ, Львомъ, Григоріемъ и Иваномъ, и при этомъ перечислялъ всѣ свои имѣнія. Несмотря на то, что въ этихъ актахъ перечислены одни только малороссійскіе имѣнія, мы видимъ—какіе огромныя богатства передавалъ своимъ сыновьямъ бывшій гетманъ. Но не прошло и столѣтія, какъ отъ этихъ богатствъ у наслѣдниковъ гетмана не осталось и четвертой доли. А гдѣ тѣ «дипломы, грамоты рескрипты, указы», о которыхъ говорится въ этихъ актахъ?—По видимому, и они уже не существуютъ... По крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не говоритъ авторъ книги о «Семействѣ Разумовскихъ», въ которой подробно рассказана исторія такъ быстро возвеличившейся и такъ быстро исчезнувшей семьи Разумовскихъ... Записанный въ книги «земскаго повѣтоваго конотонскаго суда» юридическій актъ остается единственнымъ намятникомъ былыхъ богатствъ послѣдняго гетмана...

Тысяча восьмисотого года, апреля первого дня. Я нижеподписавшійся, симъ моимъ добровольнымъ, вѣчнымъ уступнымъ записомъ, всѣмъ кому о томъ вѣдать подлежитъ, объявляю: что имѣю малороссійскихъ моихъ недвижимыхъ имѣній, Ронскую волость, состоящую въ повѣтахъ Стародубскомъ и Новгородско-сѣверскомъ, въ пяти тысячахъ девяти стахъ тринадцати душахъ крестьянъ мужеска пола, по послѣдней ревизіи за мною показанныхъ, съ ихъ семействами, и со всѣмъ и всякимъ имуществомъ, какъ то: мѣстечко Ронскъ, села: Хорошное, Хотѣевку, Карловичи, Тимоновичи, Бровничи, Соловьевку, Крапивное, Старый Ронскъ, Сачковичи, Могилевцы, Лобановку, Буду, и деревни: Барановку, она жъ и заводъ Могилецкій, Орляковку, слободу Влѣшню, да хутора: Кприловской, и Хандабовковской, онъ же и

заводъ Приборской, со всѣми землями, лѣсами, угодили, къ тѣмъ мѣстечку, селамъ, деревнямъ, хуторамъ и заводамъ принадлежащими, водяные мельницы, вынокуренные и всякаго другаго рода заводы, и хуторныя всѣ строенія со всею движимою наличностію, тамъ имѣющиеся, не исключая изъ того и малѣйше чего либо, что къ той Ропской волости принадлежало, принадлежитъ и чемъ я владѣлъ и мѣдѣю, но все безъ изытія (кромѣ одного токмо села Рыкова, которое по отдѣленіи, давно уже состоитъ подъ распоряженіемъ Шештановской волости моею) уступаю и записываю во вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кириловичу Разумовскому, съ тѣмъ однакожь, чтобъ доходы съ той Ропской волости собираемыя, получать мнѣ по смерти моею. По смерти жъ моею, оной сынъ мой графъ Андрей, имѣть будетъ право, по сему моему уступному запису, собирая тѣ доходы употреблять на себя, по волѣ и мысли своей, какъ его собственное вѣчно и потомственно ему принадлежащее. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ, съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ генералъ фельтмаршалъ графъ Кирила Разумовскій.

(М. П.)

На семъ вѣчистомъ уступномъ записѣ по самоличному прошенію господина генералъ фельдмаршала и кавалера Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей нашихъ подписались: вице-канцлеръ дѣйствительной тайной совѣтникъ, дѣйствительній камергеръ и канцлеръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.). Оберъ-шенкъ и канцлеръ Николай Загряжской. (м. п.). Генералъ мѣюръ и канцлеръ Михайло Гудовичъ. (м. п.) 1800 года, апрѣля 13 дня, сей вѣчистій уступній записъ отъ его сіятельства господина генералъ фельдмаршала и разныхъ орденовъ канцлера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотонскій судъ, съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда, какъ о добровольномъ его сіятельства соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кириловичу Разумовскому во вѣчное и потомственное владѣніе прописанной въ ономъ Ропской волости, такъ и о немогущесткѣ его за болѣзнію представить оного запису лично въ земскій повѣта конотонскаго судъ, и что повѣрнетъ онъ предъявить сей записъ ко вписанію въ земскія вѣчистія книги, провинціальному секретарю Мойсею Мар-

кову сыну Ахматову, уполномочиваю къ тому его особинъ вѣрующимъ листомъ. Нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отлученіи, должности своей въ повѣтъ ему вѣренномъ въ мѣстечкѣ Батурадѣ, принявъ отъ упомянутого господина генераль-фельдмаршала и кавалера вышеозначенное добровольное сознаніе сего записи, свидѣтельствуеть какъ въ томъ, такъ и что оцъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправиться ради представленія того записи въ конотопскій повѣтовый судъ и при такомъ своемъ свидѣтельствѣ возвращаетъ оной объявленному Ахматову, для исполненія по данной ему довѣренности. Земскій комисаръ Данило Слѣбовскій. (м. п.). Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земского повѣтового конотопского суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальныи секретарь Мойсей Ахматовъ при вѣрующемъ отъкрытомъ листѣ отъ его сіятельства господина генераль-фельдмаршала, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ представлявалъ, съ прошеніемъ вписавъ оной записѣ въ земскіе сего повѣта книги, видать съ онаго на имя его сіятельства выписъ. И какъ сочинитель онаго записи его сіятельство господинъ генераль-фельдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Кириллъ Григоріевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о добровольномъ его соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кирилловичу Разумовскому ишѣнія, созналъ какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онымъ судомъ помѣты значится, для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписавъ оной записѣ въ семъ судѣ на настоящій годъ и будущаго книгу подъ № 32-мъ, на страницахъ 99, 100, 101 и 102, и съ сего помѣтою съ подписаномъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судыной и подсудковихъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятельству господину генераль-фельдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Кириллу Разумовскому, при вписѣ слѣдуемомъ по праву книги статуть, раздѣла 4 артикула 13, выданъ въ Конотопѣ, 1800 года, апреля 24 дни. Оную помѣту подписали: судыи земскій Никифоръ Федоровичъ. Подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ. (м. п.), (м. п.), (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій. Губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинныи записъ принялъ провинціальныи секретарь Мойсей Ахматовъ.

Тысяча восьмисотого году. мѣсяца апреля третьяго дня Да бѣдетъ извѣстно всикому, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что я ниже на семъ подписавшійся, будучи въ полномъ разумѣ и совершенной памяти; силъ моихъ добровольнымъ записомъ распредѣляю малороссійскія мои недвижимыя имѣнія на части дѣтямъ моимъ по нижеписанному: *на первую часть, сыну моему графу Алексию:* въ повѣтахъ мглинскомъ, стародубовскомъ и новгородско-сѣверскомъ состоящія три волости — поченовскую, баклинскую и шентаковскую (за исключеніемъ съ оныхъ на шестую часть селеній помѣяованныхъ ниже) да въ ириятинскомъ и пересловскомъ повѣтахъ: волость яготинскую, какъ она нынѣ есть со всѣми оныя волости составляющими селами, деревнями и хуторами, со всякими при нихъ заведеніями, фабриками, конными и скотными заводами и со всѣми вотчинными наличностями, и въ Москвѣ, домъ на Гороховомъ Полѣ Бахартовской. *На вторую часть, сыну моему графу Петру:* въ повѣтахъ козелецкомъ и ириятинскомъ: волость быковскую (за исключеніемъ на шестую часть — мѣстечка Басани, села Смоши и хутора Мочалинскаго) со всякими при оной волости заведеніями и со всѣми тамъ имѣющимися экономическими наличностями. *На третью часть, сыну моему графу Андрею:* отъ батуринской волости отдѣленные, въ конотопскомъ повѣтѣ селы Великій и Малый Самборы, Сарановку и Карабутовъ, находящіеся подъ вѣдѣніемъ кошарской моей экономіи. Въ конотопскомъ же и роменскомъ повѣтахъ: деревни Кошары и Юрьевку, селы Деповку и Рубанку, хутора Вельмасовскій и Семиничинъ, съ коннымъ при Кошарахъ заводомъ и со всякими по оной въ тѣхъ селлахъ и деревняхъ, заведеніями и наличностью. Для того столю сему сыну моему, что я предъ симъ записалъ уже ему особливимъ записомъ роменскую мою волость. Да ему же въ Санктпетербургѣ — загородный на Фонтанкѣ дворъ. *На четвертую часть, сыну моему графу Льву:* въ повѣтѣ полтавскомъ: волость карловскую, во всей ея нынѣшней цѣлости, съ принадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами съ коннымъ при ней заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію. Заднѣпровскіе дачи съ населенными на оныхъ двумя слободами: Кириловою и Розумовою. Отъ продажи гадяцкого замка оставшіеся въ гадяцкомъ и зѣнковскомъ повѣтахъ селы: Комыши, Павловку, Павловочку и деревню Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шановаловскимъ; да въ роменскомъ повѣтѣ

село Опанасовку съ коннымъ заводомъ и всякою экономическою наличностью; въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, дворнаго мѣста часть отдѣленная и отданная уже мною въ его распоряженіе, въ городѣ Ромнѣ домъ купленной и въ Херсонѣ мѣсто для дому. *На пятую часть сыну моему графу Гризорию:* въ повѣтахъ конотопскомъ и сосницкомъ состоящую волость Батуринскую (за исключеніемъ пзъ оной на третью часть селъ: Великаго и Малаго Самбуровъ, Сарановки, и Карабутова да находящихся подъ вѣдѣніемъ кошаровской экономіи деревень: Кошаръ и Юрьевки, селъ: Деитовки и Рубанки съ хуторами Бельмасовскимъ и Семьяничинымъ и на шестую часть селъ: Дмитровки, Рябухъ, Савинецъ и Воробьевки, со всѣми принадлежностями, всякого рода фабриками и заводами и со всякою экономическою наличностію, да въ новгородско-сѣверскомъ повѣтѣ состоящее село Рыково. *На шестую часть, сыну моему графу Ивану:* отъ Быковской волости отдѣленная мѣстечко Басань и село Сношъ и хуторъ Мочалицкій, состоящіе нынѣ подъ вѣдѣніемъ коннозаводской экономіи; въ роменскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ, селы: Андреевку, Андреяшовку, Ягановку и Ярошовку, хутора Герасимовскій, Графщанскій, и Миреновскій, отъ батуринской волости отдѣленные, въ конотопскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ селы: Рябухи, Дмитровку, Савинцы, и Воробьевку; отъ Шентаковской волости отдѣленные, въ новгородъ сѣверскомъ повѣтѣ селы: Старый Жадовъ, Погорѣльцы и Радомку, слободы Жадовошевченкову, Лосевку и Старогутище, да деревни Олшанку и Жадановку; отъ почеповской волости отдѣленные, въ мглинскомъ и стародубовскомъ повѣтахъ селы: Большое Староселье, Супрагино, Стригово, Третьяки, Сѣнково и Семешково, деревни Высокое Таругино, Котелки, Полники, Заполье, Курманово, Шійчи, Огородники, Коренево, Завалишутье, Бѣловень, Бибики, Долбежи, Ильюшкино, Малишово, Визовку, Близицы, Рябцы, Позаново, Шолудки, Свиныху, Сибѣни, Карново, Толбозино, Чернобабки, Вишнюю, и Нпжнюю Злобинки, Машково, Жудилово, Телеши, Надинку, Кушкиново, Колодню, Журавку, Полянку, Рожки, Абарники, Анушино и Шняки; въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, дворное мѣсто, со исключеніемъ изъ онаго части земли отдѣленной уже и отданной въ распоряженіе сыну моему графу Льву.

Имѣнія вышеоименованныя пожалованы суть мнѣ и покойному брату моему генералъ фельдмаршалу графу Алексѣю Григорьевичу отъ Ихъ Величествъ въ Возѣ почивающихъ Государынь Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны Вторыя и всѣ оныя

имѣніи утверждены мнѣ во вѣчно потомственное владѣніе всевысочайшими грамотами 1782 генваря 7 и 1784 годовъ, мая 13 числа. А между оными есть и таковыя, кои самымъ мною, законнымъ образомъ приобрѣтены, въ распредѣленіи каковыхъ имѣній по собственному моему произволенію, я имѣю полную власть закономъ мнѣ предоставленную въ правѣ малороссійскомъ Статутовомъ раздѣла 3 въ артикулахъ 40 и 41, да раздѣла 7 въ артикулѣ I, силою котораго права я учинилъ я по волѣ моей вышеизъясненное на части раздѣленіе всего того моего имѣнія къ вѣчнопотомственному сыновьямъ моимъ съ ихъ наследниками владѣнію онымъ и впредь что еще къ тому по правдѣ, по силѣ правъ и по принадлежности присокуплено и слѣдовать будетъ. Дочерямъ же моимъ никакого участія въ томъ имѣніи не назначаю, ибо онѣ въ полной мѣрѣ отъ меня награждены уже по раднымъ; а графиня Елисавета и безъ радной; такъ что должны быть довольными тѣмъ, что имъ до сего отъ меня опредѣлено и отдано. Во всѣхъ моихъ домахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ отчинахъ выстроенныхъ, мебели какъ-то: картины, зеркала, люстры, столы, кресла, стѣнные и столовыя часы, вазы и прочее, что токмо служить комнатными уборами, останутся имѣютъ при каждомъ въ своемъ мѣстѣ и принадлежатъ тому изъ сыновей моихъ въ чьей части самая тѣ дома состоятъ. Такъ какъ покойный братъ мой генералъ-фельдмаршалъ графа Алексѣй Григорьевичъ равно и я въ жизни нашей осчастливлены были Высокомонаршими милостями, то въ достойное памяти сохраненіе оныхъ въ родѣ нашемъ на времена будущія, завѣщаю оставшіеся по смерти моей дипломы, грамоты, рескрипты и указы Высочайшіе принять подъ сохраненіе свое старшему сыну моему графу Алексѣю. Прочія же сыновья мои могутъ получить себѣ съ оныхъ коинъ, если то имъ имѣтъ нужнымъ разсудится; а документы крѣпостныя и другія дѣла, служащія на имѣніи мною распредѣленнымъ, да разберутъ сыновья мои, каждой ему слѣдующимъ, по наставленію въ правѣ Статутовомъ, раздѣла 9, артикулъ 26. Исполненіе по сему моему запису воспріято быть имѣетъ не прежде, какъ по смерти моей, ибо, за жизнь мою я неотъемлю у себя полной воли и власти, какъ во владѣніи всѣмъ тѣмъ распредѣленнымъ нынѣ мною имѣніемъ, такъ и въ случаи непредвидимыхъ обстоятельствъ и надобностей моихъ, въ заклады, продажѣ и дарѣ кому либо по моему благоусмотрѣнію, съ каковою бы то ни было части назначенной въ удѣлъ сыновьямъ моимъ, и тотъ съ коего части что либо мною заложено, отдано, продано и подарено будетъ, по смерти моей не можетъ и не

долженъ будетъ требовать пополненія вышедшаго съ частей другихъ братьевъ своихъ, но да пребудетъ доволенъ токмо тѣмъ, что по власти и волѣ моей ему отъ меня симъ записомъ опредѣлено, и что за убылью, по волѣ моей здѣланною, въ части его по кончинѣ моей останется. А буди бы по разсмотрѣнію моему впредь за благо призналъ я сей мой записъ перемѣнить другимъ, то и въ семъ случаи предоставлю себѣ волю, яко полномостній собственныхъ моихъ имѣній владѣтель и диспозиторъ. Дворовыя люди изъ малороссіянъ, во служеніи при дѣтихъ моихъ находящіеся, имѣютъ остаться и принадлежать навсегда тому изъ сыновей моихъ у кого кто находится, хотябы по ревизіи написанными были въ части деревень и не тому, а другому сыну моему опредѣленной, и служившимъ при мнѣ и при домахъ моихъ людьми, на вѣчную свободу отъ меня отпущеннымъ, кони за ту ихъ службу опредѣлена отъ меня пенсія, дѣти мои, всякой по своей части, гдѣ тѣ люди жить будутъ, производить имъ оную должныствуютъ безъ отъѣны. О движимомъ моемъ имѣніи, состоящемъ въ бриліантовыхъ и золотыхъ вещахъ, въ серебряной посудѣ съ приборами, въ библіотекахъ, оружейныхъ, столовой и всякой посудѣ съ приборами, экипажахъ съ конскими уборами и в прочемъ, я предоставляю себѣ впредь здѣлать особое распределеніе. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ. Оной записъ по листамъ подписалъ: къ сему запису руку приложилъ при печати генераль-фельдмаршалъ графъ Кирилло Разумовскій (м. п.) На семъ записѣ по самоличномъ прошенію господина генераль-фельдмаршала и кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей подписались: вице-канцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.) Оберъ-шенкъ и кавалеръ Николай Загряжскій (м. п.) Генераль-майоръ и кавалеръ Михаилъ Гудовичъ (м. п.).

1800 года апрѣля дня. Сей вѣчный уступный записъ отъ его сіятельства господина генераль-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотонскій судъ съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земскаго суда какъ о добровольномъ его сіятельства соизволеніи въ росписаніи на части всего его малороссійскаго имѣнія недвижимаго, къ вѣчно потомственному по смерти его дѣтамъ его см-

новьямъ владѣнію, каждымъ опредѣленнымъ ему удѣломъ по томъ запису поименованнымъ, такъ и о немоществѣ его за болѣзнію, представитъ онаго запису лично въ земскій повѣта конотопскаго судѣ, и что повѣряеть онъ предъавитъ сей записъ ко вписанію въ земскія вечныя книги, провинціальному секретарю Мойсею Маркову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особымъ вѣрующимъ листомъ. Нижній земскій конотопскій судѣ, будучи въ отиравленіи должности своей въ повѣтѣ ему вѣренномъ въ мѣстечкѣ Багурнѣ, принявъ отъ упомянутого господина генералъ-фельдмаршала и кавалера вышеозначенное добровольное сознание сего запису, свидѣтельствуеть, какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отиравитси ради представленіа того запису въ конотопскій повѣтовскій судѣ и при такомъ своемъ свидѣтельствѣ возмщаеть оной объявленному Ахматову для исполненія по данной ему довѣренности. Земскій комисаръ Данило Смяловскій (м. п.). Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земскаго повѣтоваго конотопскаго суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губераии въ земскій повѣтовый конотопскій судѣ провинціальный секретарь Мойсѣй Ахматовъ при вѣрующемъ отъкрытомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала сенатора и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ, представивалъ съ прошеніемъ, вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, выдать съ онаго на имя его сіятельства вписать и какъ сочинитель онаго запису господинъ генералъ-фельдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалѣръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о добровольномъ его соизволеніи на расиредѣленіе сыновьямъ его сіятельства, графамъ Алексію, Петру, Андрею, Льву, Григорію и Ивану Кирилловичамъ Разумовскимъ въ сходство изъясненныхъ въ томъ записѣ малороссійскихъ правъ, своего имѣнія созналъ (какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онымъ судомъ помѣти значитси) для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ крѣпостную въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу, подъ № 33, на страницахъ 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108 и 109 съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьной и подсудковыхъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятельству господину генералъ-фельдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалѣра

леру графу Кириллѣ Грогорьевичу Разумовскому, при виписѣ слѣдующемъ по праву книги Статутъ, раздѣла 4, артикула 13, выданъ въ Копотѣ 1800 года апрѣля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ. Подсудокъ земскій Семень Скаловскій. Подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.) (м. п.) (м. п.). Земскій писарь Семень Торанскій. Губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

ПОЛТАВЩИНА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Полтавскій полкъ,—одинъ изъ десяти, на которые была раздѣлена старая Малороссія,—занималъ междурѣчье Орели и Ворсклы, распространяясь частью и на правый берегъ послѣдней, т. е. занималъ нынѣшніе уѣзды: полтавскій, кобеляцкій и частью константиноградскій. Орелью, притокомъ Днѣпра, полкъ отдѣлялся отъ дикихъ степей, по которымъ свободно бродили только татары и запорожцы.—Сосѣдство съ татарами и вслѣдствіе того постоянная опасность отъ ихъ нападеній заставили народъ, при заселеніи этой мѣстности, кучиться въ многочисленные поселенія—„городки“. Городки эти, первоначально, размѣстились исключительно по берегамъ Ворсклы и Орели; на берегахъ первой возникли: Вел. Будища, Полтава, Ст. Санжары, Нов. Санжары, Бѣлики, Кобелякъ, Соколка и Кишенка, а на берегахъ Орели—Китай-городъ, Царычанька, Маячка и Нехвороща. Кромѣ этихъ двѣнадцати городковъ, были еще четыре: изъ нихъ три на Днѣпрѣ,—Орель (теперешній Ст. Орликъ), Переволочна и Келеберда,—а четвертый на Голтвѣ (притокъ Псла)—Решетиловка.

Поселенія эти возникли и устраивались въ продолженіи всего XVII в., какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: турецкіе и крымскіе купцы, торгуя съ Москвою въ XVI в., ходили въ послѣднюю двумя путями; одинъ путь шелъ—съ Перекопа на Тавань и „на замки“ на Черкасы, на Каневъ и Кіевъ; а другой путь велъ, когда „опускали ту звичную дорогу, хотѣчи пройти полями, а не дорогою“,—съ Перекопа *чрезъ поля яловыя*, на

урочище Санъ-Чарово“¹⁾). Послѣднее урочище указываетъ, безъ сомнѣнія, на мѣстность Старыхъ Санжаровъ, гдѣ, слѣдовательно, поселенія въ XVI в. не существовало, какъ не существовало и другихъ поселеній на берегахъ Ворсклы и Орели, берега которыхъ и называются здѣсь *полями яловыми*, т. е. пустыми, незаселенными.—Въ томъ же XVI в., берега Ворсклы считались принадлежностью жителей праваго берега Днѣпра, составляя ихъ „уходы“, т. е. мѣста, гдѣ они промышляли звѣря и заводили пасѣки²⁾). Владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ и были, конечно, первыми колонизаторами мѣстности, впоследствии составившей Полтавскій полкъ.

Сколько можно судить о характерѣ этой мѣстности по тѣмъ отрывочнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ юридическихъ актахъ второй половины XVII в., Орель и Ворскла въ XVI—XVII в., были достаточно многоводными рѣчками, берега которыхъ покрыты были густыми дубовыми, липовыми и осокорьими (осокорь = *populus nigra*) лѣсами. Заднѣпряне прорубливали эти лѣса и среди лѣсовъ являлись—„сѣчи“, а на этихъ сѣчахъ устраивались хутора, въ которыхъ селились пришельцы, чтобы промышлять пчеловодствомъ и отчасти—звѣремъ и рыбой. Хутора превращались въ слободы, когда заднѣпровскіе владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ двинулись цѣлыми массами на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь сначала отъ польскихъ нападкѣй, а потомъ—отъ татарскихъ разореній. Въ исторіи заселенія Полтавщины видны три періода: 1, первая половина XVII в., когда заселились берега Ворсклы; 2, вторая половина XVII в.,— время заселенія береговъ Орели и 3, первая половина XVIII в., когда скученное населеніе городковъ и селъ XVII-го в. стало искать новыхъ, болѣе привольныхъ, угодій и заселило слободами оставившіяся еще незанятыми сѣчи по Ворсклѣ и Орели и пустыне до того берега Коломака и Орчика.

Городки и села по Ворсклѣ селились въ первой половинѣ XVII-го в., какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ

¹⁾ Книга посольск. Метрики вел. кн. Литовск. I, 30.

²⁾ Въ 1545 г. казаки кіевскіе, каневскіе и черкасскіе говорили: „были есмо на влодехъ нашихъ, т. е. на Хоролѣ и на Ворсклѣ“. Тамъ же.

въ юридическихъ актахъ. Имѣется напр. достовѣрное указаніе о времени заселенія Полтавы; указаніе это находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельскомъ на судѣ показаніи 1681 г.—„старинный и подейшлый барзо въ лѣтехъ Яценко Барчапинъ,—тѣнь старушоуъ подъ боязнью Божию повѣдѣвъ (повѣдалъ), якъ мя, панове, видите старого, еще якъ *Полтава засѣдала слободою*, на той (спорной) сѣножати косилемъ...¹⁾“. Въ 1641 году Полтаву видимъ уже городомъ, принадлежавшимъ Александру Конецпольскому, который заселялъ полтавскія окрестности новыми слободами²⁾. Въ это время и поселились, должно быть, села по той же Ворсклѣ: Патлаевка, Семеновка, Петровка, Гавронцы, Стасовцы; вправо отъ Ворсклы—Диканька, Жуки, Тахтауловъ, Осмачки, Ивончинцы, Рыбцы, Гуджулы, Мартыновка, Шостаки, Супруновка, Пушкаровка, Горбаневка, Мильцы, Кувлинцы, Мачохи, Росошинцы... Всѣ эти села, возникшія въ первой половинѣ XVII в., старались не отдаляться отъ Полтавы, въ которой только и можно было укрыться въ случаѣ татарскаго набѣга. Въ Полтавѣ въ это время сидѣлъ намѣстникъ Конецпольскаго, панъ Сокольскій, который защищалъ окрестное населеніе, прогоняя набѣгавшихъ татаръ³⁾.—О времени основанія всѣхъ перечисленныхъ сель, можно судить по разсказу о заселеніи одного изъ старыхъ сель—Стасовцовъ; этотъ разсказъ заключается въ одномъ свидѣтельскомъ показаніи 1700 г.—„Семенъ и Григоръ Потапенки, рожоные братья, козаци и жители стасовскіе, въ лѣтахъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣлые, люде учтивые и вѣры годные, сумненемъ (совѣстью) обовязани, повѣдѣли: еще подъ часъ Кумейщины (1637 г.), будучисмо лѣтъ недорослихъ, зъ отцемъ нашимъ зайшлисмо до села Стасовець и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куреньювъ (курень=жиле) большъ нѣкого не было; а одъ того вре-

¹⁾ Протоколъ полтавск. полковаго суда XVII в. Рукоп. нашей б-ки.

²⁾ Акты Ю. З. Р. III, 54.

³⁾ Въ 1648 г. гадяцкій полковникъ Конецпольскаго писалъ бѣгородскому воеводѣ Бутурлину „я тое твоей милости ознаймую, какъ у пятницю прошлу панъ Сокольскій билъ татаровъ пять миль отъ Полтавы и зъ ласки Божіей погромилъ ихъ“... Акты Ю. З. Р. III, 115.

мени рокъ по року, стало люлей прибувати; а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млиновъ не бывало. Подъ часъ тежъ берестецкого роздруху (1650 г.) въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, гдѣ теперъ гребля найдется... 1)“.

Берега Орели заселились послѣ разоренія турками Умани въ 1673 г.—Величко, самъ полтавецъ, рассказываетъ, что послѣ разоренія правобережной Украины, „народъ многими купами и таборамъ зо всѣхъ повѣтовъ собирався и—на сюю Днѣпра сторону перебирался и гдѣ улюбя—для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣста; и особливо въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новыми городами, то есть: Китай-городомъ Царычанкою, Маячкою, Нехворощею и Келебердою 2)“.

Будучи удаленъ отъ центра тогдашней Малороссіи, полтавскій полкъ не привлекалъ высшей войсковой старшины своими маестностями, которыя чисто степнымъ своимъ характеромъ, не представляли, кромѣ того, особыхъ экономическихъ выгодъ; поэтому козацье сословіе здѣсь не было такъ порабощено, какъ въ остальныхъ, особенно сѣверныхъ, полкахъ и до настоящаго времени еще оставило поселенія, населенныя исключительно козацкимъ сословіемъ. Избавленные отъ старшинскаго гнета, полтавскіе козаки долѣ другихъ сохраняли стародавніе обычаи свои и „вольности“, выражавшіеся преимущественно въ свободномъ выборѣ старшины. Въ этомъ отношеніи, полтавскій полкъ представляетъ собою исключеніе изъ остальной Малороссіи, гдѣ не только крестьяне, но и козаки съ конца XVII в. становятся почти въ полную зависимость отъ той старшины, которая, хотя и считалась выборною, но въ сущности представляла собою гетманскихъ чиновниковъ... Въ полтавскомъ полку гетманская власть не находила возможнымъ держаться тѣхъ порядковъ, какіе установились въ другихъ полкахъ, въ особенности остерегалась сосѣдняго съ Полтавщиной Запорожья, которое, давши Хмельницкому первыя средства для возстанія противъ поляковъ, смотрѣло затѣмъ на гетманщину,

1) Протоколъ полтавск. полков. суда. Ркн.

2) Лѣтон. П., 356.

какъ на свое дѣтище и постоянно, до конца XVII в., стреми-лось къ подчиненію гетманской власти своему вліянію; съ этой цѣлью Запорожье очень нерѣдко высылало въ Малороссію своихъ агентовъ, въ родѣ Петрика, для возбужденія народа противъ гетмановъ, и послѣдніе не безъ основанія старались, по возможности, не давать Запорожью поводовъ къ протестамъ противъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій¹⁾. *А запорожцы съ полтавцы живутъ советно, что мужъ съ женой*“, говорилъ въ 1661 г. одинъ наблюдательный современникъ²⁾.

Во всей Малороссіи полчане и въ XVII в. (не говоря уже о послѣдующемъ времени) находились въ совершенной зависимости отъ своихъ полковниковъ, на выборъ которыхъ они не имѣли почти никакого вліянія; въ Полтавщинѣ же выборъ полковниковъ почти до конца XVII в. дѣйствительно зависѣлъ отъ воли „товариства“, козаковъ, хотя послѣдними въ такихъ случаяхъ всегда руководилъ небольшой кружокъ богачей, умѣвшихъ подчинить своему вліянію остальныхъ полчанъ. Кружокъ этотъ составляли слѣдующія лица: Мартынъ Пушкаръ съ сыновьями, Искра, Федоръ Жученко, Демьянъ Гуджоль, Прокопъ Левенець, Демьянъ Яковенко и Леонтій Чернявъ; впоследствии въ этотъ кружокъ втерся, по свойству съ гетеральнымъ обознымъ Забѣлюю, и сынъ выреченнаго еврея—Павель Герцикъ. Все это, кромѣ послѣдняго, были старинные и богатые козаки Полтавщины. Изъ нихъ Пушкаръ, Искра, Жученко и Гуджоль были записаны уже въ старѣйшемъ козачьемъ реестрѣ 1649 г.³⁾. Встрѣчая около Полтавы села, названія которыхъ тождественны съ прозваніями нѣкоторыхъ изъ нихъ (Жуки, Гуджули, Пушкарровка), можно предположить, что названныя лица были первымъ поколѣніемъ основателей этихъ селъ; такимъ образомъ вліяніе и значеніе этого кружка основывалось на старинной

¹⁾ Самъ Мазепа побывалъ Запорожь; такъ, въ 1692 г. онъ писалъ въ Москву, что „о маютностяхъ, разныхъ особахъ дачныхъ, происходятъ межъ посольнымъ вопль и пререканія, а особливо отъ запорожцовъ промзносятся толксы, въ шашности склонны... Чт. въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 5.

²⁾ Акті Ю. З. Р. VI, 99.

³⁾ Реестра Войска Запорожск. 1649 г. Изд. Бодянского, стр. 279—283.

извѣстности тѣхъ козачьихъ родовъ, къ которымъ принадлежали члены его. Въ продолженіе всей второй половины XVII в. названные коноводы интриговали другъ противъ друга, стараясь захватить полковничій урядъ въ свои руки; но когда одному изъ нихъ это удавалось, тогда остальные соединялись вмѣстѣ и начинали интриговать противъ своего же избранника, пока не успѣвали въ чемъ нибудь обвинить его передъ „товариствомъ“. Тогда урядъ доставался другому и такъ далѣе почти до конца XVII в.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями частой смѣны полтавскихъ полковниковъ можетъ представить интересныя данныя для изученія народной жизни въ южной части старой Малороссіи.

Полковничье влѣстительство въ Полтавщинѣ отърывается личностью извѣстнаго Мартына Пушкаря, одного изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Пушкаръ былъ ревностнымъ сторонникомъ Переяславскаго договора 1654 г. и по смерти Хмельницкаго цѣлый годъ боролся съ Выговскимъ, защищая единеніе съ Москвою, и не будучи поддержанъ московскимъ правительствомъ, погибъ въ 1658 г. Пушкаръ правилъ полтавскимъ полкомъ около девяти лѣтъ (1649—58). На мѣсто его выбранъ былъ старшій его сынъ Кирикъ Пушкаръ, который продолжалъ противиться планамъ Выговскаго, для чего получилъ и помощь изъ Москвы, но разореніе Полтавы Выговскимъ совсѣмъ измѣнило настроеніе полтавцевъ¹⁾. Въ ноябрѣ 1658 г. Кирикъ Пушкаръ былъ „скинутъ“, а на мѣсто его выбранъ старый козакъ полтавскій Филонъ Горкуша, который, какъ кажется, былъ нѣкоторое время полковникомъ и при Хмельницкомъ²⁾. Горкуша, будучи сторонникомъ Выговскаго, скоро былъ скинутъ и замѣненъ младшимъ братомъ Кирика Пушкаря, Маркомъ. Послѣдній поѣхалъ было въ Москву хлопотать о поддержкѣ противъ Выговскаго³⁾, но въ отсутствіе

¹⁾ Акти Ю. З. Р., IV, 196. Величко, I, 333.

²⁾ Акти Ю. З. Р., IV, 202. Величко, I, 300.

³⁾ Акти Ю. З. Р., IV, 206.

его (лѣтомъ 1659 г.), полковникомъ былъ выбранъ снова Кирикъ Пушкаръ, который, увидѣвъ усиленіе Выговскаго послѣ сраженія подъ Конотопомъ, думалъ уже было смириться и началъ переговоры о томъ съ однимъ изъ старшинъ Выговскаго—Каплонскимъ. Объ этихъ переговорахъ узналъ полтавскій воевода Зиновьевъ и Кирикъ былъ арестованъ, а полковникомъ полтавцы выбрали Ѳедора Жученка¹⁾ (въ іюлѣ 1659 г.). Ѳедоръ Жученко держался Юрія Хмельницкаго, и когда послѣдній передался на сторону поляковъ, не отставалъ отъ него и пошелъ съ нимъ за Днѣпръ. Въ маѣ 1661 г. полтавцы выбрали полковникомъ Демьяна Гуджола, и Жученко „сталъ вины свои добивать“²⁾...

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, искателями булавы явились два сподвижника стараго Хмельницкаго—Самко и Золотаренко. У обоихъ права были одинаковыя, оба пользовались равною извѣстностью въ „Войскѣ“ и потому выборъ межъ ними былъ труденъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ не хотѣлъ уступить другому. Такимъ положеніемъ дѣла въ Малороссіи воспользовалось Запорожье и выставило своего кандидата—въ лицѣ Брюховецкаго. Послѣдній былъ поддержанъ южными полками—лубенскимъ, миргородскимъ и полтавскимъ, населеніемъ которыхъ Сѣчь преимущественно и пополнялась. Гуджоль тоже ревностно поддерживалъ Брюховецкаго, сначала не поѣхавъ на раду козелецкую, гдѣ выбранъ былъ Самко, а потомъ громко заявляя, что одна надежда на такого гетмана, который выбранъ будетъ полною, *чорною* радою, т. е. такою радою, которою будетъ заправлять чернь, причемъ послѣднюю должны были составить приведенные Брюховецкимъ запорожцы. Брюховецкаго выбрали, но плохо пришлось отъ этого выбора не только его противникамъ, но и тѣмъ сторонникамъ, которые не принадлежали къ Запорожью³⁾. Добившись булавы интригами, Брюховецкій понималъ непрочность своего положенія и рѣшилъ держаться, опираясь ис-

¹⁾ Т. ж., 241.

²⁾ Т. ж., V. 65.

³⁾ Актн К. З. Р. VII, 345—347.

ключительно на Запорожье. Получивъ изъ рукъ Великогагина булаву 19 іюня 1663 г., Брюховецкій въ тотъ же день „во всѣхъ городахъ своихъ полковниковъ поставилъ изъ тѣхъ людей, которые съ нимъ вышли изъ Запорожья“ (Самовид., 41). Смѣненъ при этомъ былъ и Гуджоль, а на мѣстѣ его явился Савва Ѳедоровичъ Омельницкій, конечно тоже запорожець. О поставленныхъ Брюховецкимъ полковникахъ лѣтопись Грабянки говоритъ, что всѣ они были „зъ гультайства запорожского наставленіе, которіе зъ голоты (изъ бѣдняковъ) ставши на началахъ и у крамарей (мелкихъ торговцовъ) себѣ дщери ихъ побравши, до оныхъ и сами присташа и хитро яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе ¹⁾“...

Изъ числа такихъ полковниковъ, вѣроятно, былъ и Омельницкій, котораго мы встрѣчаемъ всего разъ ²⁾. Черезъ два года онъ почему то былъ замѣненъ другимъ запорожцемъ—Витязенкомъ, передъ тѣмъ записавшимъ урядъ генер. бунчучнаго (А. Ю. З. Р. V, 234 и VI, 15,53). Отъ этого Витязенка и даже отъ жены его натерпѣлись полтавцы не мало бѣдъ.

Вообще время Брюховецкаго для Полтавщины было горше Выговщины. Кромѣ полковниковъ „изъ гультайства запорожского“, Брюховецкій привелъ съ собою еще и воеводъ, которые должны были переписать все населеніе Малороссіи и затѣмъ собирать съ него подати. Такихъ воеводъ Малороссія передъ тѣмъ не видѣла и никакъ не могла съ ними помириться, тѣмъ болѣе, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо должно было возбуждать народъ... Воеводою въ Полтаву былъ присланъ Хитрово, который, кромѣ того, что слишкомъ круто началъ устанавливать новые порядки, велъ себя въ отношеніяхъ съ народомъ грубо, не отличая никакимъ вниманіемъ и заслуженную старшину. Последняя писала Брюховецкому въ 1661 г. слѣдующее: „неизноснныя неправды и утѣсненія воевода чинить,—коней остальныхъ въ домѣхъ въ подводы вѣдѣть имати москалямъ... не осматриваясь,—

¹⁾ Лѣтоп. Грабянки, изъ непронужденнаго цензурнаго мѣста, слѣдующаго въ изд. 1854 г., за стр. 194.

²⁾ Протоколъ полтавск. полк. суда.

въ домахъ не только меншихъ товаришювъ, но и здавна заслуженныхъ бывшихъ полковниками, яко-то Ф. Жученка, Д. Гуджала, К. Пущкаренка, К. Кублицкаго и иныхъ... Занимаетъ наши дома подъ постой, ругая и полковника нашего, — съ ласки и милости вашей намъ данного, которою какъ отца почитаемъ... И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ... И безчестье такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если его, воеводу, переимѣнить не изволишь, то мы, забывъ женъ и дѣтей, по нуждѣ пойдѣмъ куда очи“¹⁾). Эту жалобу полтавцы писали едва ли не по наущенію Витязенка (самому ему неловко было говорить противъ воеводы), потому что въ ней нѣтъ упоминанія о насиліяхъ полковника, который не только не былъ „отцомъ“ для своихъ полчанъ, но утѣснялъ послѣднихъ не меньше воеводы. Полковой судья Климъ Чернушенко рассказывалъ въ 1667 г. стольнику Кикину, что Витязенко „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно жъ бьетъ и безчеститъ. А кто-де, козакъ или мужикъ, упадетъ хотя въ малую вину и онъ-де полковникъ того человекъ живота всѣ, и лошади и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя роботать, а мужики-де изъ селъ возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ де онъ себѣ домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ... А приводитъ де его, полковника, на всякое злое дѣло, и на корысть, и на грабленіе, жена его полковникова да писарь его полковой Ильяшъ Туранскій; а онъ-де, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку, а мы-де ему, писарю, и не вѣримъ что-де онъ съ того боку Дняпра“²⁾).

Положеніе дѣлъ въ Полтавѣ было тяжелое: съ одной стороны воевода тѣснилъ, а съ другой—полковникъ грабилъ; на гетмана надѣяться было нечего, потому что онъ же выпросилъ

¹⁾ Акты Ю. З. Р., VI, 132.

²⁾ Т. ж., VI, 195.

воеводъ, да и полковника поставилъ по своему выбору. Полтавцы хотя и терпѣли, но втихомолку раздумывали—какъ избавиться отъ чужепришельцевъ, присланныхъ имъ въ начало. Уже въ 1666 г. Меодій, епископъ мстиславскій, говорилъ Шереметеву, что „въ Запорогахъ и въ Полтавѣ учала быть шатость великая; что въ Полтавѣ люди пуще всѣхъ шатки и къ Запорогамъ близки и съ запорожцы въ мысляхъ бываютъ согласны“¹⁾. Но прежде чѣмъ полтавцы до чего нибудь додумались, самъ Брюховецкій началъ то, о чемъ думали полтавцы. Слыша общій ропотъ народа, Брюховецкій рѣшилъ, что только одинъ выходъ для него возможенъ: изгнать воеводъ и тѣмъ снова привлечь къ себѣ народъ. На крещенскомъ сѣздѣ 1669 г. старшины въ Гадячѣ, Брюховецкій сообщилъ свой замыселъ полковникамъ, а на первой недѣлѣ поста первый воевода былъ изгнанъ изъ Гадяча самымъ гетманомъ. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по всей Малороссіи: повсюду воеводъ стали изгонять и бить, гдѣ они сопротивлялись. Но изъ Полтавы воевода былъ выпровоженъ „за порадою и совѣтомъ людей умныхъ, въ цѣлости и безъ кровопролитія“²⁾. Во главѣ полтавскихъ умниковъ стояли, конечно, Жученко и Гуджоль,—сторонники единенія съ Москвою.—Вслѣдъ за изгнаніемъ воеводъ народъ возсталъ и противъ Брюховецкаго и 7 іюня онъ былъ убитъ близъ Диканьки, почти тамъ же, гдѣ убитъ былъ и Пушкаръ. Какъ только пришла въ Полтаву вѣсть о смерти гетмана, полтавцы рѣшили положить конецъ и его ставленнику—Витязенку. Полковой судья Чернушенко, особенно злобившійся на своего полковника, поднялъ бунтъ: взяли Витязенка и есаула его Обѣденка, „до арматъ поковали и вскорѣ тиранско въ смерть позабивали, а дома ихъ розграбовали. А по кончинѣ Витязенковой, они-жъ полтавцы избрали и постановили себѣ полковникомъ добраго, смиреннаго, побожнаго и простодушнаго челоувѣка, Демьяна Гуджола“. Такъ записалъ въ своей хроникѣ Величко самъ полтавецъ — потому, вѣроятно, хорошо знав-

¹⁾ Т. ж., VI, 98 и 104.

²⁾ Велич. II, 161.

шій и Витязенка, и Гуджола. Но ни смерть Брюховецкаго, ни убійство Витязенка не успокоили полтавцевъ. Они желали видѣть пресмникомъ Брюховецкаго Дорошенка, самого популярнаго претендента на булаву, за котораго тянуло руку и Запорожье. Между тѣмъ русское правительство выставляло кандидатомъ въ гетманы—черниговскаго полковника Многогрѣшнаго, который ни службою, ни способностями не выдѣлялся изъ рядовъ войсковои старшины. Въ февралѣ 1669 г. пришла въ Полтаву царская грамота, которая звала полтавскую старшину въ Глуховъ, на раду. Полтавцы рѣшили не ѣхать на раду, на которой уже предрѣшено было избраніе Многогрѣшнаго ¹⁾. Но Гуджоль и по своему добродушію, и по опытности, повидимому, не раздѣлялъ настроенія своихъ полчанъ, потому что его въ это время съ полковничества скинули. вмѣсто него выбрали—Костю Кублицкаго, вѣроятно, какъ сторонника Дорошенка. Руку послѣдняго въ это время держали и сосѣдніе съ полтавскимъ полки—миргородскій и лубенскій. Кублицкій послѣшилъ съ своими сотниками въ Чигиринъ, къ Дорошенку, куда звалъ послѣдній полтавцевъ, вмѣстѣ съ миргородцами и лубенцами, на совѣтъ—какъ избавиться отъ Многогрѣшнаго. Въ Чигиринѣ было рѣшено, что выбранному въ Глуховѣ гетману покоряться не слѣдуетъ, потому что „по милости царской“, Дорошенко успеетъ отнять у него булаву, принадлежащую ему по всѣмъ правамъ.

Многогрѣшный и самъ чувствовалъ, что булава ему досталась только вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ; поэтому онъ и не думалъ смирять упорства полтавцевъ. Онъ только жаловался царю, что его не хотятъ признавать гетманомъ три южные полка. Изъ Москвы, въ апрѣлѣ, снова попробовали уговаривать полтавцевъ „вины свои принести, присягу учинить и быть у Многогрѣшнаго въ послушаніи и въ совѣтѣ“ ²⁾. А вслѣдъ за царскою грамотою и Многогрѣшный послалъ свой „листъ“ въ Полтаву, совѣтуя Кублицкому отстать отъ Дорошенка; но полтавцы—и „отвѣта никакого не

¹⁾ Азты Ю. З. Р., VIII, 154, 95.

²⁾ Т. ж., 155.

дали", доносилъ гетманъ въ Москву, добавляя, что „хотя они повинуются нынѣ Дорошенку, только больше поглядываютъ на Суховѣеву руку и едва посланцовъ своихъ въ Запороги не посылали“¹⁾). Суховѣя въ это время выставило Запорожье своимъ кандидатомъ на булаву, вѣроятно разсчитывая, что Дорошенко слишкомъ популяренъ, чтобы при немъ Запорожье могло сохранить то значеніе и вліяніе, которыми оно пользовалось при Брюховецкомъ. Но полтавцы неотступно держались Дорошенка и въ іюнѣ послали помощь его отряду, высланному къ Ромну противъ сторонниковъ Многогрѣшнаго²⁾). А между тѣмъ изъ Москвы пришла къ Кублицкому третья грамота, угрожавшая присылкою на Полтаву кромѣ ратныхъ людей, еще и „калмыцкихъ тайшей со всѣми ихъ улусными людьми“, если только полтавцы будутъ продолжать свое упорство и не явятся къ Многогрѣшному съ повинною³⁾). Последняя грамота произвела нѣкоторое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ на Кублицкаго: можно догадываться, что послѣдній, видя, что Дорошенко никакихъ рѣшительно мѣръ къ искорененію Многогрѣшнаго не принимаетъ, а притомъ и Запорожье уже отстало отъ него, совѣтовалъ своимъ полчанамъ смириться.—Но тутъ возстали старые вожаки, напомнили, что и Многогрѣшный согласился принять въ нѣкоторые города воеводъ и—Кублицкій былъ съ полковничества скинутъ и замѣненъ уже извѣстнымъ намъ Горкушею. Полтавцы надѣялись, что Горкуша, какъ старый товарищъ Дорошенка, не покорится случайному гетману. Сохранилось замѣчательное письмо Горкуши, которое онъ написалъ Многогрѣшному, вслѣдъ за выборомъ своимъ въ полковники.—„Изъ царской грамоты уразумѣли мы, что не желаетъ и не позволяетъ царское пресвѣтлое величество никакому православному народу чинить непокой и кровопролитіе; а ты невѣдомо отъ кого,—отъ царя ли православнаго или отъ врага душевнаго, принялъ на себя высовій урядъ гетманства запорожскаго, вмѣсто даннаго тебѣ, и

¹⁾ Т. ж., 161.

²⁾ Т. ж., 238.

³⁾ Т. ж., 247.

гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, сѣверскаго гетманства¹⁾ и уподобился сатанѣ, потому что тотъ урядъ гетманства запорожскаго взять тобою помимо воли и войска, и ясневельможнаго п. гетмана нашего; а заслуги твои войску запорожскому, какъ намъ извѣстно, мало знатны. При этомъ ты еще и страшилъ насъ всякими силами войскъ царскихъ; но мы, имѣя защиту Божью и охрану нашего п. гетмана, съ его сильными полками, запорожскими, крымскими, бѣлогородскими и турецкими, нимало твоихъ угрозъ не боимся и, какъ на врага, изготовили на тебя въ Полтавѣ десять тысячъ сабель! Не ждемъ отъ тебя правды: и ты не надѣйся, чтобъ мы тебѣ поклонились. А если хочешь, — ищи себѣ милости у п. гетмана Петра Дорошенка; а къ намъ и не пиши, и не шли никакихъ своихъ угрозъ, потому что Богъ намъ помощникъ и — не убоимся! Сего ради изволь писать къ п. гетману нашему, а къ намъ — вообще труждаешься: никогда того не будетъ, чтобъ ты былъ гетманомъ запорожскимъ и напиши! Сей нашъ отвѣтъ отъ всего поспольства, товариства и мѣщанъ пославъ, добраго отъ Господа Бога здоровья, мирнаго покая и милосердія Божія, яко сами себѣ, мирно желаемъ²⁾).

Такой открытый протестъ полковника противъ гетмана, утвержденнаго уже царемъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчательнень для характеристики Полтавщины; видно, что послѣдняя, не боясь, выставляла свою оппозицію, конечно, рассчитывая на поддержку Запорожья.... Однакожь, видя, что Дорошенко продолжаетъ сидѣть за Днѣпромъ и только одними универсалами грозить Многогрѣшному, смирились и полтавцы.... Горкуша, какъ сторонникъ Дорошенка, былъ склннутъ и замѣненъ снова старымъ вождемъ — Жученкомъ, который, благодаря житейской своей опытности, наконецъ покорилъ Полтавщину Многогрѣшному. Но когда послѣдній былъ низложенъ въ 1672 г., то тогда

¹⁾ Убийствъ Бреховецкаго, Дорошенко мечталъ немедленно замѣнить его и пошелъ къ Путилю на соединеніе съ русскими войсками; но на дорогѣ получилъ извѣстіе о неврности своей жены и послѣдшилъ домой, за Днѣпръ; на время своего отсутствія, онъ оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго, который воспользовался этимъ случаемъ и добылъ себѣ полное гетманство....

²⁾ Т. ж. 259.

же низложенъ былъ и Жученко.... Въмѣсто Жученка былъ поставленъ опять Гуджоль, который присутствовалъ уже и на радѣ, выбравшей Самойловича¹⁾. Но старые полковники уже не удовлетворяли полтавцевъ, потому что противъ Гуджола скоро поведена была интрига уже новымъ лицомъ. Интригу противъ Гуджола повелъ новый претендентъ на полковничій урядъ—Прокопъ Левенецъ, который и добился того, что въ 1674 г. его выбрали полковникомъ. Интересно, что послѣ этого Гуджоль года три (1685—77 г.г.) занималъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ урядовъ, именно—полтавскаго городского атамана; который подчиненъ былъ непосредственно сотнику; затѣмъ, въ 1678 г., видимъ Гуджола полковымъ судьей, а потомъ встрѣчаемъ его уже безъ всякаго уряда, рядовымъ козакомъ; такъ въ актѣ 1680 г. онъ пишется—„славный панъ Демьянъ Гуджоль, козакъ полтавскій“. Видно, что демократическій строй козачества въ Полтавщинѣ сохранялся гораздо дольше, чѣмъ въ полкахъ сѣверныхъ, гдѣ въ это время уже невозможенъ былъ фактъ, чтобы бывший полковникъ ставился на низшій, судейскій урядъ, не говоря уже объ атаманствѣ. Добившись перначи, Левенецъ однакожъ не сумѣлъ его удержать, встрѣтивъ ловкую интригу Герцика, давно уже мечтавшаго о полтавскомъ полковничествѣ. Сынъ выкращеннаго еврея Гердикъ выдвинулся изъ темной массы послѣ того, когда въ 1667 г. генеральный судья Петръ Забѣла случайно женился на вдовѣ—матери Герцика. Въ это время, по разсказу Кочубея, Павелъ Гердикъ торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками²⁾... А черезъ восемь лѣтъ онъ уже явился соперникомъ Левенца и былъ выбранъ вмѣсто послѣдняго—полковникомъ. Кочубей разсказываетъ, что Гердикъ „подольстившись и подмогоричившись козакамъ полтавскимъ, не съ заслуги каковой военной, но по лукавому обману, выбранъ полковникомъ, и побувши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ“³⁾. А подоль-

¹⁾ Величко, II, 311.

²⁾ Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 146.

³⁾ Т. ж., 147.

стился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ, купивъ у одного возака хуторъ у Чорнаго озера, насыпалъ тамъ греблю, чтобы строить тутъ же водяную мельницу; но когда Левенецова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на полковника гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде „скинуть“ Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: „абы больше не важился Прокодъ Левенецъ, бывший полковникъ, перешкоды строити (причинять убытки) товариству и мѣщанамъ полтавскимъ новозанятою греблю его на Чорномъ озерѣ“ и гребля его полчанами была уничтожена¹⁾. Но Герцикъ все таки долго не могъ продержаться на полковничествѣ: старые вожаки Полтавщины не могли спокойно видѣть своимъ полковникомъ челоуѣка, который самъ стыдился своего еврейскаго прозвища²⁾. Осенью 1676 г. Жученко и успѣлъ было замѣнить Герцика, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній снова захватилъ полковничій перначъ. Но этотъ разъ Герцикъ продержался впрочемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ февралѣ 1677 г. на полтавскомъ полковничествѣ является Демко Яковенко, личность совершенно новая, на которой полтавцы, можетъ быть, хотѣли помирить свои страсти; но и Яковенко продержался всего мѣсяцъ: выбранный въ февралѣ, онъ въ мартѣ долженъ былъ уступить мѣсто опять Левенцу, который въ это время понадобился, какъ искусный военачальникъ, для чигиринскаго похода. Левенецъ дѣйствительно отличился въ этихъ походахъ, особенно во второмъ. Величко записалъ въ своей лѣтописи интересный эпизодъ изъ чигиринской войны—какъ козаки „сами, безъ воли гетманской, внезапно и мужественно бросились на турецкіе обозы и, знатную въ нихъ сдѣлавши шкodu, счастливо вернулись къ своему обозу“, причемъ „добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Федоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный вы-

¹⁾ Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись.

²⁾ Герцикъ нигдѣ въ актахъ не писалъ своихъ отцовскихъ прозвищъ, а всадъ значится—„Павломъ Семеновичемъ“.

стрѣломъ изъ янычарни, съ коня свалился, но спасень былъ панциремъ"...¹⁾ За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ отъ царя двѣ похвальные грамоты, одну въ декабрѣ 1677 г., а другую—въ ноябрѣ слѣдующаго.

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведенъ была интрига тѣмъ же Герцикомъ, въ которому теперь присталъ и Жученко, вѣроятно изъ зависти... На этотъ разъ впрочемъ полтавцы уже не рѣшились смѣнять полковника собственной властью, а пожаловались на Левенца гетману, что онъ „похвалки чинить на здоровье знатнѣйшихъ особъ и безчестить ихъ“. Гетманъ попробовалъ было защитить храбраго полковника, напомнилъ полтавцамъ о его недавнихъ заслугахъ, которыя онъ показалъ „въ очахъ“ гетманскихъ, но въ іюнѣ 1679 г. Левенецъ долженъ былъ уступить Жученку и на этотъ разъ уже навсегда; послѣ этого Левенецъ служилъ разъ, полковымъ обознымъ, во время коломацкаго похода, когда потребовалась, вѣроятно, опять его военная опытность, но полковничества уже не достигалъ. Пробывъ полковникомъ около года, Жученко встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ Черняка. Леонтій Чернякъ принадлежалъ также къ числу старинныхъ полтавскихъ козачковъ и съ 1673 г. занималъ урядъ генеральнаго есаульства; но этотъ урядъ былъ не важенъ, такъ какъ онъ не давалъ въ руки никакой самостоятельной власти; поэтому Чернякъ, на ряду съ Жученкомъ, Левенцомъ, Герцикомъ, былъ также постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество; но добился онъ его позднѣе другихъ: въ первый разъ Черняка выбрали лѣтомъ 1680 г. и онъ пробылъ полковникомъ около трехъ лѣтъ, пока снова былъ замѣненъ Герцикомъ, кажется, въ 1683 г. На этотъ разъ Герцикъ добился полковничества уже не интригою среди полчанъ, а подарками, поднесенными гетману и его сыновьямъ, при посредствѣ гадацкаго полковника Михайла Самойловича, гетманскаго племянника; такъ рассказываетъ Кочубей, добавляя, что Герцикъ, получивъ полковничій урядъ на этотъ разъ изъ рукъ гетмана, „всякими

¹⁾ Бел. II, 464.

обидами описывалъ " послѣднему и Жученка, и зятя его Искру, желая очернить ихъ въ Батуринѣ и тѣмъ преградить имъ на будущее время, доступъ къ полковничеству¹⁾. Однакожъ, когда Самойловичъ былъ отставленъ отъ гетманства, то преемникъ его, замѣняя на Коломакѣ тогдашнихъ полковниковъ новыми, вмѣсто Герцика поставилъ полковникомъ того же Жученка, который „съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ значныя оказывалъ праці“, какъ говорить о немъ актъ 1682 г. На этотъ разъ Жученко оставался полковникомъ до 1691 г., съ небольшимъ перерывомъ, въ 1689 г. когда онъ былъ замѣненъ Чернякомъ, котораго поставили, вѣроятно, сами полтавцы, помимо гетмана... Но Чернякъ былъ удаленъ и перначъ снова возвращенъ Жученку, къ которому Мазепа не могъ не благоволить, какъ къ тестю тогдашняго своего генеральнаго писаря и близкаго человѣка—Кочубея. Жученко пересталъ быть полковникомъ, вѣроятно, вслѣдствіе старости; но жилъ онъ и послѣ отставки еще долго, переживъ обоихъ своихъ зятей, Кочубея и Искру²⁾... Жученка замѣнилъ Герцикъ, который, по разсказу Кочубея, и теперъ „преlestно zostалъ полковникомъ“, т. е. едва ли не купилъ этотъ урядъ у Мазепы... На этотъ разъ Герцикъ пробылъ полковникомъ до 1695 или 96 г. и замѣненъ былъ своякомъ Кочубея—Искрою. Оставлено было Герцикомъ полковничество, вѣроятно, по старости, такъ какъ трудно предположить, чтобы Мазепѣ престодушній Искра былъ желательнѣе „цѣкаваго“ Герцика³⁾...

¹⁾ Чтенія въ моск. общ. ист., 1859 г., I, 148.

²⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., I, 409.

³⁾ Оставивъ войсковую службу, Герцикъ сталъ замаливать грѣхи и въ 1700 г. построилъ въ кievской лаврѣ, у входа въ ближнія пещеры, каменную церковь Воздвиженія Чести. Креста. Въ этой церкви онъ былъ и похороненъ, причемъ на стѣнѣ, около могилы, повѣшенъ былъ его портретъ. (Опис. к. лавры, матр. Евгенія, изд. 2-е, стр. 348). Затѣмъ портретъ этотъ былъ уничтоженъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказывалъ намъ въ 1883 г. одинъ почтенный лаврскій инокъ: при устройствѣ въ Воздвиженской церкви могилы для умершаго въ 1857 г. митрополита Фигарета (Амфитеатрова), открыта была случайно и могила Герцика; въ ней еще были замѣтны слѣды „кедроваго“ гроба, а на остаткахъ скелета видны были черные усы... Тогда же, т. е. въ 1857 г., тутъ же около открытой могилы, еще висѣлъ и

Искрою закончился рядъ полтавскихъ полковниковъ въ XVII в.

Изъ рассказаннаго мы видимъ, что полтавцы самостоятельно выбирали себѣ полковниковъ, пока Самойловичъ не забралъ раздачу важнѣйшихъ старшинскихъ урядовъ въ свои руки. При Мазепѣ свободный выборъ полковниковъ прекратился совсѣмъ, такъ какъ этотъ гетманъ умѣлъ стать самовластителемъ.

Какіе же результаты получались полтавцами при сохраненіи права свободнаго выбора себѣ полковниковъ почти до конца XVII в.? На этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: 1) при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего пятью-шестью лицами изъ мѣстныхъ богачей и 2) послѣдніе, интригуя изъ за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ-выборщиковъ въ послушное свое орудіе...

Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“, не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти уничтожиться...

портретъ Гердика; но послѣ погробенія митрополита, какой то монахъ нашелъ неудобнымъ находеніе Гердиковаго портрета около новой могилы и будто бы тогда же портретъ этотъ тутъ же былъ брошенъ въ печку.. (Ср. Кіево-Печерская лавра въ ея прош. и наст. состояніи, стр. 64).

Письмо Н. И. Костомарова.

Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова съ вопросами о тѣхъ или другихъ частностяхъ по исторіи Малороссіи, помѣщаемъ здѣсь одно, показывающее, какъ сѣтовалъ историкъ на недостатокъ источниковъ для изученія «семейной и домашней жизни» въ старой Малороссіи.

«Многоуважаемый А. М. Сердечно Васъ благодарю за обязательное сообщеніе замѣчаній о Мазепѣ и за доброе обѣщаніе доставить мнѣ письменныя свѣдѣнія. Вотъ уже мѣсяць сажу я въ Москвѣ и работаю въ обоихъ архивахъ—министерства иностр. дѣлъ и министерства юстиціи, надъ источниками для исторіи Малороссіи эпохи Самойловича и Мазепы, и всечасно чувствую вообще недостаточность официальныхъ источниковъ тамъ, гдѣ нужно знать не факты и явленія, но причины ихъ, исходящія изъ духовной жизни и ея развитія. Съ какого рода источниками имѣю я дѣло? Съ донесеніями гетмановъ, посланцевъ ихъ, московскихъ чиновныхъ людей, ѣздившихъ по разнымъ дѣламъ въ Малороссію, съ распросными рѣчами выходцевъ и полоненниковъ и письмами..... (?), считались умѣстными по ихъ полученію откуда бы то ни было доставлять въ приказъ! И только. Откровенности бываетъ тутъ немного, а часто и ложь умышленная либо по малознаию. Семейная и домашняя жизнь ускользаетъ: вотъ почему даже до сихъ поръ я не зналъ кто такая была жена Мазепы и узналъ только отъ Васъ. Сдѣлайте мнѣ исполните Ваше обѣщаніе: пришлите свѣдѣнія о г-жѣ Мазепѣ, да и о тѣхъ продѣлкахъ, которыя онъ дѣлалъ еще до своего гетманства при Самойловичѣ. Не замедлите доставить эти свѣдѣнія и обяжите меня вѣчною признательностію.

Глубоко и проч. Н. Костомаровъ.

Ваши статьи въ Русскомъ Архивѣ о малороссійскихъ фамиліяхъ я читалъ съ жадностію. Безспорно. и никто не имѣлъ подъ рукою такого богатства матеріаловъ для исторіи и особенно ея прошедшаго внутренняго быта какъ Вы! А именно внутренняя жизнь Малороссіи очень темна: я, напримѣръ, гораздо яснѣе представляю себѣ особенности стараго великорусскаго быта, чѣмъ малороссійскаго. О Великороссіи сохранилось много описаній иностранныхъ путешественниковъ, много и домашняго писанія, а о Малороссіи скудно было и того и другого. Конечно, извѣстно намъ, что бытъ интеллигентнаго общества былъ польскій въ главныхъ чертахъ, но въ подробностяхъ разнился отъ него, а еще болѣе въ духѣ. Спрошу я Васъ, не можете ли на основаніи извѣстныхъ Вамъ свѣдѣній сообразить: 1) Въ одномъ актѣ м. юст. 1675 значится въ числѣ корсунскихъ мѣщанъ, передавшихъ къ царю Степанко, пасынокъ гетмана Богдана Хмельницкаго, посланный прежде отъ Дорошеня къ польскому королю? Какая изъ трехъ женъ Хмельницкаго была вдова съ дѣтьми отъ ея перваго мужа? 2) Въ Лѣтониси занятій Арх. Коммиссіи есть сообщеніе гр. Владислава Пляттера, что Мазена родился въ 1629 году. Есть ли основанія вѣрить этому извѣстію? ¹⁾

Москва. Сентября 23 (1877 г.). Гостиц., Лоскутная. № 30.

¹⁾ На послѣдній вопросъ мы отвѣчали, сколько поминимъ, незнаемъ, потому что не знали тогда напечатанной въ „Bibliotek'а Warszawsk.“ (1855 г., I, 331—346) статьи неизвѣстнаго автора—„Мазера. Noty historyczne“, заключающей въ себѣ замѣчательно обстоятельный сводъ едва ли не *всего* печатнаго матеріала о происхожденіи и молодости Мазены. Въ этихъ замѣткахъ годонъ рожденія Мазены указанъ 1629-й, на основаніи свидѣтельства іезуита Виранча (1717—1793) въ его „Uwag'achъ nad historjâ odmiann-zasług w państwie Rosyjskim, prk'asъ Lacomb'a паризапа“. Нѣтъ сомнѣнія, что гр. Пляттеръ свое сообщеніе основалъ на указанной статьѣ.

ИЗЪ ИСТОРИИ СЕЛЬ И СЕЛЯНЪ

ЛЪВОВОЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССИИ.¹⁾

4. Полковникъ Галаганъ въ приднѣпровскихъ своихъ мастностяхъ.

Въ Приднѣпровьѣ у Галагана было двѣ мастности: м. Еремѣвка и с. Липовое, входившія въ составъ чигриндубровской сотни, а послѣдняя занимала побережья Сулы при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣннѣи, но раньше имѣла уже свои поселенія. Монахи кievскаго Николаевскаго монастыря сохранили любопытный актъ, по которому какой то дворянинъ Михаилъ Павша²⁾ подарилъ ихъ монастырю „селище Климьтинъ --- съ сульскимъ входомъ --- со всѣми входами и приходы, што изъ старины къ тому Климьтину тягло и прислухало“ ---³⁾ Впослѣдствіи монахи объясняли, что подаренныя Павшею земли включали въ себѣ—побережье Днѣпра отъ урочища Бѣлоберѣжья до озера Дубка, на пространствѣ 25-ти верстъ и вверхъ по Сулѣ—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра... На этихъ земляхъ, „тянувшихъ“ къ Климьтину, монахи, въ XVI в., успѣли устроить, повидимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель произ-

¹⁾ См. выше, стр. 1.

²⁾ Несѣдкій (VII, 264), говоря о Павшахъ, первымъ изъ нихъ называетъ Николая, жившаго уже въ к. XVI в. (1589 г.)

³⁾ Акты Ю. и З. Россіи, I, 45. Селище Климьтинъ подъ именемъ урочища „Клеменга святого“ упоминается неразъ затѣмъ въ историческихъ актахъ к. XVI в., илар. въ Книгѣ посольск. метр. в. кн. литовск., I, 36 и II, 306.

водилось уже помимо монаховъ,—нахлынувшимъ сюда, съ конца XVI в., населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое стало садить здѣсь слободы сначала самостоятельно, а потомъ—подъ началомъ захватившихъ берега Сулы и ея притоковъ Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣреніямъ, на самомъ селищѣ Климатинскомъ и добились въ 1612 г. рѣшенія люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого рѣшенія въ исполненіе не смогли¹⁾... Затѣмъ, когда поляки были изгнаны изъ лѣваго берега Днѣпра войною Хмельницкаго, монахи Николаевского монастыря, предъявляя этому гетману свои права на климатинскія земли, стали доказывать, что на послѣднихъ поселились мѣстечки: Жовнинъ, Еремѣвка, Чигриндуброва и Власовка, которыя поѣтому де и должны принадлежать Николаевскому монастырю. Хмельницкій, не провѣряя этихъ притязаній, выдалъ монахамъ универсалъ, подтвердившій за ними лишь право на земли климатинскія, безъ обозначенія ихъ границъ. Такой документъ, разумѣется, не могъ удовлетворить монаховъ и они выпросили у Многогрѣшнаго, въ 1670 г., другой универсалъ, уже съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ земель, которыя будто бы принадлежали къ Климатинскому селищу. По этому универсалу за Николаевскимъ монастыремъ гетманъ утверждалъ: „городища, селища и грунта—Климатинъ, нынѣ называемый Жовнинъ,—климатинскіе уходы, или иначе жовнинскіе, около Сулы—Бѣлобережье²⁾, Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро --- и противъ Веремѣвки --- уходы чигриндубровскіе около Сулы и Днѣпра, до городища Пивовъ“ и т. д. Такимъ образомъ Многогрѣшный утверждалъ за Николаевскимъ монастыремъ огромное пространство днѣп-

¹⁾ Вып. изъ книгъ гродск. воев. кievск., 29 дек. 1612 г.

²⁾ Нѣсколько лѣтъ назадъ намъ случилось видѣть межевой планъ с. Лилипецъ (рядомъ съ Еремѣвкою) и въ числѣ урочищъ, обозначенныхъ на этомъ планѣ, одно называется—„Бѣлыми берегами“. Хотя урочища съ этимъ названіемъ встрѣчаются очень нерѣдко по берегамъ большихъ рѣкъ, но вѣроятно эти лилипецкіе „Бѣлые берега“ и есть то Климатинское *бѣлобережье*, о которомъ говоритъ универсалъ Многогрѣшнаго.

ровскаго побережья, въ площадь котораго входила и Еремѣвка,—подъ видомъ чигриндубровскихъ уходовъ по Днѣпру и Сулѣ... На основаніи гетманскаго универсала выданы были Николаевскому монастырю и царскія грамоты, повторившія тотъ же перечень „городищъ и селищъ“. Но, несмотря однако же на эти акты, монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на климатинскія земли, потому что людская память расходилась съ притязаніями монаховъ, ничего не зная ни о дѣйствительномъ владѣніи Николаевскаго монастыря доставшимися ему по акту Павши землями, ни о границахъ этихъ земель... Монахи замолчали и ждали удобнаго времени. Между тѣмъ возникшія на „тянувшихъ“ къ Климатину земляхъ поселенія росли и множились въ своемъ населеніи, пользуясь тѣми экономическими выгодами, которыя представляло Приднѣпровье для своихъ жителей. Выросла и Еремѣвка, получившая свое названіе отъ знаменитаго отступника Іереміи Вишневецкаго. Въ 1649 г. Еремѣвка составляла уже отдѣльную сотню лубенскаго полка. Затѣмъ, впрочемъ, татарскія разоренія, отъ которыхъ такъ сильно пострадала югозападная Малороссія въ семидесятихъ годахъ XVII в., коснулись и Еремѣвки, значительно умалившейся отъ этого въ своемъ населеніи и переставшей даже быть сотеннымъ центромъ; но къ к. XVII в. Еремѣвка снова стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.

Когда, по прутскому договору 1711 г., правая сторона Днѣпра отошла къ Польшѣ и тогдашній чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ лишился и своего полковничества, и заднѣпровскихъ маестностей, то Скоропадскій, для возмѣщенія этихъ потерь, отдалъ Галагану Еремѣвку, какъ находившуюся поблизу отъ принадлежавшаго этому полковнику села Липоваго.

Получивъ еремѣвскихъ крестьянъ въ послушенство, Галаганъ черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ привлекать къ тому же послушенству и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были посланы на строгіе кіевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Кіеву полковъ, то еремѣвскіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился выданный по этому случаю универсалъ Скоропадскаго еремѣвскому ата-

ману съ его козаками: „донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу кіево-печерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государевыхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше „глупство и ослушаніе“ порицая, симъ нашимъ універсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рейментарско приказуемъ, чтобы, не заглядывая на власть пана Галагана, полковника прилуцаго, и не страшаяся его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали“ и пану полковнику лубенскому, какъ своему старшему, всякое должное послушенство въ войсковыхъ услугахъ отдавали, по прежнему до полку къ сотнѣ чигриндубровской „прислушая“--- А если бы кто изъ васъ, товариства еремѣевского, и ннѣшнему универсальному указу нашему оказался противенъ, такового тогда --- велимъ, какъ „противника и бунтовника“, насильно брать и, забивши въ колодки, въ Глуховъ подъ арестъ привозить и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать.“¹⁾

По ревизіи 1723 г. въ Еремѣевкѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ. Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ „бояръ“ и „куреничовъ“. А между тѣмъ и николаевскіе монахи нашли, что обстоятельства измѣнились и что снова можно было заявить свои притязанія на „тянувшія“ къ Климятинскому селищу земли... Въ 1731 г. монахи начали противъ Галагана формальный процессъ за Еремѣевку, требуя признанія ихъ правъ на это мѣстечко. Процессъ этотъ по тогдашнимъ порядкамъ затянулся на многіе годы. Галаганъ, опираясь на царскую грамоту, по которой Еремѣевка утверждена была за нимъ въ 1714 г.,

¹⁾ Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г., № 5. Въ универсалѣ означенъ ошибочно 1709 г. Долженъ онъ относиться къ 1720 г., когда строилась кіевская крѣпость.

повидимому не особенно беспокоился монашескими притязаниями; его болѣе беспокоили тѣ событія, которыми сопровожались сначала устройство украинской линіи, а потомъ походы польскій и крымскій (1730—1736). Для сооруженія первой правительствомъ въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ—слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. Событія эти отразились на еремѣвскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: „по ревизіи 1731 г. въ Еремѣвкѣ состояло двораго числа людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ наступили съ поляками и турками военные походы, да поставлены были въ Еремѣвкѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненія льда на Днѣпрѣ, то еремѣвскіе подданные, оставя свои дворы впускъ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Еремѣвкѣ принадлежащихъ и наеремѣвской земли Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ, до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единого человѣка не осталось“. — Такъ рассказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ для Галагана невгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для крымскаго похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда чигриндубровский сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Еремѣвкѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои „куренчики“, вслѣдствіе чего и невозможно выслать указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, что Булюбашемъ и было исполнено въ 1734 г. По окончаніи крымскаго похода, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Еремѣвки пополнить тамошними козаками и сталъ ихъ тѣснить, заставляя переходить къ нему въ подданство.

Но за козаковъ вступился преемникъ Булюбапа, Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрь 1745 г. писалъ: „въ маенности моей Еремѣевкѣ—козакъ и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываютъ мнѣ надлежащихъ повинностей, безправно владѣя моею землею. И такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ чигриндубровскій сотникъ Бутовскій до надлежащихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ“. Въ заключеніе Галаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе главнымъ образомъ о томъ—кто изъ козаковъ живетъ на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселясь въ Еремѣевку уже послѣ 1711 г., и сами не знали—на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить еремѣевскихъ козаковъ, желая, чтобы они „подписались быть его подданными“... Какія мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ рассказываетъ Бутовскій: „въ бытность мою въ Еремѣевкѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ ономъ мѣстечку чинимыя обшпитованнымъ прилудчимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ еремѣевскихъ вуренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобранны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому челоуѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ—лозу, володы дерева, что найдетъ во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое—возвращаетъ. Видя такое на-

силіе, многіе козакѣ подписались. Также сѣна, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубить козачьи лѣса и поотнимать у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацтво или грунтъ, на которомъ живетъ, козачьимъ свидѣтельствуеть, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видалъ я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишеть Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зими козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или—чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ древнему обыновенію, яко побережныя, могутъ не токмо въ инныя мѣста, но и за Днѣпръ, въ польскую область, учинить побѣгъ“...

Такія же свѣдѣнія о насиліяхъ Галагана представилъ въ Глуховъ и еремѣевскій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. „Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писалъ атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и зваши статки (движимость) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачьихъ, сгоняеть и бьеть нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались“...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было рѣшено: спросить еремѣевскихъ козаковъ—„желаютъ ли они, оставя имѣющіеся подъ оними козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана за нимъ въ подданствѣ и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачьи грунта—описать и спросить кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козакаго званія, кому бы можно по наследству грунта эти для отбыванія за

нихъ козачьей службы, отдать... А онѣмъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочетъ, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею"... Это необычайное распоряженіе глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣдному полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насилиямъ и уже фактически стали его подданными.

Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены „бояре“ Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею т. е. въ козачествѣ или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣющіеся козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онѣмъ въ подданствѣ". Такимъ образомъ Галаганово верстаніе еремѣевскихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которой одна изъ главныхъ обязанностей заключалась въ наблюденіи, чтобы козаки не переписывались въ посольство и тѣмъ не умаляли количества служилыхъ людей. Но въ половинѣ XVIII в. старшина уже не справлялась съ законами, когда дѣло касалось личныхъ ея интересовъ... Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не пришлось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи, послѣдовало въ 1749 г. рѣшеніе Сената, по которому еремѣевскіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Николаевскому монастырю. Для передачи этихъ крестьянъ новому владѣльцу назначенъ былъ миргородскій полковой судья Федоръ Остроградскій и переяславскій сотникъ Леонтовичъ, по описи которыхъ монахамъ было отдано въ Еремѣевкѣ: 88 дворовъ съ 112 хатами и 41 пустыхъ усадьбъ съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизіи 1723 года въ Еремѣевкѣ числилось крестьянъ около 400 дворовъ, то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ, менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ, уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжесть повинностей держав-

ческих и общественных и продолжавшееся въ XVIII в. возникновеніе слободъ, гдѣ крестьяне находили временныя льготы, для которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Но кромѣ Еремѣевки, у Галагана въ Придѣйровки была еще одна маеность—село Липовое, расположенное невдалекѣ отъ Сулы. Сначала Липовое поселено было у самой Сулы, по прибрежный песокъ, нанесенный вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Семакъ рассказывалъ въ 1745 г., что дѣдъ и отецъ его издревле жили въ Липовомъ. на урочищѣ Семаковкѣ, а потомъ, когда, за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ... Липовое оставалось свободнымъ до 1710 г., когда Скоропадскимъ отдано было Галагану, бывшему въ то время чигиринскимъ полковникомъ; а когда, вслѣдствіе прутскаго договора, это полковничество уничтожилось, то Галаганъ, перейдя на лѣвый берегъ, задумалъ было поселиться въ Липовомъ. Липовскій козакъ Цыбуля рассказывалъ въ томъ-же 1745 г., что, „когда Галаганъ съ той стороны Днѣпра пришелъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули; а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ...

Переселившись въ Липовое, Галаганъ вмѣстѣ съ крестьянами завладѣлъ и козаками, повернувши ихъ частью въ „бояры“, а частью въ „куренчики“. Козаки болѣе тридцати лѣтъ мирились съ своимъ положеніемъ, но когда сотникъ Александръ Бутовскій вступился за еремѣевскихъ козаковъ, стали жаловаться и липовскіе. Въ 1745 г. они писали: „прадѣды, дѣды и отцы наши, поселясь въ селѣ Липовомъ, когда оно садилось слободою, на свободныхъ козачьихъ нивахъ, которыя они же поднимали изъ цѣлины, жили свободно. Потомъ, къ намъ въ село стали переселяться козакъ изъ другихъ мѣстъ, покупая грунта у старинныхъ липовскихъ козаковъ и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія липовскихъ „мужиковъ“ во владѣніе Галагану.

И сначала владѣнія Галаганомъ тѣми липовскими мужиками, которыхъ въ то время было немного, а грунтовъ у нихъ

и знать было нечего,—мы, козаки, ни отъ Галагана, ни отъ его приказчиковъ не имѣли никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г. А въ настоящемъ 1746 году Галаганъ, наѣхавъ въ с. Липовое, сталъ чинить намъ неслосныя и нестерпимыя обиды: бьетъ, принуждаетъ „робить панщины“, выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ; и совсѣмъ хочетъ подвернуть насъ себѣ въ подданство, а нѣкоторые изъ насъ уже и „подвертались“ къ нему въ подданство со страху, что „весьма бьетъ“. Жалоба эта была написана 7 сентября, а черезъ три недѣли липовскіе козаки снова писали, что Галаганъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, „наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на дома нѣкоторыхъ изъ насъ,—окна, лавки и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабиралъ и нивъ нашихъ собственныхъ оратъ не позволяеть, покощенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволялъ, хутора наши разоряетъ“. Однимъ словомъ здѣсь повторилась та же исторія, что и въ Еремѣевкѣ. Галаганъ по какимъ то основаніямъ находилъ, что изъ липовскихъ козаковъ—24 двора поселены были на его земляхъ и требовалъ, чтобы они признаны были его крестьянами. Лубенскій полковникъ выслалъ слѣдователя, по распросамъ котораго оказалось, что многіе липовскіе козаки уже болѣе тридцати служили у Галагана „боярами“, а изъ бояръ они перешли въ крестьяне, такъ какъ не подъ силу было имъ бороться съ такимъ сильнымъ державцею, какимъ былъ Галаганъ. Въ виду давности пребыванія липовскихъ козаковъ въ подданствѣ у Галагана, помочь имъ было уже трудно и поверстанные въ крестьяне липовскіе козаки такъ и остались крестьянами....

Владѣніе Галагана въ Липовомъ выразилось слѣдующими цифрами: въ 1740 г. тутъ было козаковъ—27 и крестьянъ—24 двор., а черезъ 40 лѣтъ, въ 1780 г., козаковъ осталось почти столько же (28 дв.), а крестьянъ стало втрое болѣе—72 двора.

5. Земельные захваты Булюбашей.

Мы видѣли, что чигриндубровскіе сотники Булюбашъ и Бутовскій довольно энергично защищали еремѣевскихъ козаковъ отъ насилій Галагана; но защиту эту не слѣдуетъ приписывать какимъ либо другимъ побужденіямъ, кромѣ личныхъ интересовъ обоихъ этихъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій отстаивали козаковъ отъ галагановскаго поработченія, завидуя богатству прилуцкаго полковника, и конечно думали, что для „скупли“ грунтовъ у тѣхъ же самихъ козаковъ и обращенія затѣмъ продавцовъ въ своихъ подсосѣдковъ, у нихъ, мѣстныхъ сотниковъ,—гораздо больше правъ, чѣмъ, у полковника чужог полка, да при томъ же еще и богача...

Иванъ Булюбашъ правилъ чигриндубровскою сотнею около тридцати лѣтъ (1706—1734) и за это время захватилъ на десяти верстѣ земельныхъ угодій изъ южно-сульскаго побережья. Захватъ Ивана Булюбаша продолжалъ и сынъ его Демьянъ, бывший лубенскимъ полковымъ судьей. Захваты Булюбашей были произведены главнымъ образомъ изъ громаднaго земельного богатства села Шуваловки. Село это возникло въ в. XVII в., изъ чигриндубровскаго выселка, который причислялъ къ своимъ землямъ обширное пространство степи на лѣвомъ берегу Сулы, недалеко отъ ея устья. Уже при Мазепѣ Булюбашъ захватилъ западную полосу этой степи, слывшую подъ именемъ урочища Кагамлыка, на которой и поселилъ три хутора: Горбы, Гринки и Сидоры.

Поселивъ эти хутора и имѣя на нихъ юридическій актъ лишь въ одномъ „листѣ“ полковника Зеленскаго, оказавшагося въ 1708 г. Мазепинымъ согласникомъ, Булюбашъ обратился въ 1709 г. къ своему новому полковнику Савичу, прося его подтвердить ему „Кагамлыкъ.“ Въ выданномъ Савичемъ „листѣ“, читаемъ: „вамъ панамъ старшинѣ городской чигриндубровской, при желаніи добраго здоровья, объявляемъ, что какъ за бывшаго полк-чика, кагамлыцкіе „поселяне“ ваходились въ послушаніи сотника Ивана Булюбаша, такъ и теперь, уважая заслуги послѣдняго, мы приказываемъ вамъ, чтобы вы тѣхъ поселянъ до

городскихъ (т. е. чигриндубровскихъ) дѣлъ не привлекали, а войту „села Кагамлыка“ приказываемъ, чтобы онъ со всѣми жителями того села, по „прежней обыкности“, отдавалъ послушаніе „разоренному дому“ п. Булюбаша...

Съ листомъ Савича Булюбашъ считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ „села Кагамлыка“, которое, какъ видно, служило общимъ названіемъ поселенныхъ имъ хуторовъ. Но когда Булюбашъ былъ отставленъ отъ сотничества, вѣроятно по старости, то преемникъ его по уряду, Бутовскій, заявилъ свое притязаніе на Кагамлыкъ, находя, что кагамлыцкіе хутора должны составлять ранговую маетность чигриндубровскихъ сотниковъ. Будучи въ крымскомъ походѣ въ 1738 г., Бутовскій успѣлъ выпросить у фельдмаршала Ласси письменное предстательство въ Петербургъ, по которому Кагамлыкъ и былъ отданъ Бутовскому на рангъ. Булюбашъ пожаловался въ Сенатъ, произведено было слѣдствіе и оказалось, что еще въ 1707 г. дубенскій полковникъ (Зеленскій) отдалъ Бутовскому, „за службы“, три хутора, называемые Горбы, Гринки и Сидоры, въ которыхъ хуторахъ и на „прикупленныхъ“ къ нимъ земляхъ Булюбашъ поселилъ вольныхъ людей и тѣ хутора названы селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ нашель, что Кагамлыкъ отобранъ отъ Булюбаша неправильно и въ 1742 г. присудилъ—вернуть ему это село. Современемъ названіе Кагамлыка было забыто и вмѣсто него явилось—село Горбы и двѣ деревни—Гринки и Сидоры, существующія подъ этими названіями и теперь.

На шуваловскихъ же земляхъ поселилъ Иванъ Булюбашъ и теперешнее село Лебеховку. Земли эти приобрѣтены были большею частью посредствомъ „скупки“. Приобрѣтенія эти въ юридическомъ отношеніи были сомнительны и добыть на нихъ законный актъ было нелегко. Поэтому о такомъ актѣ Булюбашъ сталъ хлопотать уже подъ конецъ своего сотничества и—заручившись, какъ видно, добрымъ расположеніемъ къ себѣ своего полковника Петра Апостола. Отъ послѣдняго въ 1733 г. и былъ выданъ Булюбашу, на Лебеховку, слѣдующій любопытный „универсаль“: „Объявляемъ симъ нашимъ *универсаломъ*, кому о семъ нынѣ и въ потомные часы вѣдать надлежитиметь; а

особливо п. п. старшинамъ чигриндубровской сотни, городовымъ и сельскимъ, что сотникъ чигриндубровскій п. Иванъ Булюбашъ поданнымъ намъ прошеніемъ объявилъ, что, имѣя онъ въ той же сотнѣ давнимъ временемъ и вповь недавно купленные грунта въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на урочищѣ Лебеховкѣ, гдѣ *и слобода осажена*, явилъ на оныя грунта купчія и урядовыя записи; и хотя тѣми грунтами и слободою онъ спокойно владѣеть, однако, дабы и впредь въ томъ владѣніи, какъ онъ самъ, такъ и потомство его не имѣли ни отъ кого препятія и трудности, просилъ на сіе нашего подтвердительнаго универсала. Но понеже заходило сомнѣніе, всѣ ли оныя грунта чистою куплею приобрѣтены (набыты) и нѣтъ ли кому съ подкомендныхъ его отъ кого обиды и спору, того ради нарочно посланъ былъ отъ насъ полку нашего значковый товарищъ, гражданинъ лубенскій, Семень Мирецъ съ тоєю инструкціею, дабы онъ, зѣхавъ въ означенную сотню и тамо—которые суть въ живыхъ продавцы тѣхъ грунтовъ, на которые явлены купчія записи, а которыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кто о такой продажѣ и куплѣ извѣстенъ, всѣхъ приглася къ себѣ, спрашивалъ ихъ и взялъ бы у нихъ за руками сказки, если продали съ доброй воли, а не съ принужденія какого и утиску, пану сотнику тѣе грунта или вѣдаютъ о такой продажѣ... Изъ этого акта видно, что Булюбашу для получения на Лебеховку универсала отъ глуховскихъ правителей, замѣнившихъ умершаго гетмана Апостола, нужно было представить такія данныя, которыя не возбудили бы сомнѣнія... Вотъ для этого собственно и потребовался такой обстоятельный документъ отъ мѣстнаго полковника, который, конечно, охотно бы выдалъ свой актъ на всякую скуплю... Получивъ отъ полковника желаемыя свѣдѣнія, Булюбашъ уже безъ труда получилъ отъ вв. Баратинскаго, тогдашняго правителя Малороссіи, крѣпкій универсалъ на Лебеховку, которую такимъ образомъ и закрѣпилъ за собою.

Захватъ шушваловскихъ земель продолжалъ и сынъ Ивана Булюбаша—Демьянъ, занимавшій урядъ лубенскаго полковаго судьи. Какъ велики были захваты Булюбаша—сына видно изъ показанія шушваловскихъ козаковъ, которое было записано при

составленіи генеральной описи. Въ этомъ показаніи читаемъ:
 „а^бшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булю-
 башъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими нашими общими
 козачьими грунтами завладѣль и съ оныхъ, съ спокойного
 предковъ нашихъ и самихъ насъ владѣнія, грабительствами,
 побоями вытѣсненіе намъ чинить, а самъ ненадлежаще ими
 корытуется; а завладѣль онъ слѣдующими землями: отъ рѣчки
 отъ Полной всѣми кутами по Лебеховку, и въ тѣмъ кутамъ
 пахатною землею по Мамичевъ бродъ да по Хилькову гре-
 бельку, въ длину—версть на 4, а въ ширину—версть на 3.
 Да захватилъ онъ, Демьянъ Булюбашъ, наши земли по Мих-
 нову могилу да по могилу Мандриделину, подѣ самое с. Шуш-
 валовку, а затѣмъ отъ Свѣтайловой могилы до Стовбовахи, а
 отъ Стовбовахи по Лебедишину могилу, въ длину—6, а въ
 ширину—4 версты; и на той нашей козачьей общественной
 землѣ поселилъ слободки: *Столбоваху, Кринки и Марченкову.*
 Да завладѣль сагою (рѣчкою) Лебеховкою и не позволяетъ
 намъ не только косить на той сагѣ камышъ для крышъ на
 наши дома, но не допускаетъ и скота поить... А если кто камышу
 накоситъ, то забираетъ у тѣхъ скотъ, а другихъ бьетъ и не-
 малый икупъ (штрафъ) чорными смушками беретъ; а у кого
 смушковъ нѣтъ, то тѣхъ заставляетъ накоситъ ему, Булюбашу,
 по 25 копицъ сѣна отъ хаты. Да въ той же сагѣ издревле вольно
 было намъ ловить рыбу, а теперь Булюбашъ не допускаетъ...

Невдалекѣ отъ Столбовахи (теперь село) находится сло-
 бода *Слюзовка*. Это тоже—захватъ Булюбаша, но еще отца. На
 мѣстѣ этой слободки находился хуторокъ козачки Татьяны
 Брусихи. За „нѣкоторое прегрѣшеніе“¹⁾ послѣдней Иванъ Бу-
 любашъ, по своей сотничьей власти, хуторокъ этотъ отобралъ и
 подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ прихватилъ и
 козачьихъ „общихъ“ земель въ длину на пять, а въ ширину
на четыре версты... Такъ показывали въ 1767 г. тѣже шуш-
 валовскіе козаки.

¹⁾ Несомнѣнно, что „прегрѣшеніе“ было любовное..... За оправданіе въ та-
 кихъ прегрѣшеніяхъ стѣдливые малороссы подирали старшій всегда хоршую изду..

Захваты Булюбашей къ концу XVIII в. выразились тѣмъ, что въ 1780 г. у нихъ, на захваченныхъ земляхъ, было крестьянъ: въ с. Лебеховкѣ—41 дв. и 60 хатъ; въ д. Гринкахъ—32 дв. и 53 х.; въ с. Горбахъ—24 дв. и 60 х.; въ д. Сидорахъ—8 дв. и 29 х.; въ слоб. Кринкахъ—8 дв. и 21 х. и въ слоб. Стововахъ—15 дв. и 26 х., а всего—128 дв. съ 249 хат.

Для полноты картины захвата шушваловскихъ земель, слѣдуетъ сказать о происхожденіи возникшаго на этихъ же земляхъ села *Кривой Руды*. На мѣстѣ теперешней Кривой Руды, въ к. XVII в., былъ хуторъ, принадлежавшій охочевомонному полковнику Ивану Рубану. Состарѣвшись, Рубанъ постригся въ монахи, а хуторъ передалъ сестрѣ своей Евдокии Тюпчихѣ, которая умирая въ 1714 г., завѣщала этотъ хуторъ „Лялинскому монастырю“, какъ сказано въ завѣщаніи. Монастыря Лялинскаго не было, но такъ какъ Лялинцы принадлежали Переясловскому монастырю и въ селѣ этомъ жилъ особый городничій-монахъ, то лялинская церковь и слыла въ народѣ монастыремъ. Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., переяславскіе монахи стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ криворудскими. Захваченныя монахами земли стали у нихъ отнимать чигриндубровскіе и шушваловскіе казаки, которыхъ хутора поселены были вокругъ Кривой Руды. Возникло судебное дѣло, для веденія котораго казаки выбрали повѣреннымъ своего атамана Дмитрія Салогуба; послѣдній пригласилъ къ себѣ въ товарищи значковаго товарища Якова Самуся, съ которымъ и велъ это дѣло по судамъ, пока въ 1747 г. не кончилъ его съ монахами миромъ, причемъ послѣднимъ отдана была часть криворудской степи, а монахи, въ свою очередь, признали за чигриндубровскими и шушваловскими казаками право на тѣ ихъ хутора, которые возникли тутъ до спора. Значительнѣйшими изъ этихъ хуторовъ были: *Торяники*, у самой Кривой Руды, и хуторъ *Самусевка*, устроенный Ульяною Самусихою, матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, чигриндубровскіе и шушваловскіе казаки впоследствии рассказывали, что отъ такого окончанія ихъ спора выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый—захватилъ землю, прилегавшую къ Кривой

Рудѣ, длиною въ 4, а шириною въ 1 $\frac{1}{2}$ версты и поселилъ на ней слободу Торяники, которая къ концу XVIII в. стала селомъ¹⁾; а Самусь, къ хутору своей матери, прихватилъ земли еще больше: на 3 версты длиною и шириною; тутъ возникла тоже значительная слобода—Самусевка.

Изъ незначительнаго рубановскаго хутора монахи къ в. XVIII в. образовали село, въ которомъ въ 1780 г. было уже 100 дворовъ съ 118 хатами и которое, сохраняя память о монашескомъ владѣннн, называется иногда и *Чернетчиною*. Хозяева Торяниковъ и Самусевки, не принадлежа къ старшинѣ, не могли садить крестьянъ въ своихъ слободахъ; вмѣсто нихъ садили они *подсосѣдковъ*; „подсосѣдками“ называется здѣшнее крестьянское населеніе еще и въ 1780 г., когда его было: въ Торяникахъ—24 дв. и 52 х., а въ Самусевкѣ—22 дв. и 60 х. Указъ 3 мая 1783 г. этихъ подсосѣдковъ обратилъ въ крестьянъ, собственниками которыхъ стали прежніе козаки, пробравшіеся затѣмъ, при наличности у нихъ этихъ крестьянъ, въ „паны“...²⁾.

Въ 1783 г. указомъ императрицы Екатерины II о подсосѣдкахъ, въ которыхъ были крестьяне, принадлежавшіе козакамъ, объявлено, что они принадлежатъ козакамъ, и что козаки должны ихъ выкупить. Но козаки не выкупили ихъ, и они остались у подсосѣдковъ. Въ 1783 г. указомъ императрицы Екатерины II о подсосѣдкахъ, въ которыхъ были крестьяне, принадлежавшіе козакамъ, объявлено, что они принадлежатъ козакамъ, и что козаки должны ихъ выкупить. Но козаки не выкупили ихъ, и они остались у подсосѣдковъ. Въ 1783 г. указомъ императрицы Екатерины II о подсосѣдкахъ, въ которыхъ были крестьяне, принадлежавшіе козакамъ, объявлено, что они принадлежатъ козакамъ, и что козаки должны ихъ выкупить. Но козаки не выкупили ихъ, и они остались у подсосѣдковъ.

¹⁾ Теперь Торяники слились съ селомъ Кривою Рудою, составляя южную его часть.

²⁾ Приведенныя въ этихъ очеркахъ свидѣнія взяты нами изъ находившейся въ полтавской казенной палатѣ Румянцевской описи, частью которой мы пользовались лѣтъ двадцать назадъ, когда опись была еще цѣла.

Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.

Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.

Въ Киевск. Старинѣ 1883 г. была напечатана статья г. Кондратовича — «Задунайская Сѣча», въ которой приведены любопытныя свѣдѣнія о состояніи задунайскихъ запорожцевъ въ первой половинѣ настоящаго вѣка, основанныя преимущественно на всушныхъ разсказахъ древняго старика Коломійца. Недавно мы приобрѣли книжку съ такимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя свѣдѣнія о призожъ березь Дунал, собранныя въ 1826 г. Спб. Въ тип. генер. штаба. 1827. 16° 63 стр. Съ план. крѣпости Тульчи.* Книжка эта ни въ какихъ каталогахъ не значится и по отсутствію въ ней цензурнаго разрѣшенія, можно думать, что она напечатана по распоряженію военнаго начальства и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, собранныя офицерами генеральнаго штаба, наканунѣ турецкой войны 1828—29 гг. Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ, во многомъ дополняющія статью г. Кондратовича.

Перепечатка дѣлается съ сохраненіемъ какъ правописанія, такъ и курсивовъ подлинника.

«*Большія Дунаецы, Запорожская Сѣча, отъ Тульчи въ лѣво, около 50 верстъ при рѣчкѣ Дунаецъ. Большія Дунаецы издавна обитаемы были некрасовцами и включали въ себѣ до 10 тыс. душъ. Онѣ служили до начала послѣдней войны средоточіемъ или сборнымъ мѣ-*

стомъ всѣмъ *Некрасовцамъ*, живущимъ въ окрѣстныхъ и отдѣленныхъ мѣстахъ.

Запорожцы же тогда жили къ Дунаю. Они имѣли сѣчу свою на рѣкѣ сей, въ мѣстечкѣ *Семенахъ*, около 50 верстъ выше Гирсова и нѣсколько ниже *сухого Дуная*; откуда въ 1805 году за разбой на Дунай (Гайдамачество) Фирманомъ переведены къ берегамъ *Чернаго моря*, въ сосѣдство къ *Некрасовцамъ*. Имъ отведены были земли тамъ построены они мѣстечко, назвали его *Едрелесою*, (отъ имени пролива) и учредили въ ономъ свою сѣчу; но возникшія междуособія въ *Турецкой Имперіи* не долго оставили ихъ въ новыхъ жилищахъ. *Пелливанъ*, склонившій къ себѣ *Некрасовцевъ*, послалъ ихъ на *Запорожцевъ*, зависящихъ отъ *Браиловскаго Назыря*.

Напавъ на *Едрелесю* и разбѣявша жилища *Запорожцевъ*, *Некрасовцы* истребили и сожгли до основанія ихъ сѣчу, многихъ истребили, остальныхъ разбѣяли; нѣкоторые успѣли спастись въ *Браиловъ*, другіе продолжали скитаться по деревнямъ и по войскамъ до *Букарестскаго мира*; тогда возвратясь въ отведенныя имъ для жилищъ мѣста, и не найдя тутъ *Некрасовцевъ*, отошедшихъ большею частію къ *Марморному морю*, построили и учредили свою сѣчу, на томъ мѣстѣ, гдѣ были *Некрасовскіе большіе Дунавцы*, сохранивъ прежнее наименованіе мѣстечка, и поселились въ окрестностяхъ,

Въ *б. Дунавцахъ*, обнесенныхъ не высокимъ валомъ и сухимъ ровомъ, нынѣ находится церковь, одна изъ плетня здѣланная паланка кошевого начальника сѣчи и не болѣе 40 домовъ (куреней), въ коихъ живутъ 40 атамановъ. Приписанныхъ къ симъ 40 куренямъ, считаютъ до 40 т. душъ; всѣ имѣютъ тамъ свое управленіе.

Кошевой избирается атаманами безсрочно; они всѣ какъ и самъ кошевой холосты (бурлак.), и жить въ сѣчѣ никакой женщины не дозволено; кто же вступаетъ въ бракъ, тотъ часъ переселится въ въ селеніи. *Кошевой* отъ *Султана* имѣетъ *Топузъ* и два *Байрака* и пользуется властію равною съ трехъ—бунчужнымъ *Пашею*, зависи отъ одного только *Серискира въ Силистріи*.

Запорожцы не платятъ ни какой подати. *Порта* отводитъ имъ земли подъ селенія, даетъ на каждый курень по 300 левовъ (170 рублей) и по 2000 окъ (6000 фунтовъ) муки, называемой *сборочной*. Предъ симъ *порта* давала только по 200 левовъ и 1400 окъ муки; но сего года кошевой ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ исходатайствовалъ вышеупомянутую прибавку. За это во время войны они должны выставять требуемое число войскъ. Когда получается тако-

вой *Фирманъ*, то по наказу, збираются всѣ изъ селеній въ *В. Дунавцы* для выбора означеннаго числа на службу. На собраніяхъ сихъ и на выборѣ въ *кошевы* имѣютъ голосъ только они казаки, то есть: не женатые. Тяжелыя дѣла рѣшаются по деревнямъ сходкою, недовольный жалуется *кошевому*, рѣшеніе коего есть уже свято,—равно и твердо онъ имѣетъ власть по произволу казнить—за воровство и смертоубійство.

Некрасовцы, нанесшіе жестокой ударъ, истребленіемъ множества коренныхъ *запорожцевъ*, понудили съичу для приумноженія общества своего испросить права приписывать въ оное желающихъ. Нынѣ находится въ ономъ множество нашихъ бѣглыхъ солдатъ¹⁾ и крестьянъ. Прежде многіе *Турки* и *Молдавскіе* избѣгая смертной казни являлись къ нимъ и—впервые принявъ Христіанское исповѣданіе, оставались спокойными; ибо *Порта* по даннымъ имъ прежде правамъ, не имѣла власти требовать скрывшихся; но съ не давняго времени *Тульчинской* паша *Юношъ* получивъ званіе *Казакъ-Баши*,—разпространяетъ вліяніе свое нѣкоторымъ и на *запорожцевъ*, живущихъ вблизи его *Пашалюка*; и потому приписанныхъ *Турокъ* и *Молдаванъ* отбираетъ; но и сіе право не касается какъ только до женатыхъ; холостые же остаются не прикосновенными и правленіе *Турецкое* отнюдь не распространяетъ власть свою надъ сею сволочью не признающей никакой другой, кромя *Дунавцевъ*.

Управленіе *запорожцевъ* состоитъ: изъ одного *Есаула*, одного *писаря* и одного *Драюмана*, когдѣ съича содержитъ на свой счетъ. По обычаямъ *Кошевой* еслибъ и зналъ *Турецкой* языкъ, то подѣ смертною казнію не можетъ объясняться (на ономъ съ икъмъ либо присланнымъ отъ *Порты* или *Сераскира* или какого либо сосѣдственнаго *Паши*; но все черезъ *Драюмана* на *природномъ Малороссійскомъ языкѣ*.

Атаманы выдавали билеты за своею подписью тѣмъ изъ *Запорожцевъ*, кои переѣзжали на время къ намъ по коммерческимъ или другимъ дѣламъ. Билеты сии предъявлялись и прописывались въ нашихъ присудственныхъ мѣстахъ. Я много изъ оныхъ имѣлъ случай видѣть.

Большая часть сей сволочи, подѣ названіемъ *Запорожцевъ*, промышляетъ рыбною ловлею и живетъ на проливъ (ѣрикахъ) въ *Черноморіи*.

¹⁾ Служатъ однако преимущественно принимаютъ магометанскую вѣру въ *Тульчѣ* и *Шахѣ*.

ное море, *Едрелесъ-Буязъ* и *Парчица-Буязъ* — Рыбу продаютъ въ *Галациахъ* и по берегу *Чернаго моря* до *Азіюлы*. Многіе гнѣздяцца по островамъ между *Сунійскимъ* и *Килійскимъ Дунаемъ*, а наиболѣе на островѣ *Гассанъ-Баба*, не далеко отъ *Вылкова* въ весьма большомъ количествѣ, гдѣ есть и корчмы, тамъ живетъ одинъ и Турокъ назначенный для сбора десятины.

Збродъ сей прежде для насъ былъ весьма опасенъ. Имѣя родвенниковъ и друзей въ *Вылковѣ*, *Килии*, *Тучковѣ*, *Рени* и въ селеніяхъ близъ берега лежащихъ, — онъ не разъ въ ночное время выходилъ на нашъ берегъ, производилъ ужасныя смертоубійства и разбои среди городовъ, покражи, сманивалъ и перевозилъ по условленнымъ знакамъ нашихъ солдатъ и людей, обкрадывавшихъ своихъ господъ, подвергая безпрестанно край сей опасенію чумы; — но по принятіи мѣръ болѣе дѣйствительныхъ къ отвращенію сего, съ 1823 года почти не слышно подобныхъ приключеній; но неменѣе того сосѣдство онаго останется всегда опаснымъ для границъ нашихъ.

Другіе *Запорожцы* ходятъ и живутъ по деревнямъ, занимаясь разными мастерствами до востребованій ихъ *наказомъ* на собраніе, — есть и цѣлыя селенія оныхъ: 1-е *Раи* около 150 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадаюмъ*; 2-е *Озаклія*, до 60 дворовъ противъ *Галаци* черезъ *Дунай*; 3-е *Саранасувъ*, до 70 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадаюмъ*; 4-е *Караерманъ*, на островѣ между *Сунійскимъ* и *Георіевскими* гирлами — около 50 дворовъ — богатая деревня; 5-е *Чукурова*, около 20 дворовъ въ *Бабадаюмскомъ* мѣсу; 6-е *Илици*, выше *Мачина*, ниже *Даянъ* на *Дунаѣ*, около 50 дворовъ перемѣшанныхъ съ *Некрасовцами*.

Есть многіе весьма богатые *Запорожцы* наиболѣе въ селеніяхъ и вышеупомянутыхъ проливнахъ. Корчма въ *Дунавцахъ*, ходитъ ежегодно около 40 тыс. левовъ (22 тысячи рублей) на откупъ въ пользу *сачи*.

Запорожцы почти всѣ вооружены, но когда идутъ на войну, то получаютъ оружіе отъ *Порты*, которая по окончаніи отбираетъ; они жестоки и кровожадны, на войну ходятъ пѣшіе. *Кошевымъ* нынѣ у нихъ *Василій Головатый*, старшій *Запорожець*, избранный въ сіе достоинство около шести мѣсяцевъ тому назадъ, на мѣсто бывшаго предъ смѣхъ бѣглаго *Литвина*, извѣстнаго между ними подъ именемъ *Литвина Ивановскаго куреня*.

Въ *малыхъ Дунавцахъ*, вблизи большихъ лежащихъ, жителей нынѣ нѣтъ, и *Запорожцы* не долго занимали оные послѣ *Некрасовцевъ*.

Во время возмущенія грековъ двѣ тысячи Запорожцевъ, подъ предводительствомъ ихъ Кошевого Никифора Блуды, стараго Малороссіянина, ходили въ Валахию и возвратились изъ Бухареста съ большою добычею—привезли много дорогихъ пиконъ для своей церкви и большой колоколъ.

Около полутора года тому назадъ, 700 Запорожцевъ взяты были противъ Грековъ. Они пошли подъ предводительствомъ ихъ Кошевого Мороза, который въ послѣдствіи былъ Архимандритомъ и погибъ въ сей войнѣ. Въ Февралѣ сего года посланы еще 270 человекъ и скоро еще 150 человекъ; а ими требуется Фирманомъ 500 человекъ. Обстоятельство сіе привело въ волненіе всѣхъ; многіе разбѣжались, нѣсколько уже начали являться къ намъ въ карантинъ,—сѣча для сбора сего просила отсрочки на 15 дней; но имъ дано только 8 дней для отправления сего числа. (Стр. 32—39).

Къ исторіи церкви г. Остра.

Въ одной южнорусской старопечатной книгѣ¹⁾ встрѣтили мы приводимую здѣсь надпись, изъ которой видно, что ок. 1678 г., въ г. Острѣ (чернигов. губ.) была построена кievскимъ полковникомъ Константиномъ Соловниномъ церковь Воскресенія Христова. Свѣдѣніе это тѣмъ интереснѣе, что нынѣ не только этой церкви уже нѣтъ, но и память о ней забыта: въ книгѣ преосв. Фларета (Описаніе черниговской епархіи) Воскресенская церковь въ Острѣ вовсе не упоминается. Какъ безслѣдно исчезли у насъ даже такіе памятники, какъ городскія церкви, построенныя только въ к. XVII в.!... что есть учительное Евангеліе, зъ власти и праці своеѣ купивши благочестивый, христолюбивый и славою рыцерскою квітнуучийся его мд. пнѣ Константинъ Дмитриевичъ Соловнин, солковникъ войска его царского престоуѣтлого величества запорожского кievский, въ храмъ надалѣ до Воскресенія Христова в Острѣ, на новомъ мѣсте стоячей церкви, его коштомъ и щирымъ старанемъ урунованой (sic)²⁾ з горливости своеѣ надалочы, такъ хотячи мѣтъ, абы тая книга с того храма, то есть Воскресенія Христова, никимъ одалена не была под проклятіемъ светихъ отецъ. Офѣрована сія книга, и вручена в храмъ звышъ менованный року 1678, мца марта 14. дня...

¹⁾ Евангеліе учительное архіеписк. Каликиста, Еван, 1616. Въ началѣ книги недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, почему и въ надпись недостаетъ порѣзкихъ словъ. (Надпись сдѣлана по листамъ).

²⁾ Уфундованной?

Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни.

Въ недавно изданномъ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Коцишинскаго ¹⁾, напечатано нѣсколько пѣсенъ съ присоединеніемъ такой замѣтки:— «изъ любимыхъ пѣсенъ князя Г. А. Потемкина». Въ числѣ ихъ напечатана и извѣстная, приписываемая Мазепѣ, «думка»:

Ой бида, бида чайци небози,
Що явила дитокъ при битій корози...²⁾,

причемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «по народному преданію (?), князь Потемкинъ страстно любилъ музыку и изящныя искусства. Онъ сочинилъ много пѣсней на южнорусскомъ языкѣ (?). Любопытно было бы имѣть ихъ собраніе и этого достигнуть, кажется, не очень трудно, потому что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ есть еще остатки (?) съ этого времени (1778 г.), когда для принятія императрицы и князя, лучшіе дома соревновали въ томъ, чтобъ великимъ гостямъ, посѣтявшимъ ихъ край, доставить удовольствіе отборными оркестрами в хорами, а также—народными пѣснями и праздниками. Къ этому времени можно отнести начало хоровъ и оркестровъ у болѣе богатыхъ помѣщиковъ Малороссіи (?), что у нѣкоторыхъ и еще и доселѣ сохраняется».

Никакихъ указаній на источникъ этихъ свѣдѣній—о «любимыхъ пѣсняхъ» кн. Потемкина и о «сочиненіи» имъ пѣсенъ «на южнорус-

¹⁾ Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Кіевъ. 1885. 16. 148 стр.

²⁾ Къ числу „любимыхъ пѣсенъ“ кн. Потемкина отнесено еще нѣсколько; между ними—и слѣдующія:

1. Болить моя головошка видъ самого чола,
Не бачила миленького ни теперь, ни зчора...
2. Добре тін ляха чинять, що не кумартя,
Побравшися за руценьки та йдуть винчартя...

скомъ языкѣ г. Коципинскій не дѣлаетъ и возбуждаетъ относительно этого своего сообщенія полнѣйшее сомнѣнiе... Эти свѣдѣнiя, заключающiя въ себѣ зернышко правды, несомнѣнно преизукрашены вымысломъ людей мало знакомыхъ съ биографiей Потемкина. Зернышко правды тутъ заключается, повидному, въ основательности преданiя—о любви кн. Потемкина къ малорусскимъ пѣснямъ. Въ Морск. Сборникѣ 1861 г. (№ 9) были помѣщены замѣтки объ основанiи черноморскаго Николаева, написанныя мѣстнымъ сторожиломъ; въ числѣ этихъ замѣтокъ находится и слѣдующая: «Потемкину нравились малороссiйскiя пѣсни; изъ нихъ его любимая была:

На берегу у ставка
 На дощичи у млына,
 Купалася дивчина,
 Плескалася рыбчина....»

Въ богатой природѣ князя Таврическаго была и поэтическая складка; послѣдняя не могла не остановить вниманiя Потемкина на музыкѣ и словѣхъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя приходилось ему, конечно, не рѣдко слушать во время своего пребыванiя на югѣ Россiи..

3. Ой израда, чорна брови, зрада,
 Чомъ у тебе, милый, не щирая правда....

А. ЛАЗАРЬВСКІЙ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Изъ исторiи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссiи. 1) Село Грицовка. 2) Село Озеряне. 3) Село Дегтари. Стр. 1—18. 4) Полковникъ Галаганъ въ приднѣпровскихъ своихъ маестностяхъ. 5) Земельные захваты Булобашей. Стр. 106—121.
- II. Содержанiе одного изъ Чепинскихъ Сборниковъ историческихъ бумагъ. Стр. 19—21.
- III. Четыре письма жены полкового обознаго Евдокiи Сахновской къ мужу, 1743—44 гг. Стр. 22—27.
- IV. Максимъ Илляшенко, полковникъ лубенскiй, 1677—1687. Съ *портретомъ.* Стр. 28—31.
- V. Отрывки изъ семейнаго архива Полетникъ. 1) Происхожденiе Полетникъ. Свѣдѣнiя о чизни Григ. Андр. Полетника. 2) Шесть писемъ разныхъ лицъ о библиотекѣ Гр. Андр. Полетника. 3) Догадка объ авторѣ „Исторiи Русовъ“. Съ *портретомъ.* Стр. 32—51.
- VI. Полковничьи чиншевики. Стр. 52—55.
- VII. Мамаевъ дубъ. Стр. 56—57.
- VIII. Позднѣйшая память о В. Хмельницкомъ въ Суботовѣ. Стр. 57.
- IX. Рукописное евангелiе будто бы гетмана Сагайдачнаго. Стр. 58—60.
- X. Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣнiи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (Документъ 1744 г.). Стр. 61—76).
- XI. Распределительная записъ имѣнiй графа Кир. Григ. Разумовскаго между, его сыновьями. Стр. 77—85.
- XII. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. Стр. 86—103.
- XIII. Письмо Н. П. Косгомарова. Стр. 104—105.
- XIV. Свѣдѣнiя о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году. Стр. 122—126.
- XV. Къ исторiи церквей г. Остра. Стр. 127.
- XVI. Князь Потемкинъ и малорусскiя пѣсни. Стр. 128—129.